

ШЕРРИЛИН КЕНЬОН

ВРЕМЯ ВНЕ ВРЕМЕНИ

 Темные Охотники

Annotation

Не только майя предсказали конец света в 2012... Задолго до летописи времен жил свирепый воин, которого все боялись. Только жестокое предательство родного человека смогло одолеть его. Но даже смерть не стала концом для столь сильного мужчины. Время вне времени приближается... Всю жизнь Катери Авани преследуют сны, которых она не понимает. Картины мест, где она никогда не бывала, и мужчина, которого никогда не встречала. В поисках ответа она приезжает в Лас-Вегас, где надеется спрятаться от демонов, терзающих ее разум. Единственное, чего она никак не ожидала, так это столкнуться лицом к лицу с воином из снов. Рэн Вэйя вернулся из мертвых, чтобы не дать пророчеству уничтожить мир. Пророчеству, которому сам же стал причиной. Тысячелетиями Рэн противостоял злу, однажды уже взявшему над ним верх. Но коварная тьма возродила ту, с которой Рэн не в силах бороться. Единственную женщину, которая вопреки его воле завладела самым ценным, что у него было. Его сердцем. И теперь, если Рэн не убьет Катери, смертоносное зло вновь освободится и сотрет с лица земли все живое. Однажды ему уже пришлось принести эту жертву. Сможет ли он поступить так вновь?

•

Annotation

Не только майя предсказали конец света в 2012...

Задолго до летописи времен жил свирепый воин, которого все боялись. Только жестокое предательство родного человека смогло одолеть его. Но даже смерть не стала концом для столь сильного мужчины.

Время вне времени приближается...

Всю жизнь Катери Авани преследуют сны, которых она не понимает. Картины мест, где она никогда не бывала, и мужчина, которого никогда не встречала. В поисках ответа она приезжает в Лас-Вегас, где надеется спрятаться от демонов, терзающих ее разум. Единственное, чего она никак не ожидала, так это столкнуться лицом к лицу с воином из снов.

Рэн Вэйя вернулся из мертвых, чтобы не дать пророчеству уничтожить мир. Пророчеству, которому сам же стал причиной. Тысячелетиями Рэн противостоял злу, однажды уже взявшему над ним верх. Но коварная тьма

возродила ту, с которой Рэн не в силах бороться. Единственную женщину, которая вопреки его воле завладела самым ценным, что у него было.

Его сердцем.

И теперь, если Рэн не убьет Катери, смертоносное зло вновь освободится и сотрет с лица земли все живое. Однажды ему уже пришлось принести эту жертву.

Сможет ли он поступить так вновь?

Шеррилин Кенъон

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ЭПИЛОГ

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47

48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68

Шеррилин Кеньон

Время вне времени

Перевод: Solitary-angel

Корректор: So-chan

Вычитка: Лайла

Русификация обложки: Solitary-angel

Книга переведена специально для сайтов:

WorldSelena: <https://www.worldselena.ru/>

Оф. сайта фан-клуба Шеррелин Кеньон: <http://skenyon.ucoz.ru/>
ПРЕДИСЛОВИЕ

После окончания «Возмездия» персонажи отказались меня покидать. Я испытывала отчаянное желание вернуться к новоорлеанской команде, но Рэн мне этого не позволял. Не говоря уже о моем смешанном наследии чероки (мои корни, как и у многих тсалаги, уходят к майя, о чем мой дядя Карлос никогда не дает мне забыть), я хотела написать намного больше о Чу, Рэне и всех остальных. И тем более я не могла противостоять соблазну (лже)пророчества 2012. Жду с нетерпением, когда вы узнаете, как я его обыграла. Приготовьтесь к серьезному веселью!

При написании книг я люблю неожиданные повороты и сюрпризы. События из прошлых книг становятся чрезвычайно важными, к примеру, Саншайн и ее братья. То, как все связывается воедино...

Более того, истории и мифы чероки и майя переплетены между собой. Я давно хотела поиграть с мифами коренных жителей Америки. Я посвятила им немного времени, и мне так нравится происхождение прозвища Кабесы. Если вы задумаетесь об этом и том факте, что он был священником майя, вероятно, легко все разгадаете. Это забавно по двум причинам:.) Большого сказать вам я не могу, пока вы не прочитаете книгу.

Я очень довольна «Временем вне времени». Так тяжело ставить финальную точку в этой истории и начинать следующую. Моей любимой цитатой в книге остается подкол Талона в адрес Кабесы: «Это не твой лучший денек, Кабеса. Но не стесняйся, продолжай фантазировать обо мне. Так поступают большинство женщин». Обожаю, как парни подтрунивают друг над другом.

И Ник с Эшем полная неожиданность для меня. Ничего себе!!! Теперь все это обретает смысл. Я частично знала, но не понимала, что кроется под «ЭТИМ», и откуда оно взялось. Ооо!!!

Моему мужу, по множеству причин, которых и не счесть.

Моим мальчикам, которые заставляют меня смеяться и наполняют жизнь радостью.

Моим друзьям, поддерживающим меня в здравом рассудке.

И моим читателям. Спасибо всем за участие в моей жизни и за то, что наполняете мое сердце любовью.

ПРОЛОГ

До летописи времен

Не весело быть привратником ада. Хуже только участь шлюхи вселенского зла, но Мака'Али Омавэйя побывал и в этой роли.

Добровольно.

Желваки играли на его точеных скулах, а суровые ветры подхватывали и отбрасывали назад длинные черные волосы. Он стоял на вершине высокого обрыва, а мускулистое тело с вложенным в ножны оружием четко выделялось на фоне полной кроваво-красной луны. Подавленный и утомленный он смотрел на залитый лунным светом каньон багрового оттенка, а танцующие тени стали его постоянным напоминанием о прошлом.

Как может один человек погубить столько жизней?

Нет, не просто погубить, а уничтожить.

Он больше не имел права на жизнь. Не после всей крови, пролитой с такой жадностью его ножом и стрелами. Или всех совершенных злодеяний. И все же, он сейчас стоит здесь. В одиночестве.

Опозоренный.

Восставший из мертвых.

Дважды назначенный защитником мира он из кожи вон лез, пытаясь его уничтожить. Да, он так и не смог понять, какой в этом смысл. Духи — вечная загадка. Он даже не представлял, почему они позволили ему вернуться в мир живых.

Но из всего этого он извлек один урок истину, сказанную в старой поговорке: «Человеку дана ответственность, а не сила». После стольких лет он, наконец, понял, что это означает.

Я не подведу их снова.

Или себя.

Я непоколебим...

Он прожил всю свою жизнь, принимая осознанные решения, а не случайные. Духи не выбирали его для этой задачи. Он добровольно согласился на такую участь. Нет больше оправданий, которые ослепляли и препятствовали ему, теперь он изменится в лучшую сторону.

На этот раз он будет стремиться к совершенству, а не идти на поводу у зла. Он станет полезным, а не использованным. Будет добиваться успеха, а не соперничать. С этого момента и впредь он будет доверять только своему собственному здравому смыслу и игнорировать советы и мнения других. Его никчемная жалость к себе наконец иссякла, теперь он будет стремиться к познанию чувства собственного достоинства.

Прожить жизнь с честью, как и следовало.

Его взгляд скользнул по глубокой пещере вниз, где год и один день он сражался с могущественным бессмертным. Он до сих пор не знал, откуда взял силы для борьбы. Но адреналин и годы унижительного прошлого, от которого по-прежнему перехватывало дыхание, не позволяли чувствовать боль. Усталость и агонию ран. Ярость, накопленная десятилетиями и выпущенная на свободу, помогла лучше материнского молока.

Если бы только это послужило ему утешением. Но после всех сражений и крови на руках он изнурен и смертельно устал. Снедаем презрением. Как бы хотел обвинить кого-то другого. Кого угодно. Но, как ни крути, нельзя убежать от простой истины.

Он самостоятельно пошел на это. Принял решение и позволил другому существу взять под контроль свой разум.

Теперь настало время исправить ошибки.

«Ты не свободен, Мака'Али. Тебе никогда не избавиться от меня. И теперь ты мой навечно».

«Нет, я не принадлежу тебе», — мысленно огрызнулся он, достаточно громко, чтобы донести сказанное отсюда до Западных земель, где томился в заключении Дух Гризли.

Надеюсь, веки вечные.

Дух Гризли владел Мака'Али Омавэйя.

«Мака'Али Омавэйя мертв».

Обманом убит собственным братом. И это злодеяние тоже вполне оправданное.

Теперь он возродился как Рэн Вэйя — вероломный волк, душой которого владела бессмертная из далекой земли.

Арт-у-мисс. Она сплела магию, вернув его в этот мир. И он поклялся себе, что всеми силами будет защищать мир от созданий ее брата, которые охотятся за душами людей. От него не ускользнула ирония и цикличность.

Но, впрочем, его народ всегда верил в круговороты и циклы...

Будь добр со всеми, и добро вернется к тебе. По этой причине его племя не верило в прощание. Люди не менялись, только обстоятельства.

А то, что Артемида завладела его душой после всего совершенного им, казалось правильным. Не говоря уже о том, что так он сможет присматривать за братом и убедиться, что Койот не нанесет этим землям большего вреда, чем Рэн, когда был ее хранителем.

Даже теперь, несмотря на то, что Дух Гризли заточен в Западной земле, Рэн не мог отрицать, что ублюдок завладел его частичкой, которая навсегда останется оскверненной.

Рэн лишь надеялся, что та частичка запечатана так же крепко и надежно, как врата, сдерживающие Дух Гризли.

Но благодаря своим силам, которые он так проклинал с самого рождения, Рэн сердцем знал, что грядет. Врата ослабнут. Он всегда был сильным, а воскреснув, стал еще выносливее. Но Старец Время всегда движется вперед и, проходя по земле, меняет все.

Его сильные руки лепили и формировали землю.

Так же, как Рэн нанес ей непоправимые шрамы.

Однажды Старец придет за ним и спросит за все содеянное.

И за все, чего он не сделал.

Пусть добрые духи земли помогут им, когда этот день настанет. Изменения никогда не происходили без страха и жертв. И хотя Рэн знал все свои сильные стороны, также имел представление и о слабостях.

Так же, как Дух Гризли и его служанка Ветер-провидица. Однажды они уже завладели им.

Когда это повторится, Рэн будет сражаться до последнего. Но он знал, этого будет не достаточно.

Они снова завладеют им, и тогда...

Рэн вздрогнул от видения будущего. Несчастный мир не подозревает о вещах, которые держат в страхе людей подобных ему.

Неважно, это ничего не изменит. Он будет бороться за добро ещё яростней, чем за зло. И если победит, все будет замечательно. А если проиграет...

Что ж, смерть не лишена определенных преимуществ.

ГЛАВА 1

10 декабря 2012 года

Лас-Вегас, штат Невада

03:00

— Перышки создаются на небесах, и Холодная Луна почти приблизилась к нам. Вскоре Отец Змей откроет глаза, а вместе с ними и семь врат.

Рэн склонил голову, когда тишину ночи нарушил глубокий безукоризненный британский акцент Чу Ко Ла Та. Упомянутые перья располагались короной над созвездием Змеи, которое управляло их

древним календарем. Когда оперение станет полным и наступит день зимнего солнцестояния, врата между этим и иным миром откроются, и в этот мир выльется все зло, изгнанное не только его народом, но и остальными шестью континентами.

Одиннадцать дней.

Двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года. В одиннадцать минут двенадцатого. В этот самый миг сердце вселенной пройдет через древо жизни. Впервые за много столетий голова, сердце и тело станут единым целым.

Было ли это прекрасно? Если кто-то сомневался в балансе и циклах Вселенной, то данное явление должно было убедить их, что все случайное таковым не является. Никто, кроме Великого Творца, не смог бы рассчитать все столь идеально.

Одиннадцать дней до Сброса.

Казалось, Рэн слышал тиканье часов. Каждый удар сердца приближал их к неизбежному концу. Все ближе к крошечному аду.

Отличная причина взять на работе больничный.

Если бы такой номер прокатил. Однако такая роскошь доступна лишь людям, а не бессмертным. Для таких как он не существует больничных и даже времени побить баклуши. Победа, поражение или ничья, они будут бороться до самого горького конца и постараются прихватить с собой как можно больше врагов.

Вместе мы выстоим.

Вместе умрем.

А для бессмертного — смерть намного страшней, чем для человека. Если ты умрешь без души, то обречешь себя на существование в вечных муках.

Даже ад покажется раем в сравнении с тем, что грозит ему в случае провала.

Рэн почтительно склонил голову перед Чу Ко Ла Та.

— Я наблюдал за знаками.

Тем временем у него было видение, которое до сих пор не давало ему покоя. Даже с широко распахнутыми глазами Рэн по-прежнему отчетливо видел ее. Чувствовал ее присутствие.словно она находилась рядом.

Но он не знал, кто она. Лишь проблеск женщины-виденья, которая с негибимым упорством шла к нему сквозь тьму. Одета в желтую оленью кожу, с темно-каштановыми волосами, скрученными спиралью и украшенными белыми перьями. Как и богиня, забравшая душу Рэна, она опустилась на колени рядом с его израненным телом. Её нежный голос

успокаивал, пока она напевала ему песню на языке, которого он не слышал уже около двух тысячелетий.

Смерть была близка, когда женщина прижала ладошку к его окровавленной щеке. Наклонившись, она продолжила петь и ласкать дыханием его кожу. Нежное прикосновение и успокаивающий голос вытеснили боль, пока Рэн не перестал чувствовать лишь тепло ее тела. Она не сводила с него глаз и прижалась к губам в поцелуе. Таким легком, словно крылышки колибри.

— Я здесь ради тебя, — прошептала она перед тем, как пронзила кинжалом сердце. Боль была раздирающей, а она со смехом встала и бросила его умирать в одиночестве.

Видение едва закончилось перед появлением Чу Ко Ла Та на его заднем дворе. Последние полчаса он внимательно вглядывался в небо, выискивая опровержение того, что грядет.

Никому не под силу остановить поезд. Лучшее, что они могли сделать, просто броситься под него.

Рэн медленно поднялся и повернулся к древнему бессмертному. Много веков назад они вместе принадлежали одному племени. Чу Ко Ла Та когда-то был надежным другом и советником его брата.

Но все меняется. В том числе и люди. Слишком часто ты просыпаешься и понимаешь, как заблуждался об истинной личине близкого человека. А Рэн знал не понаслышке, что друга, отдавшего сердце тьме, нужно опасаться больше всего. Враги ранят твоё тело, а злость друга может истязать сердце и разум, а именно это фатально.

— Нет никаких признаков Хранительницы. — Чу Ко Ла Та поднял взгляд на распростёршиеся над их головами Плеяды, где находились первые врата. Именно эти звезды приковали к себе внимание Рэна. И те, которым отведено особое место в его сердце. — Что, если она уже мертва?

— Один хороший друг как-то раз сказал мне не бояться будущего. Оно в любом случае наступит. Хитрость в том, чтобы встречать его с распростертыми объятиями, так что при столкновении оно ничего не ломает.

Чу улыбнулся.

— В те дни я был гораздо моложе и более гибок.

Рэн лишь посмеялся над древним, который выглядел как тридцатилетний мускулистый мужчина. Одетый в желто-коричневую куртку из оленей кожи и джинсы Чу, как и Рэн, заплетал длинные черные волосы в косу. На восьми пальцах поблескивало по серебряному перстню со священными камнями. Как и он, Чу когда-то был лучшим воином

племени. Они воевали вместе и боролись друг против друга. По иронии судьбы Рэн единственный, кто когда-либо одолевал Чу Ко Ла Та.

Обманным маневром.

К счастью, Чу не был злопамятен.

Чересчур.

Рэн скрестил руки на груди, ощутив, насколько прохладным стал ночной воздух. Пока медитировал, он не заметил, как понизилась температура. Теперь пронизывающий пустынный ветер давал о себе знать.

— Кроме того, не ее смерти мы должны бояться, а того, что ее камень попадет не в те руки.

Чу Ко Ла Та согласно кивнул.

— И это то, чего я опасюсь больше всего. Гигау^[1] уже должна была связаться со мной. Если она не выйдет на связь... — Его разочарование было ощутимым. — Я даже не знаю, кто она в этой жизни.

Рэн тоже не знал. Для того, чтобы оградить Хранительницу от хищников, которые убьют ее при первом же удобном случае, Духи никогда не позволяли Стражам узнать личность женщины, пока в этом не возникала необходимость. Учитывая, что Стражи бессмертны, а Хранительница нет. Человеческое дитя, которой от матери к дочери передавался святой камень с историей об их священном долге. Каждый раз, когда приходило время Сброса, Хранительница являлась во сне Чу Ко Ла Та, чтобы он узнал, кто она.

Оставшиеся в живых двое из четырех Стражей, Чу и брат Рэна — Койот, были единственными, кто мог помочь Хранительнице перезапустить календарь и удержать врата закрытыми.

Один Страж будет защищать её.

А его брат собирается убить.

Рэн, который был Стражем, пока брат не украл его место, теперь находился между ними. Хотя он будет изо всех сил сражаться бок о бок с Чу Ко Ла Та, Рэн не был уверен, что сможет схлестнуться с собственным братом. Пускай в его сердце жила жгучая ненависть к Койоту, оставившая горький осадок, но оно скрывало столь глубокое чувство вины, что Рэн даже не злился за похищение и пытки, которые ему организовал брат в прошлом году.

Как он мог, когда причинил Койоту куда больше вреда?

Предательство никогда не проходит бесследно. Когда оно исходит от незнакомого человека, оно отвратительно, от друзей — болезненно, но от семьи...

Разъедает как кислота.

Рэн хлопнул Чу Ко Ла Та по спине.

— Давай глянем на ситуацию с позитивной точки зрения. По крайней мере, никто не раскрыл Ани-Кутани^[2].

— Это пока, мой дорогой мальчик. Но помни, осталось еще одиннадцать дней. Из-за одного дерьмового момента могут пойти прахом все наши усилия по защите этого мира, и нет ничего более опасного, чем идиот на задании.

Рэн фыркнул от такого оптимизма.

— Конечно, есть, Чу.

— И что же?

— Другой кретин с доступом в Интернет и шестью банками «Ред Булл».

Но если серьезно, Чу Ко Ла Та прав. Если кто-нибудь откроет каменную печать, хранившую собратьев Рэна в заключении, когда наступит Время Безвременья или как его еще называли Время вне времени...

Он реально возьмет больничный.

Найдет дыру и спрячется.

При одной мысли об их возвращении желудок сжался, а по рукам побежали мурашки, словно подсознание предупреждало его, что уже поздно думать о бегстве.

«Такое чувство, будто печать уже сломана.

Прекрати. Это ветер.

Просто ветер.

Но вопрос вот в чем. Этот ветер с пустыни? Или от освобождения Ани-Кутани?»

ГЛАВА 2

10 декабря 2012 год

Таскалуса, штат Алабама

04:00

Катери Авани вздрогнула, охваченная мучительными сновидениями.

В них она снова стала маленькой девочкой. Она сидела в бабушкином доме и играла с куклами. Бабуля сделала их из кукурузы, растущей в огороде, для нее и кузины Саншайн Раннинвульф. Двенадцатилетняя Катери провела маленькой ручкой по черным кукурузно-шелковистым волосам

воина. Она не знала почему, но всегда так поступала, прежде чем взять игрушку.

Бабушка сидела с ней рядом за старомодным кухонным столом из красного дерева и лущила горох, как вдруг заговорила с Катери самым нежным голосом, от которого девочка чувствовала себя всегда в полной безопасности.

— Знаешь, Тери, люди часто говорят, что любовь к деньгам — корень всего зла. Но они ошибаются. — Она бросила стручки и стебельки гороха в компостную корзину у ног. — Зло творилось задолго до появления денег и денежной системы в целом.

Не понимая, отчего бабушка об этом заговорила, Катери приподняла бровь от столь серьезного тона.

Белоснежные волосы бабушки были заплетены в косу и уложены вокруг головы замысловатой спиралью, которую Катери часто пыталась сделать себе сама. Но ее волосы всегда оказывались в беспорядке, а от любого резкого движения косы распадалась.

Поправив очки, бабушка положила еще неочищенных стручков из плетеной соломенной корзины на столе в железную кастрюлю, которая стояла у нее на коленях. Указав на Катери одним из длинных стручков, она посмотрела на внучку золотистыми глазами, в которых по-прежнему плескалась сильная энергетика знахарки.

— Прислушайся к моему предостережению, дитя. Деньги и жадность не губят человечность, и, безусловно, не они портят жизнь отдельным личностям. Нас губит гораздо более страшная вещь. Это всего лишь симптомы истинной болезни, способной уничтожить нас изнутри.

У Катери расширились глаза.

— И что же это, бабуля?

— Зависть, — ответила она ледяным тоном. — Это самая опасная вещь, дитя. Именно она стала причиной первого известного человечеству преступления, когда брат заколол брата и оставил умирать только потому, что тот был более удачлив. На первый взгляд, это такое красивое слово. Но, как и у любого истинного зла, красота его обманчива и заманивает неосторожных, овладевая и разрушая их души. И прежде чем ты даже успеешь осознать, оно затянет тебя, точно дьявольский водоворот, а потом как ни старайся, не спасишься.

Сердце Катери быстрее заколотилось в груди. Слова пугали. Она не хотела никогда в жизни испытывать подобное. Но существовала одна проблема: она не понимала, что подразумевалось под «этим словом».

— Что такое «зависть»?

Бабушка более рьяно стала лущить горох.

— От латинского *invidi*, это чувство, вызванное негодованием или злобой по отношению к другим. Зависть не способна порадоваться за чужое счастье и желать людям добра, даже если они его заслуживают. Это, когда ты упрекаешь кого-то за счастье или за то, что их жизнь, на твой взгляд, лучше и проще. Но запомни мои слова, дитя, у каждого предостаточно боли и печали. Преград, встающих на пути, и призраков, терзающих душу. От этого никто не застрахован, какой бы идеальной и хорошей со стороны ни казалась его жизнь. Стыд и боль никого не щадят.

— Я бы никогда не сделала ничего подобного, бабуля, — заверила ее Катери. — Уверена в этом.

Бабушка ласково улыбнулась.

— Знаю, детка. Но предостережения следует повторять. Ведь очень легко попасть под власть зависти и позволить ненависти и горечи разрушить свое собственное счастье. — Она протянула Катери пару молодых горошин и продолжила лущить стручки. — Когда я была в твоём возрасте, моя бабушка рассказала мне историю, поведанную ей ее бабушкой. Хотя я была мала, но ее слова запомнила на всю оставшуюся жизнь.

Катери жевала горох и слушала. Она всегда любила бабушкины сказки.

— Однажды мальчик подошел к своему дедушке, старому вождю чероки.

— *Edudi*^[3], почему ты такой грустный? — спросил мальчик.

Старый вождь закусил губу и потер живот, будто испытывал дикую боль.

— Внутри меня происходит жестокая борьба, *Uhgeeleesee*^[4], — строго произнес вождь. — Это не дает мне спать и лишает покоя.

Бабушка коснулась стручком кончика носа Катери, когда та округлила глаза, подражая наивному мальчику.

— Борьба, дедушка? Я не понимаю. Как она может происходить внутри тебя?

Катери взяла еще горсть гороха из кастрюли.

— Старый вождь опустился перед мальчиком на колени и стал объяснять.

— Глубоко в моем сердце живут два волка. Каждый достаточно силен, чтобы поглотить другого, но они заперты там, обреченные на нескончаемую борьбу. Один олицетворение зла: месть, печаль, горе, гнев,

жадность, высокомерие, глупость, превосходство, зависть, чувство вины, ложь, самолюбие, тщеславие, гордость, чувство неполноценности, неуверенности в себе, подозрительность и обида. Другой волк олицетворяет добро. В нем мир, блаженство, спокойствие, мудрость, любовь, радость, надежда, смирение, сострадание, доброжелательность, великодушие, правда, вера и сопереживание. Они кружат друг напротив друга в моем сердце в постоянной борьбе. День и ночь. Не переставая. Даже когда я сплю.

Мальчик широко распахнул глаза и резко вздохнул в ужасе.

— Как же это ужасно.

Услышав, дедушка покачал головой и похлопал мальчика по груди там, где билось сердце.

— Это ужасно не только для меня. Такая же борьба происходит внутри тебя и любого человека, когда-либо бродившего по этой земле.

Катери прикоснулась к своему собственному сердцу, и ей стало интересно, прячутся ли внутри нее эти волки.

— Слова ужаснули маленького мальчика, — продолжила бабушка.

— Так скажи мне, дедушка, какой из волков победит в этой борьбе?

Старый вождь улыбнулся своему внуку и коснулся его нежной щеки, прежде чем озвучил одну простую истину:

— Тот, которому мы позволим.

Катери попыталась проснуться и сквозь сон услышала слова бабушки

— Будь осторожна в том, какому из зверей даешь свою силу, дитя. Он всегда будет следовать за тобой и жить рядом, пока ты будешь стелить ему постель или же найдешь смелость и изгонишь навеки.

Но бабушка не остановилась на банальных предупреждениях. Она взяла Катери за руку и потянула сквозь время. В место, казавшееся ей жутким и странным, но таким знакомым. Такое чувство, что она бывала здесь раньше, просто забыла об этом.

Или избавилась от воспоминаний.

Хотя порывистые ветра были горячи, кровь стыла в жилах от ужаса, будто здесь скрывалось истинное зло. Нечто, желающее ее смерти. Сталактиты и сталагмиты застыли как бесформенные звери, наводя еще больше жути. Красные глиняные стены напоминали марсианские ландшафты. Их покрывали изображения древних битв между воинами и пернатым змеем, который возвышался над ними, извергая огонь и пытаясь повергнуть противника.

— Это место — начало конца.

Прежде чем Катери успела спросить, что бабушка имеет в виду, она

заметила движущуюся на полу тень. Кто-то схватил ее сзади и прижал к крепкой каменной груди. Размер человека подавлял, а то, с какой легкостью он удерживал ее, вселяло страх. Он был одет в белую льняную рубашку, черный жилет и джинсы, а длинные темные волосы спадали до середины спины. Темные глаза блестели на столь прекрасном точеном лице, что оно казалось нереальным.

Рассмотрев незнакомца, Катери расслабилась.

Пока он не заговорил.

— Во веки веков, — прошептал он ей на ухо за мгновение до того, как вонзил кинжал в ее сердце и бросил на землю умирать. Последнее, что она увидела, как он превратился в ворона и улетел прочь.

Трясаясь от страха, Катери проснулась в холодном поту от дребезжания будильника. В полпятого утра в спальне еще стояла кромешная темнота, но все равно она почувствовала чье-то присутствие. Более того, в воздухе витал слабый аромат мяты и лосьона «Юрген».

Запах бабушки. С такими же тревожными ощущениями она проснулась в колледже в ночь смерти бабушки. Мурашки побежали по телу, а глаза заволокло слезами.

— *Eleese?* — выдохнула она, обращаясь к бабушке на языке чероки.

Сверкнула молния. Катери ахнула, увидев силуэт в углу.

Только это была не бабушка. Эта уродливая скрученная фигура внушала ужас.

Более того, тень набросилась на нее.

Катери машинально вскинула руку и прошептала древние слова защиты. Бабушка постоянно твердила ей их, чтобы внучка знала, как защититься от кошмаров. Как ее учили, Катери своими мыслями отгородилась от существа, изгоняя его из этого мира туда, откуда оно пришло. Тварь завизжала, и их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. В пустых глазницах вспыхнуло пламя, прежде чем существо отлетело, будто наскочив на силовое поле. Пронзительно каркнув, оно вспыхнуло пламенем, закорчилось и, обернувшись вороном, вылетело в окно.

Нет. Не вороном.

Пересмешником.

Холодок пробежал вдоль позвоночника, всколыхнув старые воспоминания, которые ей не хотелось воскрешать.

«Черный пересмешник^[5]».

Иссохшие существа, которые приходили к людям на смертном одре, чтобы полакомиться их душами.

Катери резко покачала головой. Нет, она не верила в подобную ересь. Никто и ничто не может забрать человеческую душу. Бабушка рассказывала истории и страшилки, чтобы развлечь ее. Это всего лишь придания старины.

«А я ученый и знаю, что не существует меняющих облик существ, крадущих души у людей при смерти».

Это невозможно.

Но бабушка в них верила, как и многие чероки из резервации, которых она лечила. Они звали бабулю каждый раз, когда кто-то умирал. Днем или ночью бабушка защищала умирающих от черных пересмешников.

«Я боролась со многими из них в свои дни, дитя. И ты однажды сможешь их видеть, как и я, чтобы сражаться с ними ради души, за которой они придут. Для тебя дело чести продолжить мою миссию. Когда придет мое время, я хочу, чтобы ты держала меня за руку, когда я отправлюсь в новое путешествие, и защищала мою душу, пока та не покинет это старое тело и благополучно не войдет во врата рая. Потом я буду жить среди звезд и наблюдать за тобой каждую ночь так же, как сейчас смотрю на тебя».

Это оказалось несбыточной мечтой. Вместо мирной смерти во сне бабушку убил грабитель, пока Катери была от нее за тысячи километров.

«Не думай об этом».

Всякий раз, стоило об этом вспомнить, Катери охватывала отвратительная и темная ярость, и ей стоило огромных усилий унять жажду мести. Ее бабушка была самым добрым и нежным существом, живущим когда-либо на этой земле, а какой-то псих выломал дверь и...

«Хватит! Остановись! Тебе нужно заняться работой...»

Мысль оборвалась, когда ее взгляд остановился на туалетном столике, где рядом с небольшой фотографией их с кузиной, сидящих на коленях бабушки, лежали те самые куклы из сна. Катери уже много лет не видела их. С того лета, как ей исполнилось шестнадцать, и бабушка провела ритуал перехода из детской жизни во взрослую.

В тот день эти куклы были сожжены, а их пепел развеян в саду, чтобы питать новый урожай зерна — символа жизни и круговорота рождения, обновления, смерти и возрождения...

Но ее испугали совсем не куклы, а то, что пока она спала, кто-то пробрался в комнату и оставил послание на зеркале, написанное куском мыла, — такие записки оставляла бабушка, когда Катери у нее гостила. Маленькие послания: «Я люблю тебя», «Удачи на контрольной», «Хорошего дня в школе», «Не забудь свитер» и тому подобное.

Но эта записка была совсем не милой.

Возьми мой пауи^[6] в Долину Огня, где чистая земля в силах приручить ворона. Слушай бизона и оберегай бабочку. Вместе вы сильнее любого врага. И помни, Валеيلي, когда придет койот и атакует змея, либо ты съешь медведя, либо медведь съест тебя.

Такое и среди бела дня читать неприятно. А с утра пораньше и вовсе жутко.

«Я не в настроении для подобного дерьма».

— Кто здесь? — крикнула она.

Ответом ей стал лишь стук собственного сердца. Катери бы позвонила в полицию, но какой в этом резон.

«Доброе утро, я проснулась и обнаружила на своем зеркале загадочное послание, написанное каким-то алкашем или наркоманом, или... Нет, офицер, я ничего не принимаю. Да, все верно, сейчас здесь никого нет, и я не знаю зачем они это сделали, но могли бы вы найти их и попросить больше такого не делать? Кого я подозреваю? Без понятия. Такие записки оставляла только моя покойная бабушка».

«Да, никудышный вариант, а с моей удачей мне еще впаяют штраф за ложный вызов.

Или еще лучше засадят в психушку».

Но действительно настораживало в этой записке то, что ее назвали Валеيلي... Колибри с языка чероки. Именно так нарекла ее бабушка. Но мать не указала это имя в свидетельстве о рождении. Ни одна живая душа его не знала.

Ни одна.

Так что, либо ее навестила бабушка, либо...

«Ты не веришь в приведений».

Все верно, но какое еще можно найти объяснение? Зачем совершенно незнакомому человеку врываться в дом, ничего не красть, не причинять никакого вреда, а лишь писать это? Это противоречит любой логике.

Откуда они узнали о бабушкином пауи, пришедшем мне по почте на следующий день после ее смерти, или об имени, которое бабушка упоминала лишь со мной наедине?»

Катери покачала головой.

«Может, это задумка черного пересмешника».

Мысль о том, что пересмешник мог написать сообщение мылом на зеркале, казалась еще нелепее и надуманнее, чем теория о призраках.

«Но тогда какое еще остается объяснение этой чертовщине?

Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется единственный факт, который и есть истина».

Она закатила глаза, осознав, что мысленно цитирует сэра Артура Конан Дойла.

— Я не верю в подобную чепуху, бабуля! — крикнула она в потолок. Никогда не верила. Паранормальные явления, черные пересмешники, цинукс, духи и прочие... дешевые сказочки.

«Я — ученый и верю лишь в то, что могу увидеть, попробовать, потрогать, понюхать и услышать.

Измерить.

Остальное — ерунда для писателей и Голливуда. Лишь плод воображения и снов.

Всего этого не существует».

На туалетном столике что-то скрипнуло. Катери резко повернула голову.

На зеркале появлялись все новые и новые слова.

Тем не менее, я верю в тебя, Валеيلي. Не подведи меня. И самое главное, не подведи себя.

ГЛАВА 3

Полдень

Записав дату со временем на образце грунта, Катери не покидало чувство, будто она толчется на месте и ничего не успевает. Ее окутала какая-то вялость, руки и ноги налились свинцом, и двигалась она со скоростью черепахи. И, как не старалась, она не могла вписаться в свой привычный ритм жизни. Сосредоточиться на работе никак не выходило, ведь мыслями она то и дело возвращалась к своим безумным снам.

«Что я вчера ела на ночь?

Банановое мороженое.

Точно.

Отныне оно под запретом».

После нескольких часов внутренних споров она засомневалась в собственной вменяемости и стала корить себя в бескрайней глупости за то, что на секунду приняла плод своего больного воображения за реальность.

Но, в конце концов, перед тем как отправилась в ванную приводить себя в порядок, Катери удалось убедить себя, что это все было плодом ее воображения. Кошмаром, вызванным большим стрессом, мороженым и...

Ретроградной планетой^[7]. Нужно будет позже с кузиной проверить. Санни всегда следила за этими странностями. Только Санни наверняка могла сказать, какая планета и знак зодиака внес хаос в ее жизнь.

Однако как ни старалась, Катери не могла выкинуть из своей головы образ темноволосого воина. Одевай он рубашку всякий раз, как заявлялся в ее подсознание, это безусловно бы упростило дело. И как у мужика хватало наглости являться в ее сны полуобнаженным?

Немного скромности не помешало бы.

«Да, но одежда на таком потрясающем теле сошла бы за оскорбление.

Угомонись, подсознание, вспомни о приличиях».

Но как бы тяжело ни было видеть полные боли темные глаза, когда он держал ее в своих нежных и таких надежных объятиях. Когда его дыхание щекотало щеку. Даже сейчас Катери могла почувствовать его сердцебиение у своего плеча и ощущать легкую дрожь рук. Почти в каждом сне он прижимался к ней своей щекой, будто действительно наслаждаясь близостью. В такие моменты Катери окутывала безмятежность. Счастье.

Пока он не убивал ее.

«Это просто глупый сон».

Теперь Катери в это верила. Когда она вернулась в спальню одеться, на зеркале уже не было никаких посланий или признаков кукол, черных пересмешников, в общем, ничего из ряда вон выходящего.

Вот и доказательство, что у нее чересчур разыгралось воображение.

«А друзья еще удивляются, почему я никогда не пробовала наркотиков».

С ее семейной историей Катери на такое не решилась бы. У нее без галлюциногена и так не все дома. Ей для полного счастья не хватало сдуреть окончательно.

После смерти бабушки ее преследовали «видения», которые она не могла объяснить. Пещеры в пустыне и древние иероглифы, написанные на каменных стенах. Животные, нападающие на нее. Но неизменным оставался темноволосый мужчина, который либо сражался на стороне Катери, либо...

Вонзал в нее нож.

Внезапно дверь распахнулась, и в лабораторию зашел ее ассистент Энрике Мартинес с огромной коробкой в руках. В свои двадцать три он был великолепен и прекрасно об этом знал, чем пользовался на полную

катушку каждый раз, когда студентка нуждалась в «репетиторе». Список его постоянно меняющихся подружек был невероятно длинным, и Катери перестала пытаться уследить за ним.

— *Hola*^[8], доктор Авани.

Он поставил свою ношу рядом с ней на стол.

Откинувшись на спинку стула, она улыбнулась Энрике. Не единожды она просила называть ее Тери или Катери, но он почему-то придерживался формальностей.

— Привет, дружок. Как прошло вчерашнее свидание?

Он цокнул с несчастным видом.

— Не так хорошо, как я надеялся. Она спихнула меня в реку. Не беда. Меня это не сильно расстроило. Она не та, которую я ищу.

— Почему?

От его улыбки на щеках заиграли ямочки.

— Она предъявила официанту такую кучу претензий насчет еды, что я побоялся притрагиваться к тарелке. Никогда не знаешь, когда разгневанный повар решит приправить мясо чем-то особенным. Мне гарпия ни к чему, если вы понимаете, о чем я?

Катери со смехом потянулась к коробке, намереваясь открыть ее.

«Проклятие, тяжеленная штука. Кто-то по почте отправил мне кучу кирпичей?»

Учитывая вес, Катери по-новому взглянула на Энрике.

— Док, вы смеетесь над моим несчастьем, но это ничто в сравнении с местью Монтесумы^[9].

Она окинула его раздраженным взглядом.

— Ты никогда не простишь меня за тот случай в Гватемале?

— Вам никогда не приходилось жить в туалете три дня кряду. Кстати, спасибо за такой подарок ко дню рождения.

Она фыркнула.

— Ну что ж, по крайней мере, ты его запомнил на всю жизнь. Зато ты не скажешь, что я не умею произвести неизгладимое впечатление.

На этот раз они рассмеялся вместе. Энрике вытащил из заднего кармана нож-бабочку, взмахом руки обнажил лезвие и разрезал скотч на коробке.

У Катери брови на лоб полезли от его навыков обращения с холодным оружием. Даже думать не хотелось, откуда у выпускника геологического факультета такие познания.

— Разве это законно?

Выражение лица Энрике убедило бы ангела со слезами на глазах уверовать в его невинность.

— Это?

Ей нравилось, что он отвечал вопросом на вопрос, когда его что-то не устраивало. Такой метод уклонения не редкость, но Энрике был просто знатный манипулятор. Качая головой, Катери открыла коробку. Груда пенопласта скрывала что-то завернутое и обклеенное словно из принципа.

«Великолепно. Все как по заявке. Сломанный ноготь и ожог от ленты».

Энрике убрал нож в карман, а потом взял ее блокнот со стола.

— Отличный рисунок, Док. Это ваш парень или просто знакомый?

В его глазах промелькнул странный блеск. Если бы Катери не знала, то подумала бы, что Энрике узнал ее темного воина.

На щеках вспыхнул румянец от осознания того, что держит в руках ее ассистент.

«Почему я не закрыла блокнот?»

Да потому, что была занята, пытаюсь внушить себе, что мужчина, которого она нарисовала, бред, вызванный частым просмотром романтических комедий.

— Нет. Я рисую иногда, когда мне нужна ясная голова.

Таким образом она пыталась изгнать из своих мыслей таинственного воина, чтобы потом нормально заняться исследованиями и испытаниями.

Не сработало. Все ее героические усилия обернулись для нее боком. Она не только не выкинула его из головы, теперь каждая черточка точеного лица и твердого, словно камень, тела безраздельно царила в ее мыслях.

По какой-то причине она изобразила его в профиль. Взгляд устремлен влево, свет падает на лицо, подчеркивая каждую черточку, а голая грудь настолько сексуальна, что стала бы под запретом в большинстве штатов. Катери оставила длинные волосы распущенными, обнажив шею с ожерельем из бирюзы, костей и серебра, которое он неизменно носил в ее снах. В руках он держал огромную боевую дубину. Она напоминала весло для гребли на каноэ, только края были усеяны осколками стекла. Об этом забытом оружии современный человек мог узнать лишь из доисторических глифов. У дубины была плоская сторона, позволяющая племенам майя вырубить жертву, а обсидиановое стекло могло разрезать плоть и кости быстрее скальпеля или медицинской пилы. Катери не знала, почему видела его с оружием племени майя, но он несколько раз пользовался им в ее снах.

Хотя и без оружия воин выглядел могущественным и смертельно опасным. Притягательным и аппетитным.

В голову лезли мысли, о которых Энрике точно не следует знать.

Никогда. Катери выхватила блокнот из его рук и захлопнула.

Судя по дьявольской усмешке, ассистент о многом догадался, но не стал совать нос в ее дела.

— Кстати, вы слышали о докторе Дрейке?

— О котором?

На территории кампуса обитали четверо однофамильцев, двое с геологического факультета, где она и Энрике жили большую часть времени.

— Тот, с которым вы прошлым летом ездили на раскопки в Мексику. Все на вашей электронной почте. Я чуть раньше отправил вам уведомление. Несколько дней назад он умер во время перелета.

Потрясенная Катери ахнула, поражаясь бестактности ассистента.

«Проклятие, мальчик, неужели мама ничему тебя не научила? Не стоит сбрасывать на людей трагические новости как бомбу...

Маленькое предупреждение было бы кстати».

Речь шла о Фернандо Дрейке с кафедры социологии и антропологии колледжа Милсапса в Миссисипи. Они дружили с тех пор, как впервые встретились в Рид-Холле еще второкурсниками Университета Джорджии: Фернандо по доброте душевной убил жука в комнате ее общежития, который несколько дней не давал Катери житья.

Фернандо, несомненно, обладал врожденными талантами, раз услышал, как она кричала, пытаясь прибить насекомое. Держа в руке огненно-красный ботинок «Доктор Мартинс» он вбежал в открытую дверь и припечатал существо к полу у самой кровати ее соседки по комнате. Вдобавок к своему героическому поступку он забрал останки жука и смыл их в мужском туалете.

Фернандо для всех был истинным джентльменом, и никто не мог сказать о нем иначе.

Ему едва перевалило за тридцать, и он был слишком молод, чтобы просто упасть замертво. Катери никогда не видела, чтобы он страдал от элементарного насморка или головной боли.

— Что?..

— Да. Все крайне странно. Сказали, что на его теле нет ни единой ссадины, но на вскрытии обнаружили отсутствие сердца. Как странно, правда? Чем-то напоминает серию «Грани», вы не считаете?

Комната закружилась, всколыхнув в памяти старые сказки. Земля ушла из-под ног, словно она находилась в свободном падении. Катери схватилась за стол, ища точку опоры, чтобы не свалиться со стула на пол.

— Ты шутишь.

— Зачем мне шутить о чем-то столь ужасном? Я не полный кретин. —

Энрике нахмурился. — Вы в порядке, док? Выглядите неважно.

С ней явно было не все в порядке, мыслями она полезла в дебри, в которые не хотела делать и шага. По легендам черные пересмешники поедали сердца своих жертв, не оставляя никаких видимых следов. Единственный способ узнать об их деянии — вскрытие.

В горле перехватило, так что дышать было невмоготу. Катери открыла электронную почту, чтобы своими глазами увидеть статью о смерти Фернандо. Однако не нашла успокоения, а лишь сильнее разбредила душу.

Энрике сказал правду. Фернандо летел домой, когда его перед посадкой попыталась разбудить стюардесса. Девушка обнаружила, что он мертв и приняла смерть за сердечный приступ. Хотя на самом деле кто-то или что-то во время полёта удалило сердце Фернандо с хирургической точностью, при этом не оставив на теле ни единого следа.

Из ряда вон выходящий случай. Если речь только о безумце или знахарке, охраняющей сердца и души умерших.

«Да, точно. Я не верю в черных пересмешников».

По крайней мере, именно это твердила ей логика. К сожалению, остальная часть сознания отказывалась прислушиваться к доводам рассудка.

В голове то и дело всплывали истории бабушки и силуэт искаженной фигуры из сна, вылетевший в окно.

«Прекрати!»

На дворе двадцать первый век, а не первый. Она находится в ультрасовременной лаборатории Университета Алабамы — не в каком-то домике из дерева и камыша, обмазанного глиной в отдаленном уголке Северной Джорджии.

Собравшись с силами, Катери окинула взглядом комнату. Она не окружена наскальными рисунками и сомнительными травами, способными усилить галлюцинации. Здесь газовые и ионные хроматографы, индуктивно-связанно-плазменный масс-спектрометр, электронный микрозонд, изотопный масс-спектрометр, ее электронный микроскоп...

Весь мир Катери состоял из таких вещей, как «Бетси-пушка^[10]», одного или трехкомпонентных сейсмоприемников, сейсморегистрирующей системы «Страта Визор» и ЧИРП для определения твердого дна под слоем ила. Она — ученый, а не знахарка, раздающая волшебные отвары из трав, выращенных у нее в огороде.

Она не собирается верить во всякие небылицы. Смерти Фернандо есть логическое объяснение. Должно быть.

— Как думаешь, что с ним случилось? — спросила она Энрике.

Ее ассистент тоже ученый, который не купится на шаманскую белиберду.

— *El chupacabra*.

«Вот и завязали с бредовыми теориями».

Она закатила глаза.

— Серьезно? Козий вампир? По последним моим сведениям они пьют только кровь животных. Никогда не слышала, что они похищают человеческие сердца.

— Но наверняка ты ведь не знаешь? — Его испанский акцент стал заметнее, а такое происходило, лишь когда Энрике был чрезвычайно взволнован или рассержен. — *Abuela*^[11], рассказывала мне истории о *el peuchen*, обитающем в краях, где она выросла.

«А я наивно считала, что знаю все страшные легенды. Но Энрике умудрился найти неизвестную мне страшилку».

— *El peuchen*?

— *Si*^[12]. Это ведь гигантский летающий змей, так? Иногда он может принимать другие формы, но в основном предпочитает пернатого змея. Ночного охотника. И он вроде как кузен чупакабры. *Abuela* рассказывала, что когда *el peuchen* прилетает, то выпивает кровь и пожирает сердце. Утром в полях или вблизи ручьев находили несчастных жертв. Ее мать была деревенской *machi*^[13] и каждый раз, когда существо прилетало, она била в барабан, защищая деревню. Вот я и думаю, что *el peuchen* зайцем проник в самолет и добрался до доктора Дрейка.

— Тогда почему ты сказал чупакабра?

— Потому, что за пределами Чили и Аргентины никто и никогда не слышал об *пеучене*. Он здесь не знаменит, не так ли? Кроме того, никогда не слышал, чтобы хоть один из них залазил так далеко на север. С другой стороны, чупакабра...

«Как бы мне ни неприятно это признавать, но Энрике прав. Тем не менее...»

— Ты же на самом деле в это не веришь?

— Знаю, вы бы хотели отмахнуться от всего, рассказанного мной, док. Уверен в этом. Но... *Abuela* кое-что понимала в этом. Она собственными глазами видела неизведанное. Существуют необъяснимые вещи, какие бы научные объяснения им ни приплели. *Abuela* рассказывала о видениях, в свое время посланных ей Святой Богородицей. В детстве она обещала, что и я их увижу. Но мне этого не хотелось, поэтому я отказался от дара. Просто то, что мы изучаем науку, еще не означает, что не существует

вещей, неподдающихся логике. Всем нам прекрасно известно о существовании неизведанного. То, что мы не сможем объяснить с помощью эмпирических тестов. — Он махнул головой на экран компьютера. — И этот случай как раз из области — невероятно, но факт.

«Как ни крути, Энрике прав».

Не желая признавать его правоту, Катери вернулась к посылке, на ощупь напоминающей гигантский круглый камень.

Энрике помог ей, пока они не раскрыли...

Гигантский круглый камень.

Они с ассистентом оба нахмурились, когда Катери убрала полиэтилен, обнаружив круг с высеченными рисунками, подобно тем, что попались ей на раскопках несколько месяцев назад.

— Что это? — спросил Энрике.

Катери провела пальцами по замысловатой резьбе, рассматривая огромный красный камень, которому судя по истертости было тысячи лет.

— Очень похоже на календарь майя, но глифы определенно не их.

Более того, здесь были еще какие-то письмена. Не глифы, но что-то напоминающее древнегреческие буквы.

«Ладно... Кто-то надо мной прикалывается. Без вариантов. Один из моих друзей, наверное, сделал это шутки ради».

Потому что она в жизни не видела ничего подобного. Между древними греками и коренными американцами нет никакой связи. Даже малой вероятности такой возможности.

«Но, а если это правда?»

Нет, такое невозможно. Эти две культуры никогда не смешивались. За всю историю».

Нахмурившись, Катери стала рыться в коробке, пока не нашла на дне записку. Готовясь к словам: «С первым апреля!», она пробежала ее глазами.

Тери,

Мы нашли эту печать в центре площадки, под украшенным надгробием, не похожим ни на что, встреченное мною ранее. Никогда не видел таких глифов. Часть письмен напоминает мне греческий — да я в курсе, поэтому не сдерживай смех — что в теории такое невозможно. Я отправил фото с письменами доктору Сотерии Партенопеус в Новый Орлеан в надежде, что она сможет расшифровать их. А еще поинтересовался, есть ли у нее идеи насчет их появления на предклассическом^[14] надгробии в Юкатане. Мои первоначальные результаты исследования говорят, что этому камню более четырнадцати

тысяч лет. Это не опечатка. Поверь мне, я знаю, что это невозможно, но я проверял и перепроверял тысячу раз. Это просто невероятно, поэтому я отправляю печать лучшему известному мне геологу для подтверждения данных. Или чтобы ты мне сказала — пора менять оборудование и проветривать место раскопок. Я вложил в посылку несколько образцов почв. Пожалуйста, позвони, как только получишь их.

Фернандо.

По рукам побежали мурашки при виде имени на листке бумаги. На нее нахлынули миллионы воспоминаний. Перед мысленным взором всплыла картина с прошлого лета: Фернандо сидит снаружи пирамиды на фоне заходящего солнца. Грязный, потный с всклокоченными волосами, торчащими во все стороны. Он был счастлив и взволнован, несмотря на десятичасовые раскопки на самом пекле. На его губах играла мальчишеская улыбка, когда Фернандо открыл банку теплого пива и протянул ей.

— *Después del trabajo — cerveza!*^[15]

На глаза навернулись слезы. Это было худшее на вкус пиво, но в его компании оно казалась прекрасным. Фернандо всегда был ей хорошим другом, она будет сильно скучать по нему.

«Почему он должен был умереть? Фернандо слишком молод. У него было так много планов».

Катери стиснула зубы, прогоняя слезы, и сосредоточилась на том, чего от нее хотел Фернандо. Работа всегда была на первом месте. По этой причине он так и не обзавелся женой или даже подружкой.

«Соберись, Тери...»

Дата и время на пакете соответствуют той, когда Фернандо сел в самолет, направляясь домой. Понятное дело, такую бандуру тяжело было везти самому, плюс со всеми заморочками и ограничениями авиакомпаний.

Не говоря уже о том, что камень был огромным.

На самом деле причин гораздо больше. Если печати действительно четырнадцать тысяч лет, и если на ней правда греческие письмена, это полностью перепишет ход истории и изменит все теории о древнем мире. Как Америки, так и Европы.

Четырнадцать тысяч лет предшествуют любой известной письменности. Если задуматься, это предшествует самой Древней Греции...

Катери нахмурилась от этой мысли. Когда была основана Греция? Она не имела представления. Это не ее специализация. Катери никогда не была любительницей традиционной истории. В этом был спец Фернандо. Хотя,

занимаясь с ним раскопками, она узнала много нового, но по большей части о Мезоамерике^[16], а не о Европе.

Но даже с ограниченными знаниями Катери понимала, насколько эпичным будет открытие. Одна из величайших находок ученых всех времен...

«Не существует такого понятия, как совпадение. Вселенная и духи всегда будут посылать нам предзнаменования и знаки. Ты должна научиться видеть и читать их. Только тогда ты сможешь управлять своей судьбой».

Слова бабушки взволновали ее.

«Но как мне толковать этот знак?»

— Вы верите, что через две недели наступит конец света? — спросил Энрике, возвращая ее в реальность.

— Что?

Он кивнул на календарь в ее руках.

— Вы знаете о предсказании майя? Разве в ближайшие дни должен наступить конец света?

По крайней мере, его замечание разбавило каплей юмора ее печаль. Она все лето слушала, как Фернандо разорялся на этот счет. Это была больная для него тема, как для нее то, почему некоторые люди оставляют корзины с покупками посреди прохода, преграждая другим путь. Ее всегда бесило хамское отношение.

— Нет, милый. В культуре майя или их письменах нет ни единого намека, указывающего на конец света в этом году. Как чероки и другие туземцы, они верили в цикличность календарной системы. Четвертый цикл действительно закончится двадцать первого числа, но об апокалипсисе речь не идет.

Фернандо бы гордился, узнав, что она на самом деле слушала все его тирады. Эта мысль причиняла боль, разрывая сердце, пока она заканчивала речь в честь друга.

— Это искаженный факт, истоки которого идут с тех дней, когда мы могли прочесть лишь около тридцати процентах глифов майя... если не меньше. Тогда, в конце девяностых, когда всех охватил страх двухтысячного года, некоторые ученые повторяли древние неправильные предсказания и наживались на этом. Так что, не стоит начинать раздавать свое имущество. Оно тебе понадобится двадцать второго числа, а главное — не забудь купить подарки к Рождеству своей маме и бабушке. А то очень сильно их расстроишь.

Энрике застонал в полном отчаянье.

— Выходит, для племени майя эта дата совершенно не важна?

— Пятьдесят на пятьдесят. Они считали ее таким же праздником, как мы Новый год, вот поэтому мы повеселимся как в 1999 году. Это конец старой эры и рождение новой. Но майя помимо опрокидывания нескольких стопок сносили еще пару голов, что для них было в порядке вещей, так что это не повод для беспокойства.

— Если ты, конечно, не из тех, кому должны снести голову.

Она рассмеялась.

— Точно.

Энрике вздохнул так, будто был огорчен услышанным.

— Вот черт. Лучше я оплачу счет за свет, когда вернусь домой. Я раз мечтался, что неуплата сойдет мне с рук.

Прежде, чем Катери смогла ответить, за спиной раздался незнакомый голос:

— На твоём месте, я бы не спешил домой. Конец света ещё может наступить.

Катери резко вдохнула, когда мужской голос с сильным акцентом вторгся в их разговор. Мягкая смесь индейского и испанского языков, благодаря которому насыщенный глубокий тембр звучал экзотично.

Нахмурившись, Катери посмотрела мимо ассистента и увидела одного из самых сексуальных мужчин, которые представляли перед ней во плоти. Он стоял в дверном проеме и наблюдал за ними. Хотя Катери сомневалась, что он выше обычного мужчины, его сильная аура вмиг заполнила комнату. Тяжелая энергетика того, кто привык, чтобы ему поклонялись и боялись... и скорее всего, одновременно.

Во всем черном, а густые темные волосы собраны в «хвост». Он смотрел на нее столь пристально, что у Катери затряслись руки. Было в нем что-то. Притягательное и пугающее, а воздух вокруг него будто искрился.

И точно шипел.

Кожа идеального карамельного цвета, а каждое движение наполнено идеальной грацией дикого хищника. Хотя он не сводил с нее глаз, Катери точно знала, что от его внимания не ускользнула ни одна деталь в лаборатории.

Если на то пошло, она не удивится, если он даже осведомлен о том, что творится у него за спиной.

— Почему вы так считаете, мистер?.. — Катери замолчала, позволяя ему представиться.

К счастью, мужчина понял намек.

— Верастеги, Кукулькан Верастеги. Но большинство зовут меня

Кабеса.

От того, как он произнес свое полное имя, Катери почти ощутила вкус чего-то сладкого и упоительного... как теплое какао.

Образ нарушила только одна деталь. Катери была прекрасно осведомлена о значении его прозвища с испанского языка.

— Вас зовут... Голова? Почему?

На его губах заиграла кривоватая усмешка, одновременно веселая и ужасающая.

— Молись, чтобы никогда не узнать.

На его мизинце поблескивало золотое кольцо. На нем были выгравированы знаки, похожие на символ майя, хотя чтобы убедиться, нужно было взглянуть на него поближе. Но несмотря на то, что Кабеса был дьявольски красив, Катери не хотела приближаться к нему даже на сотую долю миллиметра. Смертоносная аура предупреждала, что при любой попытке он, ни моргнув глазом, оставит ее без руки.

— Могу ли я чем-либо вам помочь, мистер Верасити?

— Ве-ра-сте-ги, — поправил он. В его версии «р» прозвучало как мурлыканье.

Энрике встал между ними, заслоняя ее от Кабесы.

«Давай, Энрике. Ты получишь двадцать два балла бонусом на следующей тестовой работе.

Благослови его Боже, что он вырос таким защитником».

По страшному блеску в бездушных глазах стало понятно, что мистер Голова не любит помех. Кабеса заговорил с Энрике на испанском, но из-за сильного акцента Катери не могла разобрать слов. Но Энрике не спасовал, лишь скривил губы и столь же яростно огрызнулся.

Катери понимала, что речь идет не о погоде, или как выйти с территории кампуса. Скорей это смахивало на какой-то сериал.

Кабеса посмотрел на нее с самодовольным выражением и гортанно рассмеялся.

— Вам стоит отозвать своего чихуахуа, *chica*^[17]. Я сегодня не в настроении счищать кровь с одежды.

Энрике бросился на незнакомца, но вдруг застыл, будто кто-то нажал на паузу. Он замер с поднятой рукой и с искаженным от гнева лицом.

«Да, ладно... Это невозможно».

Открыв рот от изумления, Катери отступила на шаг, но натолкнулась на лабораторный стол, отрезавший ей путь к отступлению.

«Вот черт!»

— Расслабься, *bonita*^[18]. Если бы я хотел причинить тебе вред или убить, то уже давно сделал бы это.

«Точно... Он меня совсем не знает, если так считает».

Сдерживая страх, Катери засунула трясущиеся руки в карманы халата и нащупала тактическую ручку^[19]. Дядя Дэнни настаивал, чтобы она всегда имела под рукой элементарное средство самозащиты, если вдруг кто вздумает на нее напасть. Может, на первый взгляд она кажется невысокой и хрупкой, но благодаря стараниям дяди и двоюродных братьев, умеет драться и пользоваться запрещенными приемами.

— Что тебе нужно?

— Кое-что, чем ты владеешь.

— И что это?

— Камень.

«Сродни попросить у океана каплю воды».

— Оглянись вокруг. Я геолог.

Она указала на полки слева от себя, на которых стояли коробки с камнями. Это все, что он получит, если думает, будто может угрозами что-то у нее забрать.

«Хотя эта коллекция ничто в сравнении с тем, что хранится у меня дома».

— Я собираю камни с тех пор, как начала ходить. Мне нужно немного больше, чем одно существительное. Могу я услышать прилагательное, Пэт^[20]?

Его взгляд потемнел, став смертельно опасным.

— Может, будешь хорошей девочкой и отдашь мне, что я прошу?

Катери вытащила ручку из кармана.

— Дай-ка подумать... хм-м... нет.

Она побежала к двери.

К сожалению, он оказался быстрее и перехватил ее на полпути к цели. Катери замахнулась ручкой, но он с невероятной скоростью схватил ее за запястье. Проклятье, Кабеса оказался посильнее разозленного мистера Халка. И этим все было сказано.

— Отдай мне свой камень времени, — прорычал он ей на ухо.

— Мой кам... Чего?

Она покосилась на присланный ей Фернандо календарь.

«Может о нем речь?»

Ладно, пусть забирает. Каким бы ценным он ни был, моей жизни он не стоит».

— Ты о нем? — Катери махнула головой в сторону печати. — Забирай этот чертов булыжник. Он весь твой.

Кабеса глянул на календарь, а потом стал внимательно его рассматривать. Он отпустил ее так резко, что Катери едва не упала.

Она побежала к двери, но та не открывалась, что бы Катери ни делала.

«Где граната, когда она так нужна?

А еще лучше — ключ».

Кабеса с благоговейным выражением лица гладил древнюю резьбу. Он ласкал календарь, будто любовник возлюбленную, которую считал давно потерянной.

— Откуда он у тебя?

— Международная экспресс доставка.

Скривив губы, он насмешливо глянул на нее.

— Где ты его нашла? Говори!

«Неверный тон, болван».

Катери никогда не подчинялась приказам. Ничьим. Игнорируя его, она снова подергала за ручку.

«Давай, дверь... открывайся, немедленно, кому говорят!

Какого черта она не открывается?

День складывался итак уже отстойней некуда».

Не успела эта мысль промелькнуть в голове, как дверь буквально взорвалась в ее руках. Прикрыв лицо руками, Катери отшатнулась, пытаясь защититься. Кабеса бросился на нее. Уклонившись от его рук, Катери побежала к проему, но врезалась в твердую стену.

Нет, не в стену, а в очень большого мужчину, более чем двухметрового роста, заполняющего дверной проем. Он прорычал что-то Кабесе на языке, который Катери никогда не слышала.

Стоило ей отойти, как двое бросились друг на друга. Они обменивались такими ударами, от которых скончался бы любой нормальный человек. Но никто из них не издал ни звука, не считая рыка. Они дрались, преграждая ей дорогу.

Катери словно оказалась в ловушке между Годзиллой и Мотрой.

Двигая инстинктом выживания, Катери бросилась к шкафу у задней стенки. Если нет других вариантов, она попыталась спрятаться.

Добежав до последнего стола, где лежала сумочка, Катери выхватила из нее телефон, собираясь позвонить в службу безопасности. Она выругалась, когда сотовый зазвонил.

«Проклятье! Надеюсь это не реклама».

Ответив на вызов, она начала говорить, что немного занята, когда

услышала голос кузины.

— Тери? С тобой все в порядке?

— Санни! Мне нужна помощь в лаборатории. Немедленно! Вызови охрану кампуса. На меня напали, — она едва успела произнести последнее слово, как экран полностью потух.

— Мы не можем тебе этого позволить, верно? — спросил Кабеса и, отбросив от себя огромного, как гора, мужчину, направился к ней.

У Катери полезли глаза на лоб, когда второй бросился на Кабесу, швырнув того об стену. Больно, даже очень, но Гора оказывал ей помощь, так что Катери однозначно болела за него.

«Я должна выбраться отсюда, прежде чем они направят всю эту ненависть на меня. Один удар, и я не жилец».

Она снова бросилась вперед.

«Пожалуйста, услышь, Санни. Прошу, позови на помощь».

Катери обожала кузину, но та была очень рассеяна и забывчива. Она посмотрела на застывшего Энрике.

«Ему тоже нужна помощь».

Что мне делать?»

Катери подбежала к двери шкафа, когда кто-то схватил ее за руку и грубо остановил.

Разъяренная, она повернулась к неизвестному врагу, собираясь дать отпор. Но, занеся руку для удара и направляя в него всю силу своего раздражения, замерла с резким вздохом. На нее словно вылили ушат ледяной воды.

— Талон? — Это был муж Санни ростом метр девяносто пять сантиметров и с рельефными мышцами, татуированными кельтскими племенными знаками. — Что ты здесь делаешь?

«Он был в городе? Поэтому Санни звонила?»

Не ответив, Талон загородил ее собой от удара. Светлые волнистые волосы были коротко подстрижены, за исключением двух длинных тонких косичек, ниспадающих с висков. Когда Кабеса захотел напасть на Талона, четвертый мужчина разбежался и свалил его с ног. Он прижал Кабесу к полу, прежде чем отшвырнул от них Гору.

— Уводи ее отсюда, Кельт, — прорычал незнакомец Талону.

Талон не мешкая забросил ее себе на плечо, словно она ничего не весила, и выбежал из лаборатории. Не самые приятные ощущения. Только Катери была слишком благодарна убраться подальше отсюда, чтобы протестовать.

Талон не отпускал её, пока они не добрались до кабинета в конце

коридора.

— Энрике остался в лаборатории, — сказала она ему.

— Кабеса его заберет.

Катери взбесил его равнодушный тон.

— В этом и проблема. Я не хочу этого.

— Почему нет?

«Почему нет? Серьезно?»

— Энрике мне нравится. Он отличный ассистент, на вес золота.

Талон нахмурился.

— Тогда почему ты не хочешь его спасти?

— Я хочу его спасти. Нельзя, чтобы он попал в лапы к Кабесе.

Талон еще сильнее нахмурился.

— Мы же оба разговариваем по-английски?

— Да.

— Тогда, почему у меня такое чувство, будто это не так?

Прежде, чем она смогла ответить, перед ними появился высокий вселяющий страх мужчина, который повалил Кабесу на пол. В буквальном смысле слова.

«Как он смог прибежать так быстро, что я не заметила?

Хотя сейчас это не так важно, потому что... Святой Грааль... Как я могла его не заметить?»

Тем не менее, во время схватки Катери едва глянула в его сторону. Теперь же ее перекоробило от свирепого вида незнакомца. При росте метр восемьдесят пять сантиметров он был сложен, как танк, а черная одежда делала его вид еще зловещей. Хотя он в этом совсем не нуждался. Черные волосы были намного длиннее, чем у Талона, а челка прикрывала обсидиановые, леденящие душу глаза. Катери застыла, стоило ей встретиться с ним взглядом.

Ноги стали ватными от ужаса.

«Как он оказался здесь, не воспользовавшись дверью? Которая была заперта за спиной Талона. Каким бы быстрым он ни был, я должна была заметить, как дверь открылась и закрылась. Учитывая колокольчик, висящий над проемом».

А Талона, казалось, вовсе не волновало, как незнакомец очутился перед ними.

— Ты вытащил пацаненка?

— Едва. Я спрятал его в общественном туалете. По идее, там он будет в безопасности, пока к нему не вернется контроль над собственным телом. — Незнакомец кивнул в сторону окна. — Выручай брата, Кельт. Я

сейчас мог поджариться, ублюдок. Думай головой. Сначала просишь о помощи, а потом пытаешься превратить в барбекю. Блин. Какой ты нафиг друг?

— Пошел ты, — прорычал Талон, прежде чем бросился закрывать жалюзи. — Парень, будешь со мной шутки шутить, и я направлю свет прямиком на тебя.

Мужчина показал Талону жест, вероятно непристойный.

На лице Талона мелькнула насмешливая улыбка.

— Это не твой лучший денек, Кабеса. Но не стесняйся, продолжай фантазировать обо мне. Так поступает большинство женщин.

Мужчина усмехнулся, обхватил ладонью «хозяйство» и встряхнул.

— Да. Я кое-кого сейчас поимею, Кельт. Прямо здесь.

Катери подняла вверх руки, положив конец дискуссии, которая грозила обернуться дракой, а она только чудом сбежала с одной.

— Парни, придержите-ка коней... — Она посмотрела на незнакомца. — Тебя тоже зовут Кабеса?

Он насмешливо приподнял бровь.

— Тоже? Я абсолютно уверен, что это я. Никогда с другим не сталкивался.

У Катери была готова взорваться голова.

— Тот придурок в лаборатории. Кого ты повалил на пол. Он сказал, что его зовут Кабеса.

— Его мама назвала его Головой? — насмешливо фыркнул Талон, — черт, как бессердечно. А я думал, только этому Кабесе не повезло.

— Это было прозвище. Его настоящее имя Кукулькан Верастеги.

Стоявший перед ней Кабеса разразился потоком грубой брани, очень похожей на проклятия майя. Она понятия не имела, о чем он говорил, но судя по яростной жестикуляции, он пророчил кому-то нелицеприятную смерть.

Катери повернулась и хмуро посмотрела на Талона.

— Что он говорит?

Талон пожал плечами.

— Я из Великобритании, а не из Мексики. Без понятия.

— Этот *pendejo*^[21] не я. — Кабеса прервал свою тираду из смеси языка племени майя и испанского, а потом снова заговорил по-английски, но с гораздо большим акцентом, чем прежде, делая ударение на последнем слоге. — Между прочим, его имя Чаку. *Ese cabron hijo de la gran puta*^[22] притворяется мной. В качестве мести мне стоило перерезать ему

глотку.

— Главный вопрос, ты уже справился с этой задачей?

Уперев руки в боки, Кабеса зыркнул на Талона

— Нет. Он ушел вместе с... Как же это называется? Хм... наделав кучу?

— Навалив в штаны? — предложил Талон.

— *Si!*.. Именно так. Они исчезли прежде, чем я смог их прикончить.

— Почему они дрались? — спросила Катери. — И почему пришли за мной?

Кабеса вопросительно приподнял бровь.

— Ты не знаешь?

— Если бы я знала, то зачем спрашивала? — Катери повернулась к Талону. — И как ты так быстро сюда добрался? Где ты был?

Талон и Саншайн жили в Новом Орлеане... а не в Таскалусе, штат Алабама. В прошлый раз, когда она их навещала, то потратила на дорогу четыре часа, при очень быстрой езде.

— Тебе лучше присесть.

Талон повернул к ней стул, стоявший около стола.

Неприятное предчувствие скрутило внутренности узлом.

— Думаю, я лучше постою. А теперь рассказывайте, в чем дело.

Мужчины мрачно переглянулись, будто мысленно ведя спор.

— Чаку что-нибудь сказал помимо того, что прикинулся мной?

— Он хотел заполучить мой камень.

На челюсти Кабесы заиграли желваки.

— А второй... Существо, которое с ним было? Что он сказал?

— Ничего. Он появился, и Каб... — Катери оборвала себя на полуслове при виде вспышки гнева в обсидиановых глазах, — Чаку набросился на него.

— Есть идеи, почему он назвался тобой? — спросил Талон.

— Без понятия. О его ненависти ко мне ходят легенды. Но он для меня пустое место. Хотя значится в моем списке: «Хочу, чтобы они сдохли».

Катери откашлялась, чтобы привлечь их внимание.

— Вы оба так и не ответили на мой вопрос.

У Талона вырвался саркастический смешок.

— Потому что у тебя снесет крышу, а никому из нас не хочется иметь с этим дело.

«Ну, по крайней мере, Талон честен».

— Я не собираюсь слетать с катушек, — заверила его Катери.

Кабеса тут же решил подколоть ее.

— Все так говорят, *chica*. А потом дуреют.
Талон искренне рассмеялся, встретившись взглядом с Кабесой.
— А помнишь времена, когда... — он покосился на Катери. —
Впрочем, не важно.
Она проигнорировала его попытку сменить тему
— Слушайте, что бы это ни было, я справлюсь. Я не ребенок, и, Талон, ты же знаешь, не в моем характере перегибать палку с неадекватной реакцией на происходящее.
Кабеса скрестил руки на груди.
— Это правда?
— Пока так и было. Но до этого я ничего подобного не сваливал ей на голову. Так что, все иногда случается впервые.
Его слова задела ее за живое.
— Пока? Спасибо за доверие, Талон.
Он, сдаваясь, поднял руки.
— По крайней мере, это хоть что-то.
— Лучше скажи ей, Кельт... Прежде чем придут остальные. Пока есть шанс, нужно отвести ее в убежище.
Катери все это очень не нравилось.
— Убежище от чего?
Талон тяжело вздохнул.
— Хорошо. Просто замечательно. Ты сама об этом спросила. Посмотрим, снесет ли у тебя крышу, когда мы скажем, что ты мать Армагеддона.

ГЛАВА 4

Катери застыла, пока смысл слов постепенно до нее доходил. Она не знала, как реагировать на такую новость. Хорошо, что она пообещала им не перегибать палку, а то, несмотря на браваду, хотелось убежать отсюда со всех ног.

Вероятно, с диким воплем.

Может быть... она бы так и поступила, если бы могла пошевелить дрожащими ногами.

Вместо этого, она глубоко вздохнула и посмотрела на мужа кухни самым спокойным взглядом, какой смогла изобразить.

— Вы перебрали пейотль^[23] дяди Дэнни?

Талон открыл и закрыл рот.

Кабеса рассмеялся.

Талон окинул его угрожающим взглядом, но смягчился, обратившись к Катери.

— Знаю, что тебе нелегко это слышать, и ты мне не поверишь. Но... — он помедлил, явно подбирая нужные слова.

Кабеса не дал ему закончить.

— Мы должны убираться отсюда. Чаку вернется за ней с подкреплением.

— Кто такой Чаку? — резко спросила Катери, желая получить хоть один конкретный ответ. — Почему он был здесь?

«Самое главное, какого хрена он приперся за мной?»

Кабеса опустил руки на бедра.

— Ты знаешь про Королевство Змей?

«То, чего следует избегать любой ценой».

Но она не высказала вслух свой сарказм.

— Не имею ни малейшего представления.

— Конечно, нет... — в груди Кабесы зародился рык, словно отсутствие у нее знаний оскорбляло его, а потом последовало тихое бормотание на испанском. И только спустя секунду он вздохнул и снова заговорил: — На самом деле Чаку — это для краткости, а так его имя означает «грабить» или «опустошать». Другая *puta*^[24] — да я нарочно называю его женщиной — называет себя Веном. В переводе «яд» или «отрава». — Кабеса посмотрел на нее, прищурившись. — Общая картина уже начала вырисовываться?

С ужасающей ясностью. В конце концов, родители не назвали их «Пушистик» и «Зайка». Очевидно, Чаку и его друг были жестокими типами.

— А что это за камень, который от меня требовал Чаку?

— Если коротко, его называют Киничи. С его помощью можно управлять миром и даже самым временем. Твоя бабушка была одной из священных хранительниц Киничи. Твоя мать должна была стать ее преемницей, но погибла раньше матери, поэтому эта обязанность легла на твои плечи.

«Чудесно. Моей благодарности нет предела. Да, это тоже сарказм».

— Почему я?

— Камень переходит от дочери к дочери по родословной.

«Дитя матери. И лишь возможно отца».

Такую философию использовала бабушка, объясняя ей, почему в племени чероки царил матриархат в отличие от большинства общин. Все знают, кто их мать. Но отцовство, особенно в прошлом, могло вызывать

сомнение и полагалось исключительно от характера и моральных ценностей матери... если она, конечно, не подвергалась насилию.

Тем не менее, это еще не делало Катери единственной наследницей рода.

— Я не единственная женщина в роду.

Она посмотрела на Талона.

— Саншайн — смешенных кровей, — просто ответил тот. — Камень переходить только к чистокровным, Тери... К тебе.

«Зашибись! Может, я могу выиграть лотерею?

Нет. С моей удачей я выиграю мульти-мега-миллионы, а окажется, что кто-то просто неправильно назвал цифры.

А сорвать куш на скачках?

Опять же, черта с два.

Мать Апокалипсиса...

Да, конечно, милая. Приходи и получи свой приз.

Жизнь так несправедлива».

Как бы Катери хотела, чтобы фея неудач взялась за кого-нибудь другого. Предпочтительно, не того, кто ей нравится, но все же...

«Этой стерве нечем было заняться? Не нашлось другой жертвы?»

— У нас есть проблемы поважней, — сказал Кабеса Талону.

«Почему бы и нет, давай еще сильнее сгустим краски».

Талон отступил назад.

— Рискну спросить, какие?

Кабеса фыркнул.

— Не хотел говорить. Но, к сожалению, вы должны знать, что кто-то раскопал печать Ани-Кутани.

Талон смерил Кабесу хмурым взглядом.

— Ты так говоришь, словно я в курсе, о чем речь.

Кабеса что-то пробормотал себе под нос.

— Это... *kala kratu*... э... — он остановился, пытаясь подобрать нужные слова. — Как это звучит по-английски? Охранный камень? Заговоренный камень? Не совсем так, но думаю, вы уловили суть. Он был помещен над гробницей, где заключены в тюрьму последние семь Ани-Кутани. Теперь, без печати, любой может призвать их назад в этот мир. Они будут обязаны своему освободителю и сделают для него все что угодно. А потом сломают ворота и сразятся со злом, которое сами же спустят с цепи. Теперь узрел проблему, Кельт? Чаку знает о сорванной печати и что она из себя представляет.

Катери прокляла эти новости. Неудивительно, что Чаку так

заинтересовался, увидев на столе календарь.

«Почему у меня такое чувство, будто я очутилась в фильме ужасов?»

Кабеса схватил ее за руку и потащил к Талону.

— Возьми ее и уходи. Мы должны доставить Катери к камню времени и защитить, пока она не запечатает врата.

— А у тебя какие планы? — спросил Талон.

Кому-то стоит записать смех Кабесы для дома с привидениями. Определенно он заставит любого трястись от ужаса.

— Я живу ради борьбы, *m'ijo*^[25]. Если они настолько глупы, чтобы вернуться сюда, у меня к ним есть парочка вопросов, на которые я хочу выбить ответы... *Adios*^[26].

Талон кивнул ему.

— *A beber y a tragar, que el mundo se va a acabar.*

Кабесе стало не до смеха.

— Ты бессердечный ублюдок, Кельт. *Hombre prevenido, vale por dos.*

А затем он развернулся и вышел из кабинета.

Катери посмотрела на Талона, вопросительно приподняв брови.

— Я поняла твое: «Ешь, пей, веселись, ибо завтра умрем». Но что он сказал в ответ?

— Другую испанскую пословицу: «Тот, кто начеку, может одолеть любого». Теперь давай сваливать от...

Он не успел закончить фразу, когда вокруг нее сгустилась тьма. С широко распахнутыми от ужаса глазами она потянулась к Талону, бросившемуся к ней.

Но он не успел.

Как только их пальцы соприкоснулись, ее затянуло в какой-то вихрь. К горлу подступила тошнота, пока она куда-то летела.

«Я не Дороти.

Но, если кому-то пришлось на ум уронить на меня дом, то я взбешусь сильнее Злой Ведьмы.

Бойтесь меня...»

По крайней мере, так она думала, прежде чем со всей силы шлепнулась в место, окутанное тьмой. Ни лучика света. Темень настолько густая, что резала глаза, пока Катери напряженно вглядывалась, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Что угодно. Приподнявшись с земли, о которую она больно ударилась при падении, Катери пыталась осмотреться.

Вдалеке раздался жалобный вой.

Она судорожно пыталась понять, кому он принадлежит. Собаке?

Ребенку? Катери не могла сказать с уверенностью. Она уже собралась откликнуться, но вовремя одернула себя. Если кто-то хочет навредить ей, то точно не следует обозначать свое местоположение.

Такое она видела в фильмах ужасов. Глупая *puta* всегда велась на такой трюк.

«По крайней мере, на мне не высокие каблуки и короткая юбка. Хотя герои в итоге все равно умирали».

Катери протянула руку, пытаясь нащупать стену, мебель или хотя бы...

— Ой! Черт по...

Она прикусила губу, потирая руками коленку.

Конечно же, у этой части тела должна быть другая задача, кроме как наткаться на всякую мебель в темноте.

Только это вовсе была не мебель, как она поняла, проведя ладонью по твердой поверхности. Больше похоже на булыжник.

«Я бы многое отдала за фонарик».

Неожиданно что-то прикоснулось к ее ноге.

Отрывисто дыша Катери начала оборачиваться, пытаясь выяснить, что это такое.

«Пожалуйста, только бы не крыса. Только бы не крыса...»

Она их до ужаса боялась.

— Где камень?

Она подскочила от скрипучего голоса.

— Кто вы?

— Где камень? — раздался другой голос с противоположной стороны тьмы.

После ее продолжительного молчания вспыхнул свет. Катери в ужасе замерла. Никогда в жизни она не видела ничего подобного.

Вся пещера — теперь Катери знала где находится — была наполнена...

Чупакабрами?

Пеученами?

«Где Энрике, когда он так нужен? А еще лучше барабан его великой прапрабабушки, чтобы разогнать этих тварей».

Небольшое пространство кишело существами с острыми клыками. Их тела с ног до головы были разукрашены в стиле тотемных карикатур. Грим создавал иллюзию грозной недовольной мины.

Но сильнее всего пугали засохшие брызги крови.

Бравада испарилась, и Катери поняла, что никогда не сможет их одолеть. Их слишком много, ее вмиг повалят и убьют.

Один толкнул Катери сзади.

— Камень! — прорычал он. — Отдай его. Сейчас же!

— Я... Я... Я не знаю, о чем вы говорите.

«Неверный ответ».

Монстры принялись колотить копьями по окрашенным круглым щитам с недовольным криком.

«Я сейчас умру».

Трясаясь от страха, она побежала направо, где, казалось, находился туннель.

Монстры преградили ей путь.

Пейтон Мэннинг^[27] обзавидовался бы, с какой ловкостью она остановилась и побежала к другому тоннелю.

На этот раз каким-то чудом она сумела до него добраться. Но это не спасло положение дел. Она замедлила шаг, когда ее окутала крошечная тьма.

И снова жалобный стон и шипение.

Понятно... так твари играют с ней, прекрасно зная, что она ничего не видит.

«Они должны радоваться, что превосходят меня числом. А иначе...

Я сошла с ума».

Это единственное объяснение ее странного панического спокойствия.

Как кто-то сможет быть столь хладнокровным и держать себя под контролем?

«Скажи спасибо. Ты могла завизжать...».

С другой стороны, может именно этим она занималась. Возможно, спокойствие лишь плод ее воображения. Безумие, вызванное неспособностью справиться с ситуацией.

Пещера начала вибрировать, подобно гулкому тяжелому сердцебиению. Стук эхом разносился вокруг.

Везде без исключения.

Катери развернулась и бросилась бежать. Но не успела сделать и двух шагов, прежде чем врезалась во что-то твердое. Ее пронзила вспышка боли.

Нет, не вспышка. Ее ранили. Внезапно закружилась голова. Катери коснулась ребер, очага боли. Пальцы покрыла липкая кровь. Звук становился все громче.

Ближе.

Монстры были повсюду.

Она побежала со всех ног, но это не помогло. Несмотря на все старания, Катери не могла сбежать от существ, окружавших ее, кем бы они

ни были. Монстры продолжали играть с ней, постоянно шипя:

— Отдай нам камень.

— Заткнитесь! — прорычала она. — У меня его нет!

Что-то ударило ее по лицу. Катери ответила на удар и обрадовалась, услышав стон.

«Хорошо. Надеюсь, ты еще долго будешь чувствовать последствия».

Тем не менее, это не меняло факта, что она попала в серьезную передрыгу. Зажав рану ладонью, Катери поковыляла сквозь темноту в надежде найти хоть какой-то выход.

«Я умру».

Она знала это. Других вариантов попросту нет.

Дрожащими руками Катери сильнее надавила на рану. Не глубокая, но она ужасно пульсировала, и дышать становилось все труднее. Положение усугубляло сильное головокружение. Если она отсюда не выберется, то умрет от потери крови.

В темноте раздались пронзительные крики. На этот раз иные.

Крики, которые Катери помнила со своего сна.

Черные пересмешники.

Испугавшись еще сильнее, она продвинулась дальше во тьме, молясь, чтобы ее не нашли.

В следующую секунду Катери осознала, что сползает вниз по стене, съезжившись от происходящего. Ей не хотелось верить, что все рассказы бабушки оказались правдой.

«Это невозможно.

Потому что если это так...

Я не такая. Не такая. Я не верю в магию и заклятия».

Но как по-другому объяснить происходящее? Она не так глупа, но ее отрицание сейчас говорило об обратном. Независимо от того, как сильно вы верите во что-то — насколько это имеет твердую доказательную базу — часть работы ученого принимать во внимание новые факты, способные полностью изменить картину мира.

«Так что, смились. Твоя бабушка была права. Все это реально».

В этом вся загвоздка, ей не хотелось брать на себя ответственность, возложенную на бабушку. От нее зависило все до мелочей. Она отвечает за жизни людей и их бессмертные души.

Словно эти мысли пронеслась сквозь миры, Катери ощутила рядом с собой присутствие бабушки. Почувствовала запах лосьона «Юрген» и мяты.

— Катери? Помоги мне. Ты нужна мне, дитя. Моя душа погибнет, если

ты не придешь.

Она без раздумий шагнула вперед, но вовремя себя остановила.

«Это не моя бабушка. Она умерла много лет назад. И бабушка всегда называла меня именем, известным лишь нам двоим. Они пытаются обмануть меня».

— Помоги мне, дитя!

Надеясь убраться подальше от преследующих ее существ, Катери прижалась спиной к холодной стене и сделала еще шаг к выходу.

Кто-то прошептал ей на ухо:

— Куда-то собралась, сладенькая? Неужели ты хочешь покинуть нас так скоро?

В глазах потемнело, когда костлявая рука впиалась когтями в ее плечо. В отличие от остальных существ в пещере, Катери узнала этого. Черный пересмешник.

Внезапно прогремел глубокий голос, заговоривший на незнакомом ей языке.

Но пересмешник узнал его. Это было слышно по резкому сердитому выдоху. Отпустив ее, черный пересмешник рванулся на голос незнакомца с диким ревом, от которого едва не лопнули барабанные перепонки.

В ту секунду, как черный пересмешник набросился на мужчину, свет озарил маленькую пещеру оранжевым сиянием. Сиянием, исходящим от кожи мужчины...

Пока незнакомец сражался со злым духом, Катери хотела сбежать, но не смогла. Казалось, она застыла, так же как Энрике в лаборатории. В полном напряжении она смотрела на незнакомца, молясь, чтобы он был другом, а не врагом.

«Моя суточная норма врагов уже перевыполнена, а ведь еще только полдень...»

Она перевела взгляд с искривленной безобразной фигуры черного пересмешника на мужчину, сражавшегося с ним. Облаченный с ног до головы в черное, он был крупнее пересмешника. Из-за жуткого зарева, льнущего от него, Катери не могла четко рассмотреть черты лица, но до середины спины ниспадали длинные черные волосы. Незнакомец увернулся от удара и атаковал пересмешника с грацией танцора.

Черный пересмешник полоснул его по горлу.

Мужчина быстрым элегантным движением отклонился назад.

Вместо того, чтобы распороть горло, пересмешник захватил когтем ожерелье из костей и бирюзы, сорвав украшение с шеи мужчины. Ожерелье пролетело сквозь тьму, приземлившись прямо у ног Катери.

Она подняла его и замерла, увидев серебряный круг с выгравированным громовержцем^[28].

«С востока полетит гром-птица направляясь в мертвые земли. Остерегайся громовержца, дитя. Все гибнут на его пути. Никто не устоит против него. Даже ты».

Прозвучали слова бабушки в голове, когда воин ударил черного пересмешника, и тот исчез во вспышке ярко мерцающего пламени.

Незнакомец тут же повернулся к ней.

У Катери едва не оборвалось сердце, когда она наконец рассмотрела его. Одежда, волосы, глаза — чернее ночи. Каждая черта идеально вылепленного лица была совершенна. Он производил впечатление безжалостного воина, привыкшего отнимать, а не спасать жизни.

И когда Катери встретила взглядом с этими холодными бездонными черными глазами, ей показалось, что костлявая рука смерти коснулась ее щеки.

«Во веки веков...»

Именно этот мужчина раз за разом убивал ее во сне.

ГЛАВА 5

Рэн застыл, разглядев девушку. Когда Кабеса позвонил и сообщил, что Икскиб или в переводе на его язык Гигау, нашли, но потом потеряли, он ожидал увидеть женщину в летах. Прежде всегда было именно так.

Но такого он представить себе не мог.

И уж точно не ожидал увидеть ее...

Присутствие этой девушки было подобно удару под дых. Незнакомка в желтом. Именно она убивала его в видениях. Раз за разом. Та, чьи нежные прикосновения парализовывали его перед смертельным ударом.

Который она наносила с нежной улыбкой на устах.

«Я здесь ради тебя».

Этот голос преследовал его.

Голова закружилась от реальности, с которой Рэну совершенно не хотелось сталкиваться.

«Я умру от ее руки».

Этот факт нельзя отрицать. Видения никогда его не обманывали.

Ни разу.

Во плоти она оказалась еще красивей. Неотразимой со своими длинными темно-каштановыми волосами, собранными в «хвост». Во время

пленения и побега пряди выбились из прически в очаровательном беспорядке, умоляя Рэна запустить в них свою руку и проверить, так ли они шелковисты, как кажутся. Несмотря на спортивное телосложение женщина была крохотной. Ее макушка едва доставала до середины его груди.

«Все, как в моих снах».

И даже зная, что, в конечном счете, она станет его погибелью, Рэн был не в силах причинить ей боль. Особенно, когда ее сладкий аромат туманил разум. Она выглядела такой мягкой и нежной. Хрупкой.

Так ему казалось до тех пор, пока женщина, прищурившись, не бросилась на него с каким-то предметом в руках.

Реагируя на чистом инстинкте, Рэн отступил назад, позволив ей потерять равновесие, не дотянувшись до его тела. Он схватил ее за запястье достаточно сильно, препятствуя атаке, но все же не причиняя вреда. А когда обездвижил ее, то понял, что она ранена и истекает кровью.

Очень сильно.

Даже будь она цела и невредима, Рэна восхитила бы ее храбрость и сила духа. Сам факт, что Икскиб боролась, когда другие лежали на земле рыдая, многое говорил о ее характере и решимости.

— Ты меня не убьешь. Я тебе этого не позволю! — выкрикнула она ему в лицо.

Рэн открыл рот, намереваясь ответить, но не успел произнести ни слова, как у нее закатились глаза, и Гигау потеряла сознание.

Рэн едва успел подхватить ее, прежде чем она свалилась на землю. Держа Икскиб за руки, он обдумывал свои дальнейшие действия. Сюда он добрался в обличье ворона. Слишком давно он не перемещал кого-то из одной сферы в другую, поэтому не был уверен, сработает ли эта способность сейчас. И тут же возникает еще одна загвоздка: перенести мертвый груз сложнее, с живого в случае чего можно черпать энергию. Тем более, брат истощил большую часть сил Рэна, вызвав На'а Ала для перемещения женщины из мира людей в эту обитель.

«Я тебя ненавижу, Койот».

Но сейчас нет времени думать о чем-то негативном. Особенно, когда другой На'а обнаружил их маленькое убежище... и демон был не один.

К нему решила присоединиться огромная компашка волосатых вонючих друзей.

Нравится это Рэну или нет, других вариантов просто нет.

Либо он попытается...

Либо они умрут.

Надеясь на лучшее, он призвал всю силу, которую мог, и совершил резкий прыжок. Голова загнулась от прилива энергии.

Со вспышкой яркого света Рэн почувствовал, как тело переместилось, но совсем не так, как хотелось.

«Твою мать...»

Он не ушел далеко. А наоборот вместо этого приблизился к врагам.

«Только я настолько везуч».

Хвала Духам, женщина без сознания и не видит его провала. Фигово, что он сам не в отключке и в силах это лицезреть. Для полного счастья не хватало, чтобы Гигау посмеялась над ним.

«Ты никчемный, Мака'Али. Я оплакиваю тот день, когда ты появился на этот свет, чтобы стать для всех нас помехой...»

Он вздрогнул, услышав пронесшийся сквозь века саркастический голос отца.

«Когда ты уже сдохнешь, ублюдок? Я и так терпел тебя слишком долго».

Порой покойники оказываются недостаточно мертвы.

Отбросив эти мысли, Рэн сосредоточился на положительных моментах и крепче обнял женщину.

Обнажив клыки, На'а с диким шипением бросился на него. В тусклом свете блеснули когти.

Рэн развернулся, подставляя под удар спину, а не Гигау. Затем попытался переместиться туда, где они стояли мгновение назад. Горячее дыхание На'а опалило шею Рэна, а когтистая рука вцепилась в бицепс.

От вспышки боли Рэна захлестнула сила, и он закричал, охваченный яростью.

На этот раз способности не подвели.

Секунду назад они находились в пещере, а в следующую стояли среди гостиной Рэна...

С рукой На'а, по-прежнему сжимавшей его плечо.

С отвращением скривив губы, Рэн аккуратно положил Гигау на диван, а потом отодрал конечность На'а с себя и швырнул в еще пылающий камин. За время перемещений Рэну показалось, что прошло всего несколько минут, но время в разных сферах текло иначе.

Уже наступила ночь. В его маленьком домике было тихо и пусто. Тишину нарушал лишь треск огня, в нем сгорали останки существа, которое, как уповал Рэн, никогда не сможет пройти через ворота в этот мир. Твари, с которыми он надеялся больше никогда не столкнуться.

«Спасибо, Койот.

Ублюдок. Сволочь. Гаденыш.

Маленький, вонючий гад ползучий!»

Рэн съежился от зловония горящей плоти демона. Вмиг пробудились воспоминания, от которых он пытался избавиться целую вечность. Но некоторые раны глубже костей. Они проникают в душу, причиняя острую боль даже после того, как эта самая душа продана ради мира.

Или, скорее, войны.

Стараясь не думать об этом, Рэн вернулся к женщине и приподнял ее рубашку, чтобы осмотреть рану. Но единственное, что он сразу заметил, так это гладкую загорелую кожу. Манящая кожа казалась столь же мягкой, как и шелковистые волосы Гигау, в которые Рэну до боли хотелось зарыться носом и вдохнуть нежный аромат.

«Милостивые боги, как давно я не спал с женщиной. Почувствовать ее дыхание и руки на своей коже равносильно истинному блаженству».

По многим причинам он из кожи вон лез, чтобы держаться подальше от женщин. Не потому, что он им не доверял.

В первую очередь он не доверял себе.

После порабощения женщиной, когда он вопреки доводам рассудка позволил контролировать себя целиком и полностью, Рэн не горел желанием отдавать свою волю и тело какой-либо представительнице так называемого слабого пола. Даже ради быстрого перепиха.

Оно того не стоило.

Наконец он вспомнил, почему ни в коем случае не должен был думать об этой безумно привлекательной женщине. Она еще одна незнакомка, которая через пару дней уйдет из его жизни.

Не больше. Не меньше.

В глубине подсознания Рэн видел, как она наносит ему удар. Но он постарался отбросить подальше мысли об этом. Рэн знал, ему следует ее остерегаться. Пока он настороже, Гигау не сможет ему навредить. Не такому сильному беспощадному воину. Он не тот съедаемый ненавистью человек, что позволил Ветру-провидице взять себя под контроль.

«Я — Громовержец.

Самая жестокая из всех легенд. Самый смертоносный хищник.

Единственный, кто одолел Гром-птицу, — я сам позволив себе пойти на поводу у Ворона.

И этого со мной больше не произойдет.

Никогда».

Откинув мысли о прошлом, Рэн вернулся в настоящее и стал сосредоточенно осматривать глубокую рану на теле Гигау. На вид ужасная,

она причиняла много страданий. На своем веку он получил множество ран, так что о боли знал не понаслышке.

«Поразительно, как долго она продержалась, прежде чем потеряла сознание.

Небеса тому свидетели, Койот никогда не обладал и сотой долей такой силы».

Чувствуя на языке горечь, рожденную воспоминаниями, Рэн стянул с себя футболку и прижал к ране одной рукой, а другой достал телефон и попытался дозваниваться до Талона.

«Нужно сообщить другу, что я нашел Гигау».

Талон не ответил.

Нахмурившись, Рэн набрал Чу Ко Ла Та. Когда не ответил и тот... Рэн начал нервничать.

«Не паникуй. Они просто еще не вернулись в этот мир. Вот и все.

Трудно пользоваться телефоном, когда ты вне зоны досягаемости вышек сотовой связи.

Возможно, причина в этом».

Они все отправились в разные миры, надеясь найти Гигау. И раз его друзья не знают, что она с ним, то будут продолжать поиски.

Значит, до их возвращения он застрял с ней.

Один.

«Сейчас все совсем по-другому.

Я стал другим.

И она точно не Ветер-провидица.

Ага, вспомни, что в итоге ты получил. Даже быстрый удар в зубы и между ног с последующей кастрацией ничто в сравнении с предательством и уходом Ветра».

Вот почему ему не хотелось оставаться наедине с этой женщиной.

«Я могу устоять против всего, кроме искушения».

Хорошо хоть ему известно об этой своей слабости. Теперь Рэн знает, чего стоит остерегаться. Именно поэтому он стал отшельником в худшем смысле этого слова. В отличие от большинства Темных охотников, Рэн отказался от смертного слуги, который бы заботился о его делах.

Чем меньше людей вокруг, тем лучше. На протяжении многих веков только Чу Ко Ла Та был для Рэна верным другом. И сто лет назад, когда Бизон перевоплотился, а потом был убит, Рэн взял единственного настоящего друга под свое крыло, чтобы защитить.

«Больше мне никто не нужен».

Но как только Рэн склонился над Гигау и почувствовал ласкающее

тепло ее кожи, то сразу же вспомнил времена, когда жаждал намного больше, чем это бессмысленное существование. Он хотел принадлежать этому миру. Иметь друзей и семью, с которыми мог бы разделить тепло.

«Почему?»

Рэн понятия не имел. Он был совершенно не нужен этому миру. Его семья была в этом чертовски уверена.

«Докажи мне, что стоишь хотя бы зерна, которым тебя кормят. Защити своего брата. Любой ценой. Даже ценой собственной жизни».

Его все использовали с одной лишь целью.

Истекать кровью ради других.

И по сей день это оставалось единственным смыслом его жизни.

«Чем больше все меняется, тем сильнее остается неизменным».

Стиснув зубы, Рэн откинул эти мысли обратно во тьму, которой они принадлежали.

«Вот бы они там остались навечно».

Злясь на себя за слабость, которой не должен испытывать, Рэн обработал и перевязал раны Гигау, а потом поднялся убрать окровавленную рубашку и взять новую.

Стоило ему отойти в сторону, как за окном сверкнула молния и раздался раскат грома, такой сильный, что содрогнулся дом.

В полночь официально начнется Сброс. Десятидневный фестиваль обратного отсчета до открытия врат. В первый день веселья намечена неистовая буря. Потом торнадо, наводнения и град такой силы, что только дурак рискнет выйти. И с рассветом каждого дня Ветер-провидица будет все ближе к освобождению.

Вырвавшись на волю, она освободит Дух Гризли.

И они придут за ним.

Рэн заскрежетал зубами, вспомнив день, когда Ветер-провидица привела его к своему хозяину. Сначала Гризли казался старым и хилым. И только встретившись с ним взглядом, Рэн осознал всю мощь бессмертного ублюдка. И что понадобится для восстановления здоровья древнего.

«Освободи меня, и я воплощу в реальность все твои мечты».

Гризли потребовал кровавую жертву у ребенка Звезды. С сердцем, переполненным ненавистью и презрением к миру, который постоянно пинал его как котенка, Рэн с радостью провел обряд и вернул Дух Гризли в мир людей. А потом с распростертыми объятиями поприветствовал Гризли в своем теле, которое тот мог использовать как свое собственное.

В крови и поту Рэн возродился новым человеком. Но не лучшим. Странно, но он нашел свою человечность, лишь продав душу

Артемиде. Только тогда он узнал, что важнее всего в жизни.

Лишь после того, как потерял абсолютно все.

«Я иду за тобой, Мака'Али. Жду не дождусь нашей встречи».

Голос Гризли становился громче и сильнее.

И единственный, кто мог остановить одного из самых древних смертоносных существ, когда-либо бродивших по этой земле, была крохотная женщина, спящая сейчас на его диване. Не будь все так печально, он бы рассмеялся.

У самой двери Рэн снова оглянулся на нее. Бледная, но черты лица расслаблены, дышит так бесшумно, что кажется будто не жива вовсе. Как кто-то столь крохотный сможет выстоять против существа, по сравнению с которым даже Рэн казался утонченным и хрупким?

Гризли съест ее живьем.

Не важно, насколько она сильна. Если Страж вновь не одолеет Гризли, не останется никакой надежды. Ни для кого. Даже если она обнулит календарь, это ничего не изменит.

Зло не изгнать. Он это знает точно, ведь когда-то был его слугой.

С тяжелым вздохом Рэн пошел наводить порядок.

В белых одеяниях, с орлиным пером в темных волосах Катери шла по тропе через густой лес. В воздухе витал сильный сосновый аромат, от которого першило в горле. Катери не знала из-за чего так сильно не любила этот запах.

— Когда ты была еще ребенком, отец сказал тебе опасаться его. Пускай ты не помнишь своего папу, зато не забыла его предостережения.

Она остановилась, услышав голос своей бабушки.

— Бабуля?

Бабушка вышла из чащи леса перед ней.

— Так легко сбиться со своего пути, дитя. — Она махнула рукой на окружающие их деревья. — Когда ты находишься в центре чего-то и полностью окружена, то легко сосредоточить внимание на чем-то ошибочном.

— Я не понимаю.

Вместо ответа бабушка бросилась вперед, когда волк побежал на Катери.

Катери ахнула и упала.

Не колеблясь ни секунды, бабушка прогнала волка, пока они с Катери вновь не остались вдвоем. А потом бабуля нахмурилась и строго посмотрела на нее.

— Теперь ты видишь?

Да, она увидела.

— Но это лишь сон.

— Сны — это способ сознания справиться с реальностью, Валеيلي. Вот почему они столь важны и вот почему мы должны не забывать о них.

Бабушка стала отдаляться.

— Бабуля?

«Следуй за мной».

Голос прозвучал в ее голове, но ни слова не слетело с бабушкиных уст.

Катери бросилась следом, а бабушка остановилась на краю поля. Там в центре процветающего древнего города стояло странное каменное здание. Отдаленно напоминающее пирамиду майя. Стыки строения срезаны под более острым углом, а на округлой вершине нечто вроде окон. Она никогда не видела ничего подобного. Фернандо бы поразился до глубины души.

Люди, снующие вокруг пирамиды, выглядели как коренные американцы, но такой одежды Катери сроду не видела. Они были выкрашены в яркие цвета и украшены изысканным бисером. Многие носили перья, драгоценности или украшения для волос. Женщины ходили без макияжа, а вот лица мужчин, по виду воинов, были сильно разукрашены.

Катери не знала, что бабушка пыталась ей показать в этом городе, пока воин, спасший ее, не вышел из здания. За ним шел мужчина на пару сантиметров ниже. На лице белый грим, на щеках нарисованы коричневые бизоны. Лицо же ее спасителя предстало в черном гриме, две красные полосы пересекали острые углы на лице от глаз до подбородка. Еще одна красная полоса красовалась на лбу, а над ней — россыпь белых точек.

Мужчины спустились в маленький дворик у основания лестницы и словно стали кого-то ждать.

Со всех сторон стекались воины, и вскоре набралась небольшая армия. Большинство были хорошо вооружены: духовые трубки^[29], атлатели^[30] и копья. У некоторых — даже ужасные боевые дубины^[31].

Но только не у ее воина. Единственным оружием ему служил обычный лук и короткий нож, заправленный в сапог.

— Они скоро будут здесь, — сказал тот, что пониже.

Ее воин кивнул. Он был одет в тонкую черную куртку из оленьей кожи

и брюки, без рубашки. Ему она была ни к чему, учитывая, какими рельефными и сильными выглядели его мускулы. Длинные черные волосы были зачесаны назад и собраны на затылке в хвост толстым кожаным шнурком с прикрепленным к нему черно-белым пером.

Поперек спины надет лук, а на поясе небольшой колчан со стрелами. Он выделялся даже в окружении свирепых воинов. Не только потому, что был самым высоким, но из-за того, как наблюдал за окружающими. Словно в любую минуту ожидал нападения.

И кто мог винить его за это? Окружающие с полным презрением смотрели в его сторону.

«Почему все его так ненавидят? Неужели он настолько злой, что люди не могут даже нормально на него смотреть?»

Обернувшись, ее воин заговорил с рядом стоявшим мужчиной, используя короткие, быстрые жесты, совершенно для нее бессмысленные.

Мужчина с бизонами на щеках приподнял бровь.

— Почему ты так считаешь?

Ее воин пожал плечами.

Внезапно распахнулась дверь, и все замолчали.

Двигаясь медленно и размеренно, четыре пожилых мужчины в одеяниях жрецов спустились по лестнице. У каждого из них были поразному украшенные перьями головные уборы и маски. Один напоминал оленя с рогами. Другой — белого бизона в сопровождении черного медведя, а последний — серого волка. Они также несли изысканно украшенные перьями веера.

Старейшина заговорил на непонятном ей языке, но спустя секунду Катери начала их понимать.

— Мы посоветались и приняли решение. За проявленную храбрость в сражении с могучим вепрем и спасение жизни брата Койот возглавит племя после смерти нашего вождя, своего отца. Нами послана весть племени оленей, что мы радушно примем в жены нашему будущему вождю их могущественную дочь. Да будет так, и мы станем еще сильнее во главе с Койотом и его невестой — Бабочкой!

Катери слышала их слова краем уха, целиком и полностью следя за выражением лица ее воина. Он стоял с видом будто кто-то заехал ему ногой в живот.

Мужчина с бизонами на щеках шагнул вперед, но ее воин схватил его за руки и сурово покачал головой.

— Они должны знать правду, — произнес его друг сердитым шепотом.

— Их она не в-в-в-волнует.

Его заикание ошеломило Катери. Она не ожидала такого от столь хищного мужчины.

— Это неправильно. Ты спас Койота. Как он мог снискать уважение, когда именно ты чуть не погиб, спасая его от собственной глупости? Если бы не ты, он бы умер.

На скулах ее воина заиграли желваки, когда он стал безмолвно общаться с другом знаками.

Второй мужчина ответил что-то непристойное, решила Катери, судя по гневной реакции ее воина. Резко развернувшись на пятках, он с раздраженным видом оставил своего друга.

— Им следовало бы рассказать правду, — пробурчал тот себе под нос.

Проигнорировав его, ее воин снял лук со спины. С непроницаемым выражением лица он шагнул вперед, положив оружие к ногам верховного жреца, прежде чем низко поклониться.

Жрец одобрительно улыбнулся.

— Подношение нашему будущему вождю от его старшего брата. Спасибо, Мака'Али. Твой брат будет тронут этим подарком. Пусть твой поступок станет для всех почетным примером.

— Почетный, как же, — пробормотал один из мужчин, глядя в сторону. — Если бы не брат, он бы умер.

— Нет, его бы давным-давно изгнали.

Они все засмеялись, но ее воин стоял с бесстрастным выражением лица. Кажется, такое происходило так часто, что он перестал их слушать.

— Мы уважаем вас, жрец, но, пожалуйста, ни в коем случае не приводите нам дефективного в качестве примера, кроме того, что недоразвитых детей следует оставлять в лесу умирать.

Мужчина подхватил лук с земли и швырнул его в руки Мака'Али.

— Будущему вождю не нужны твои обноски. Никому не нужен изогнутый лук недоразвитого, умственно отсталого идиота.

В глазах Мака'Али полыхнул огонь, и он сжал так сильно гриф лука, что побелели костяшки пальцев. Катери испугалась за оскорбившего его мужчину. Было очевидно, что Мака'Али хотел засадить тому рукоятку грифа в весьма деликатное место.

Видно, чувство самосохранения наконец проснулось. Не говоря ни слова, мужчина быстро отступил от ее воина.

Склонив голову, Мака'Али с опасным и мрачным видом окинул остальных взглядом, полным невысказанной угрозы, словно уже планировал, как именно их прикончит. И хотя в эту минуту ее воин вселял дикий ужас, что-то в его позе было неимоверно красивым и сексуальным.

Он был похож на хищника в дикой природе, и лишь одно дыхание отделяло его от нападения.

Любое неверное движение или слово...

И кто-то лишится головы.

Слегка успокоившись, ее воин перекинул лук через голову и закрепил его поперек спины. Сжимая тетиву обеими руками, Мака'Али пошел прочь. Лишь повернувшись спиной к остальным, когда никто больше не мог увидеть, на его лице отразилась боль. Глаза выдавали глубину раны, нанесенной оскорблением. Но хуже всего стыд и само отвращение, которого ему не следовало испытывать. Трагическое отчаяние и безысходность.

И от этого на глаза Катери навернулись слезы.

«Как могут люди быть столь жестоки друг к другу?»

Она никогда не понимала, как некоторые могут постоянно унижать и втоптывать в грязь других. Зачем они отбирали у них гордость и счастье.

Это так неправильно.

— Тери?

Она повернулась на знакомый голос, но не смогла понять, кому он принадлежит.

— Тери? Ты меня слышишь?

Он раздавался откуда-то издалека. Но ей туда не хотелось. Единственным желанием Катери было отправиться за воином и отвести прочь все его печали. Сказать, что те мужчины неправы...

— Тери!

Она так резко проснулась, что схватилась за диван, иначе бы свалилась на пол. Прошло несколько секунд, прежде чем Катери смогла рассмотреть склонившегося над ней кузена Рейна Раннинвульфа.

Она нахмурилась и осмотрелась.

— Что ты здесь делаешь?

«Собственно говоря, где я?»

— Саншайн не хотела, чтобы ты была одна. Она угрожала моим приятелям, если я не притащу свою задницу сюда как можно скорее. А раз я люблю своих друзей... — он дьявольски усмехнулся, — я здесь с тобой, сестренка.

Высокий, темноволосый и раздражающий Рейн был бы великолепен, если бы не два обстоятельства. Во-первых, он ее кузен. Во-вторых, ведет себя как пятилетний ребенок, а не взрослый мужик.

Катери нахмурилась от его короткой стрижки полубокс. Он всегда гордился своими черными длинными волосами.

— Когда ты подстригся?

— Год назад, когда решил, что не хочу всю оставшуюся жизнь работать на семью. Выходит, ты никогда не проверяешь страничку на Фейсбуке? — Он продолжил не останавливаясь: — Люблю их, но расстояние заставляет сердце биться чаще. И творит чудеса с личной жизнью. Большинство женщин смотрят свысока на мужчин, работающих у своих папочек и живущих за отцовским клубом.

Катери прижала руку к виску, пытаясь угнаться за его мыслями.

— Не понимаю. Ты же по-прежнему живешь за клубом своего отца.

— Да, но теперь они не знают, что это папин клуб. Я прошел путь от халявщика до заслуживающего внимания парня благодаря незначительной смене работы.

Глубокий мужской смех привлек ее внимание к человеку, стоящему позади Рейна.

Сердце замерло, когда она увидела мужчину, спасшего ей жизнь. Того, что так хотела утешить в своих снах. Только сейчас он не выглядел таким уж уязвимым.

Скорее, он напоминал свирепого воина, который с легкостью вырежет сердце человека, осмелившегося его оскорбить.

Не уверенная в его намерениях насчет них с кузеном Катери попыталась встать, но Рейн ее остановил.

— Полегче. Рэн сказал, что тебя сильно ранили.

— Рэн?

Он махнул в сторону воина, наблюдавшего за ними.

— Вон тот серьезный мужик, прожигающий во мне дыру взглядом. Знаю, что ты не могла его не заметить. Только Саншайн может быть настолько рассеянной.

«Так значит, его зовут Рэн, а не Мака'Али... Намного легче произносить».

Тем не менее, она не собиралась терять бдительность. Особенно с кем-то столь смертоносным.

— Он друг?

Рейн посмотрел на свирепого воина.

— Боже, я на это надеюсь. Я, конечно, крутой, но уверен, он мне в два счета надерет задницу. А проверять особо не хочется. Понимаешь, о чем я?

«Да, еще как понимаю».

— Где я?

— У Рэна дома.

Катери вздрогнула, когда боль пронзила бок, напомнив о недавно

полученной ране.

— Разве я сейчас не должна находиться в больнице? Почему я здесь? И собственно где именно?

— Вегас, и это место под защитой. Здесь ты в безопасности. А в больнице не будешь.

Голова раскалывалась, и Катери едва могла уследить за его скоропалительными странными заявлениями. Ей казалось, что она втянута в головоломку с недостающими фрагментами.

«Как я добралась в Лас-Вегас из Алабамы?

Нет, я не могла здесь очутиться. Рейн валяет дурака или же решил меня разыграть».

— Я не в Неваде, Рейн. Это невозможно.

— Боюсь, это правда, дорогая.

«Нет, нет, и еще раз нет».

От его слов голова шла кругом.

«Этого не может быть. Такое нереально. Я не могла пересечь полстраны, даже не заметив этого.

Или все же могла?»

Внезапно раздался гром такой сильный, что затрясся весь дом.

Испуганно взвизгнув, Катери вскочила на ноги и поморщилась от боли в боку.

— Что это было?

— Сильная гроза и внезапный проливной дождь.

От слов Рейна ее окутали странные ощущения. Повеяло холодком, который по словам бабушки исходил из чьей-то могилы.

Катери перевела взгляд на Рэна.

— Ты тоже это чувствуешь?

Но тот не ответил. Вместо этого он развернулся и вышел из комнаты.

Рейн пожал плечами.

— Он не очень-то разговорчив. Мне удалось вытянуть из него лишь пару коротких фраз. По словам Талона, разговаривать с Рэном все равно, что рвать зубы. А я-то считал Сторма молчуном. Кажется, я нашел единственного человека, который говорит еще меньше моего брата. Кто бы мог подумать, а?

«Это из-за заикания?..

Нет. Это просто сон. Не реальность. Если мне приснилось, это еще не означает, что Рэн заикается.

Это не так.

Или же в этом дело?»

Но любопытство уже запрыгнуло ей на спину и погнало шпорами.

— Секундочку, я сейчас вернусь.

Катери отправилась вслед за Рэном, намереваясь получить несколько ответов.

— Ванная комната — первая дверь слева! — крикнул ей вдогонку Рейн.

Она едва обратила внимания на слова кузена, уже спускаясь в маленький коридор в поисках Рэна.

Она нашла его в комнате, переоборудованной под спортзал, в глубине маленького оформленного в виде ранчо дома. Наверное, не более ста шестидесяти семи квадратных метров, скудная обстановка и почти нигде нет украшений. Несколько старых гончарных изделий, ковры, голые стены, не считая телевизора в гостиной, где она проснулась, и еще одного, поменьше, здесь в спортзале.

Странно.

Сидя на силовой скамье, Рэн писал кому-то сообщение. Он поднял взгляд и недоуменно выгнул бровь, увидев ее.

Красота его лица пленила Катери. Если бы не аура мужественности, окружавшая Рэна, то его можно было бы назвать неотразимым. Даже сидя, он приковывал к себе все внимание.

Внушая уважение.

Страх.

Много страха.

— Я... э... Я хотела поговорить с тобой.

Хотя сейчас идея остаться с ним наедине не казалась ей такой уж хорошей.

Поднявшись на ноги, Рэн выключил телефон и засунул его в карман, не проронив ни слова.

Катери с трудом сглотнула.

«Зачем спрашивается ты встала?»

По сравнению с ней он был просто огромен. Исходящая от него сила давила и вынуждала отступить, но Катери не собиралась ни перед кем пасовать. Даже тем, кто, вероятно, мог закинуть баскетбольный мяч в сетку, не вытягивая полностью руки.

«Черт, он огромный».

Катери откашлялась.

— Я просто пытаюсь во всем разобраться, ладно? Это ты меня спас?

Он кивнул.

— Где я была? В смысле, куда меня затащили из моего офиса? Как я

туда попала, а потом очутилась здесь? Мы летели или как? — Конечно, вряд ли в аэропорту мужчину пропустили на самолет с женщиной в отключке и без документов. Такое просто нереально. — Мы не могли уехать так далеко? Ведь так?

Рэн обдумывал, что же ей ответить. С одной стороны, она должна знать о своей священной обязанности, но с другой...

Без возвращения Стражей ее часть ритуала не столь значима. Обязанность Икскиб — обнулить календарь. Первый Страж — единственный, кто может выбрать новых Стражей и запечатать врата.

Без него...

— Ты не собираешься со мной разговаривать? — спросила она.

Рэн замялся. Он хотел, но боялся поставить себя в неловкое положение... например, начав заикаться. Боги, как он ненавидел этот недуг. Хотя сейчас это случалось довольно редко, в молодости это было его проклятием. Настолько чудовищным, что его постоянно высмеивали, тем самым лишь усугубляя ситуацию.

В конце концов, он вообще перестал говорить.

Три года он оставался немым, чтобы не слышать смеха и оскорблений окружающих, которые жестоко передразнивали его заикание. Кроме друга Бизона он ни с кем не говорил.

В отличие от всего племени Бизон не имел ничего против заикания и не считал друга из-за этого идиотом.

Вместе они изобрели свой собственный язык жестов, чтобы Рэн мог говорить, не используя голос.

Но не только заикание удерживало его сейчас от ответа. Рэн просто не знал, что ей сказать. Он всегда чувствовал себя неловко с женщинами. Бизон шутил, что Рэн мог бы не дрогнув повести армию в бой. С легкостью полез бы в берлогу, полную медведей, и голыми руками одолел их.

Но стоит поставить перед ним женщину, как он задрожит точно нашкодивший ребенок перед лицом разгневанного родителя.

«Если какое-нибудь племя захочет уничтожить нас, все, что им следует сделать, — это поставить перед тобой женщину, и ты с криками бросишься в лес».

Как бы сильно его не задевали насмешки и оскорбления мужчин, но больнее ранили слова, исходящие из уст желанной женщины. Нет ничего хуже, чем набраться смелости и заговорить с женщиной, а она даст тебе отворот-поворот, прежде чем ты сможешь вымолвить хоть слово, при этом ужасно заикаясь.

А если она начнет смеяться над ним...

Таких унижений никому не пожелаешь.

Рэн презирал себя так же сильно, как его влекло к Гигау. Он лишь мог думать о желании изведать на вкус ее уста. Заниматься с ней любовью до полного истощения и головокружения.

Хоть на мгновение почувствовать ее руки...

Но Рэн не был достаточно храбрым, чтобы рискнуть. За всю жизнь его достаточно высмеяли. Теперь ему хотелось лишь одиночества.

Вдруг у него зазвонил телефон.

Рэн проигнорировал бы вызов, не будь это рингтон, поставленный на Талона. Ему нужно сказать, что Икскиб в безопасности.

Рэн вытащил телефон и, отвернувшись от женщины, ответил.

— *Osiyo?*

Катери застыла от глубокого и звучного голоса, произнесшего «привет» на тсалаги^[32]. Ничего общего с ее снами. Голос звучал гораздо более мужественно, а баритон был подобен раскатам грома.

Со спины он выглядел не столь устрашающе, ведь стоило ей только приблизиться к нему, как он начинал прожигать ее взглядом. Сзади он так же хорошо сложен, как и спереди. От такого вида женщине хочется лишь одного: фигурально выражаясь запустить в него свои коготки. Почувствовать, насколько тверды эти упругие мышцы.

В горле пересохло, когда ее опалила волна желания.

«Прекрати, Тер...»

Легче сказать, чем сделать. Некая притягательность в нем манила ее до одури.

— Она здесь.

Он молча выслушал ответ.

«Ну, по крайней мере, меня не единственную игнорируют».

Ее поразило, что он не отвечал по телефону простыми постукиванием. Одно — да. Два — нет.

Через несколько секунд Рэн вновь заговорил.

— Позже.

Сбросив вызов, он захлопнул телефон и обернулся к ней.

— Значит, ты *умеешь* говорить, — поддразнила Катери.

Став мрачнее тучи, Рэн кивнул, опуская телефон в карман.

— Раз разговор шел обо мне, могу спросить, кто звонил?

— Талон.

По крайней мере, ей удалось вытянуть из него хоть слово.

— Знаешь... ничего себе, целых два слога в ответ... впечатляет. Могу ли я раздуть их до трех? Вот черт, а давай пойдем ва-банк и скажем целую

фразу. Как ты на это смотришь?

Рэн хотел бы на нее разозлиться, но почему-то нашел ее очаровательной. Гигау не нападала на него... наоборот, она игриво подтрунивала, в то время как Джесс, Чу и Талон доставали.

Из-за того, как с ним обращались до бессмертия, Рэн не любил беседовать с людьми. Легче было притвориться, что их не существует. В конце концов, до смерти он был невидимкой для большинства. Проклятье, даже после смерти люди редко признавали его. Вот поэтому он старался держаться в тени, не привлекая к себе внимание.

— Давай, большой парень, — заявила она, приподнявшись на цыпочки, и прижала ладонь к его подбородку.

В тот миг, как Гигау коснулась его, все тело словно раскалилось добела. Каждый гормон вспыхнул пламенем. Огонь полыхал с такой силой, что он едва мог дышать и представлять, какова она на вкус.

С улыбкой, заставившей Рэна затрепетать, Гигау стала двигать его челюстью вверх и вниз.

— Ты сможешь. Смотри, как легко... — Она стала говорить глубже, парадировав его тембр: — Ух ты, Тери. Даже не думал, что говорить это так легко. Спасибо за подсказку. Возможно, однажды я захочу повторить это самостоятельно.

Рэн улыбнулся ее выходке помимо воли. Никто никогда рядом с ним не вел себя так игриво. Большинство из-за страха держались от него подальше.

Убрав ее руку, он окинул ее взглядом.

— Ха-ха.

Она нахмурилась.

— Ты действительно не можешь произнести больше двух слогов? Почему? Поспорил с колдуном или что-то в этом роде? Если произнесешь три, твоя голова взорвется или схлопочешь какую-нибудь форму ЭД?

«Эректильная дисфункция^[33]? Ей лучше не думать о таком...»

А то если посмотреть на ситуацию с его стороны, она горько ошибалась. Сейчас он возбужден как никогда. А в голове роились мысли лишь о том, как прижать ее руку к изнаывающей части тела.

«Давай, Рэн... всего один маленький поцелуй...»

Преисполненный решимости держаться от нее на расстоянии, он опустил взгляд на ее руку. А когда разглядел кое-что на ее правой руке, у Рэна перехватило дыхание.

«Нет. Невозможно. Этого не может быть. Вероятно, это игра света. Или разум решил сыграть со мной злую шутку... Именно так».

Сердце бешено колотилось, когда Рэн протянул руку и взял ее правое запястье. Повернув, он увидел знак в форме паука на сгибе локтя.

«Это совпадение... Но что, если нет?»

— Откуда у тебя это? — спросил Рэн, проводя пальцем по метке.

Катери с хмурым видом опустила взгляд.

— С рождения. И я впечатлена. Ты можешь произнести целое предложение и не воспламениться. Удивительно, правда?

Честно говоря, он пропустил мимо ушей ее слова. Не смог понять ни единого слова. Всё его внимание было приковано к метке, с которой мог родиться лишь один человек.

Знак, которого ни у кого другого не должно быть.

— Что твой отец сказал об этом? — спросил ее Рэн.

Она пожала плечами.

— Ничего. Он ушел от нас, когда я была еще маленькой, и с тех пор я его не видела.

Тряхнув головой, Рэн отступил назад, когда картина начала складываться воедино.

«Она не только Икскиб. Но и дочь Первого Стража...»

ГЛАВА 6

— Что ты от меня скрываешь? — чуть хрипловато спросила Тери. Похоже, Гигау сообразила, что ей стоит его опасаться. Впрочем, она отлично скрывала панику.

«Проклятье. Я должен был сразу же распознать ее сущность. Как странно иногда разум маскирует некоторые вещи, скрывая их для понимания. Нечто может находиться прямо перед твоим носом, а ты совсем этого не замечаешь...»

Теперь, узнав правду о Гигау, все стало таким очевидным, что невольно возникал вопрос: «Как можно оказаться настолько глупым, чтобы не заметить этого раньше?»

Хотя Тери не походила на Первого Стража ни внешностью, ни ростом, кроме внушающих суеверный страх глаз с золотистым оттенком. Они стирали ложь и браваду, позволяя заглянуть прямо в душу собеседнику.

В первую встречу со Стражем этот пронизывающий взгляд перенес его в прошлое, где Рэн существовал подобно собачонке, живущей только ради одобрения отца. Будучи жалкой тенью человека, он позволял родному брату втапывать себя в грязь, пока защищал этого ублюдка ценой собственной жизни. Точно пес принимал пинки от любого встречного и считал, будто не

заслужил ничего, кроме всеобщего презрения.

Большую часть жизни Рэн искренне верил, что не имеет права злиться и испытывать горечь, а лишь благодарность за предоставленный ему кров. И поэтому он прятал свою гордость куда подальше.

Хотя Рэн убеждал себя, что ненавидит отца и Койота за их скотское отношение, горькая правда заключалась в том, что себя он ненавидел гораздо сильнее. Он единственный молчал и безропотно принимал их оскорбления. Позволял унижать и втоптывать себя в грязь, будто ничего не стоящий кусок дерьма.

При этом он обладал достаточной силой и сноровкой, чтобы заткнуть им рты. Но вместо того, чтобы рискнуть и потерять так называемый «дом» с мизерной безопасностью, он продолжал смиренно выслушивать оскорбления и терпеть нападки, убеждая себя, что в одиночку ему не выжить.

Что он действительно слаб.

В ту секунду, как Первый Страж заглянул ему в глаза и отбросил в сторону ищущего мести монстра, пробужденного Ветром-провидицей, Рэн вновь стал тем уязвимым человеком. Он кинулся на древнего со всей накопленной ненавистью лишь за то, что тот посмел узреть истину. В конечном счете, Первый Страж оказался прав. На самом деле, Рэн выдержал яростную битву длиной в целый год не с Первым Стражем, а с самим собой.

Он сам был для себя злейшим врагом.

Возможно, кто-то другой осудил бы Рэна за все деяния, совершенные в прошлом, и лишил его жизни. Но вместо этого Первый Страж обнял его как брата.

«Ты настолько сильно любил кого-то, что позволил ослепить себя ложью. Ты доверил ей свое хрупкое сердце, которое никогда раньше не билось от радости чьего-то одобрения. Хотя по ее приказу ты совершал зло, оно не исходило от тебя лично. Ты не получал никакого удовольствия или успокоения от своих деяний. И не гордился содеянным.

Я вижу твоё сердце, Мака'Али. Ты стыдишься и ужасаешься своих поступков. Осознаешь, насколько все это неправильно, и не прячешься от этого факта. Ты сам истязал себя гораздо сильнее, чем я когда-либо смогу.

Но ты должен помнить, лишь двое существ поистине совершенны: еще не рожденный и уже умерший. Мы все допускаем ошибки. Они делают нас мудрее. Суть не в достижении совершенства. А в том, чтобы найти место утешения в сознании, а не истязать себя за то, что доверился не

тому человеку и последовал за ложной мечтой. В какой-то момент все мы становимся жертвами пагубного коварства.

Даже я.

Но ненависть и ярость ничего не решат. Словно могучий огонь, они стремительно пожирают все, что их кормит. Но это не может продолжаться вечно. Очень скоро пламя поглощает и выжигает все внутри, оставив лишь пустую оболочку, уже не способную ни на какие чувства.

Ты, Мака'Али, могучий Громовержец. Рожденный из людской скорби, ты — предвестник бури, проносящейся по земле и уничтожающей все на своем пути.

Уже исчерпавший свою силу и достигший смирения. Защитник, способный без колебаний пожертвовать своей жизнью ради спасения другого.

Как я смогу винить или наказать тебя за это?

Цикл Вселенной — это рождение, взросление и смерть. И хотя смерть нежеланна, она необходима. Без нее нет рождения и взросления.

Большинство людей за свою жизнь умирают множество раз. Человек, которым становишься, всегда убивает дитя, которым когда-то был. Его знания о мире уничтожат детскую невинность. И с принятым тобой решением теперь мудрый Мака'Али отправит на покой воина Мака'Али. И хотя ты знаешь, как сражаться, теперь ты узнал, когда это необходимо...

И самое главное, ради чего».

Ради других, а не себя.

Первый Страж не произнес последних слов, но Рэн сам усвоил этот урок. Пока Первый Страж не пощадил его, Рэн всегда дрался ради собственной славы, даже когда утверждал, будто сражался ради Койота и отца. На самом деле, он не защищал брата. Просто надеялся, что отец заметит его навыки. Хоть раз в жизни обнимет и с гордостью назовет сыном.

Но никто не в силах изменить чье-либо мнение. Это подвластно лишь им самим. И если он к этому не готов, ни одна из существующих магий не в силах заставить человека увидеть обратное.

Отец никогда не считал, что Рэн хоть на что-то годен.

«Изменилось не мое мнение. Скорее восприятие», — всегда саркастически отвечал Бизон на обвинения в своенравии.

Сейчас, столетия спустя, Рэн заглянул в глаза, которые однажды подтолкнули его к убийству...

— Что ты знаешь о своем отце? — спросил он Тери.

— На самом деле, ничего. Моя мама не рассказывала о нем, а бабушка утверждала, что ей тяжело об этом вспоминать и просила не затрагивать тему. Поэтому я старалась не заводить об этом речь.

— Твоя мать по-прежнему не говорит о нем?

— Моя мама умерла, когда я была еще ребенком.

Выходит, в этом причина. Вероятно, Первому Стражу стало известно, что линия Икскиб вымирает, и он вмешался, защитив их в один из самых критических моментов. Зная, что мать должна погибнуть, Первый Страж подарил ей ребенка, чтобы новая Икскиб продолжила род.

Тогда напрашивался другой вопрос: где сейчас Первый Страж? Не в его характере находиться вдалеке, когда его дочери грозит опасность.

«Может, на самом деле, она не его дочь.

Но я не мог ошибаться. С этой меткой Стража и глазами...»

Происхождение Икскиб не вызывало сомнения. Хотя ее силы еще не пробуждены, они видны любому, кто мог смотреть сквозь внешнюю оболочку.

За всю жизнь лишь одному существу удалось одолеть его. Отцу Тери. И даже тогда, он добился этого не благодаря превосходным боевым навыкам. Скорее Первый Страж выиграл в психологической борьбе. Он словами обнажил душу Рэна, заставил открыться, пока окончательно не угасло его желание борьбы.

Никогда более на нем не использовали такой грязный прием. А учитывая пережитое им прошлое, это говорило о многом.

Икскиб вопросительно выгнула бровь.

— Что ты от меня скрываешь?

— Ты о чем?

— Я всегда каким-то образом знаю, когда кто-то что-то скрывает. И ты что-то тщательно утаиваешь. Я это чувствую.

«О да, эта женщина точно дочь Первого Стража. Никому кроме ее отца не удавалось меня прочесть».

И он действительно не хотел делиться с ней своими тайнами.

— Тебе ничего не нужно обо мне знать.

Вторая бровь Гигау выгнулась вслед за первой, а во взгляде промелькнула обида.

— Ты не очень-то умеешь ладить с людьми, я угадала?

«Если бы ты только знала правду...»

— А я и не хочу.

Катери нахмурилась, перед глазами мелькнул образ Рэна,

вынужденного терпеть издевательства. Именно это объясняло его враждебность по отношению к людям. И кто бы мог его за это винить?

Но Рэн не мог быть Мака'Али. Катери это отлично понимала. Те образы пришли из ее снов. Видимо, какой-то странный пережиток, отложившийся на ее подсознании после раскопок прошлым летом. Ее бабушка твердо верила, что вещи могут сохранить сущность прошлых владельцев. Человек с сильным духом мог оставить отпечаток на практически любой вещи. Катери изучила множество различных предметов, принадлежащих племени майя. Любой из них мог «заразить» ее, вынуждая подсознание создавать вымышленные сценарии.

Объяснение, конечно, не очень убедительное, но все же лучше, чем считать, будто Рэн — перевоплотившийся воин или бессмертный вампир, или еще нечто невероятное и неправдоподобное.

И это подтолкнуло Катери к самому труднообъяснимому вопросу.

— Как ты вытащил меня из той пещеры?

— На руках.

«Отличный сарказм, приятель».

Никогда в жизни ей не хотелось так врезать кому-то. Даже мальчишке в детском саду, который шутки ради украл у нее кошелек. Но стоящий перед ней мужчина... целенаправленно отвечал туманно и односложно.

И в отличие от мальчишки из детсадовской группы Рэн прекрасно осознал свои действия...

— Ты, правда, собираешься играть со мной в эту игру?

Его взгляд задержался на ее губах. На долю секунды в нем вспыхнула искра желания. Но он тут же потушил ее, не дав разгореться пламени.

— Ты спросила, я ответил. Никаких игр.

— Да что ты? Хочешь сказать, не играешь со мной?

Он стоял с самым бесстрастным видом, с каким Катери в жизни не сталкивалась. По ходу, мужчина изображал терминатора. Впрочем, с задачей он справился лучше Шварценеггера.

— Нет. Я не играю.

— А стоит. Именно из игр можно многое извлечь. Как говорил ученик Сократа: «Вы можете узнать о человеке за час игры больше, чем за год разговоров».

Казалось, Рэн обдумывает ее фразу, но через пару секунд раздался телефонный звонок.

Рэн вытащил сотовый из кармана и взглянул на экран, ожидая увидеть номер одного из своих немногочисленных друзей. Но от увиденного сердце пропустило удар.

Ему звонил не друг.

Койот.

«Не отвечай. От разговора с братом не выйдет ничего путевого. Ничего».

Но любопытство взяло верх. Рэн не мог понять, откуда у Койота его номер, да и в принципе не столь важно, зачем ублюдок ему звонит. Не успев себя одернуть, Рэн открыл телефон.

— *Osiyo*.

— И тебе привет, старший брат. Я тут узнал, что ты опять украл именно то, что мне нужно. И я хочу ее вернуть.

Рэн хмыкнул.

— Бедный Анукувэйя. У тебя никогда не получалось удержать женщин, да?

Как и рассчитывал Рэн, Койот стал брюзжать слюной от негодования, извергая череду проклятий в его адрес.

Невзирая на серьезность ситуации, Рэна поразил красочный подбор выражений.

— Это и твой отец, Анукувэйя. Даже больше, учитывая, что он никогда не желал меня признать.

— Я хочу ее. Сейчас же, — прорычал Койот ему в ухо.

«Ага, а люди в аду желают ледяной водички».

— Этому не бывать.

— Даже в обмен на жизнь Чу Ко Ла Та?

Рэн замер от неожиданного вопроса.

«Нет... конечно же, Чу не могли захватить в плен».

— Ты лжешь.

Он услышал, как кто-то врезал кулаком по плоти. Раздался хриплый стон.

— Скажи привет, собака.

В телефоне зазвучал голос с сильным английским акцентом.

— Нет ничего страшнее, Ренегат^[34], нежели неосведомленность перед боем.

Чу одним из немногих знал полное имя Рэна, и это подтверждало, что Койот действительно пленил Чу.

Больше сомнений не оставалось. Но все же через несколько секунд пришли сообщения с фотографиями жестоко избитого и привязанного к стулу Чу.

— Его жизнь в твоих руках, Мака'Али.

Охваченный яростью Рэн крепче сжал телефон. Человек, которым он

научился быть, хотел спасти старого друга. Но воин понимал, как будет лучше.

Голодный койот ищет, чем поживиться. Зверь не успокоится, пока не насытится. И какие действия ни предпримет Рэн, это не изменит поступков Койота или судьбу Чу.

— Ну так как, Чу Ко Ла Та будет жить или умрет? — съязвил его брат.

Рэн стиснул зубы, а потом сказал единственно верный ответ.

— Только тебе это решать. Икскиб останется со мной.

Койот засмеялся и с издевкой ответил:

— Ты всегда был ту-ту-ту-тупым.

И бросил трубку.

Рэн и так все понял без его последнего высказывания. Желудок скрутило в трубочку от осознания, что, вероятно, он вынес смертельный приговор другу. Закрыв телефон, Рэн встретился с пристальным взглядом Икскиб. Единственное утешение, что второй друг, Сандаун, вместе с женой Эбигейл надежно скрыты от Койота. Рэн и Чу Ко Ла Та спрятали их еще несколько месяцев назад так, чтобы Койот никогда не смог их найти. Сандаун и Эбби не трусы, просто Эбигейл беременна. Никому из них не хотелось рисковать ребенком, столкнувшись с Койотом или любой другой опасностью.

Пока их малыш не родится, Рэн не приблизится к ним и не станет просить о помощи.

— Что случилось? — спросила Икскиб.

Прежде чем он успел ответить, с правой стороны дома что-то сильно ударило в крышу, пробивая черепицу.

Рэн бросился к двери и столкнулся с бегущим по коридору Рейном.

— Мужик, снаружи творится черт знает что. Похоже на торнадо или... впрочем не знаю. У меня нет образования по метеорологии.

Рэн схватил его за грудки и втащил в комнату.

— Охраняй сестру.

Катери нахмурилась, когда Рэн выбежал, оставив их с братом вдвоем.

— И что это было?

— Без понятия. Этот мужик меня пугает.

Катери рассмеялась от заявления Рейна.

— Это ни о чем не говорит, братишка. Насколько мне помнится, пауки тоже наводят на тебя страху, и даже при виде божьей коровки ты визжишь как девчонка.

Рейн замер, кипя от возмущения.

— Это не моя вина. Клянусь. Если бы ты только увидела моего отца с

дядей Шеймусом, переодетых божьими коровками-убийцами на Марди Гра, тебя бы тоже ужасали эти насекомые. Два переодетых мужика поют «Человек дождя», а потом утверждают, будто тебя назвали в честь данной песни, для ребенка — это травма на всю жизнь. Но еще сильнее меня ранило, что мама их поддержала. Я тогда был маленьким и не понял, что эта песня вышла после того, как я родился. Только повзрослев, я все сообразил.

Перед глазами Катери возник образ дяди Дэниеля, который и так мог навести жути, а в костюме и с плохим гримом... Она рассмеялась.

«Да, я могу себе представить, как он с ее тетей Старлой помучили сынишку. Они оба такие приколисты».

— Но я никогда не встречалась с твоим дядей Шеймусом.

— Радуйся. Шеймус как взрыв для мозга. Чертовски веселый, пока речь идет о ком-то другом... Представь себе моего отца, только выше, ворчливее, толще и с ирландским акцентом.

«О да, от такого образа захочется выколоть себе глаза».

— Ладно, больше никаких шуточек про божьих коровок, из-за которых ты распускаешь нюни.

— Спасибо.

Мигнул свет.

Катери на минуту застыла, а потом услышала, как что-то разбилось. Она посмотрела на Рейна.

— Что именно ты видел на улице?

— Честно? Я подумал, что это торнадо. Выглядело как эпизод из «Доктора Кто».

Со стороны гостиной послышался звон стекла. Катери отправилась на разведку, хотя, вспоминая пересмотренную кучу ужастиков, не стоило этого делать.

Рейн медленно пошел за ней следом.

— Мне кажется, нам не следует покидать комнату.

Не внимая его предупреждению, Катери осторожно продвигалась по коридору, приближаясь к звукам борьбы. Голова закружилась, когда она почти добралась до гостиной.

В следующую секунду Катери предстало видение: Рэн только в другом времени и месте. Он сражался на бескрайней долине, держа в руках боевую дубину. На обнаженной мускулистой груди была напряжена каждая жилка. Он дрался с пожилым мужчиной.

Обоих с ног до головы покрывала кровь. Она впиталась в волосы Рэна, запятнав белые перья, прикрепленные к кожаному шнуру.

— На самом деле, ты не испытываешь ко мне ненависти, Мака'Али. И знаешь это, — говорил старец с дикой усталостью в голосе. — А если ты не изменишь направление... то увидишь, где окажешься.

— Мне надоели твои крылатые фразы, старик. Сделай нам обоим одолжение и умри наконец.

Увернувшись, старец ударил в ответ.

— Говорят, ты ослеплен любовью и твоя жадность безгранична. Но ты не жадный. Не к материальным благам. Мы оба это знаем.

— Заткнись! — взревел Рэн.

— Правда жалит больнее всего из-за ужасного предательства. Тебя сделали инструментом в достижении чужих целей, Мака'Али. Точно так же с тобой поступал отец и брат. Неужели это действительно то, к чему ты стремишься?

Катери видела агонию, полыхнувшую в темных глазах Рэна. Слова старца сильно его задели.

— Если бы Ветер-провидица любила тебя, то сейчас находилась бы здесь. Так она здесь? Нет. Она открыла дверь для Духа Гризли, а тот освободил ее. Как и все остальные Ветер бросила тебя умирать в одиночестве.

— И что с того? — бросил Рэн и замахнулся боевой дубинкой в голову противника. — Я пришел в этот мир одиноким и таким же оставлю его.

Старец увернулся от удара.

— А как же время между этими событиями? Неужели тебе нравится, что в твоей жизни ничего нет? Никого? Всегда?

Каждое слово сопровождалось огненными шарами, которые Рэн пытался отбить дубинкой. Тем не менее, из-за них он все же отступил и упал на землю.

Боль плескалась в глазах старца, когда он подошел к Рэну, возвышаясь над ним.

— Когда тебя не станет, кто будет тебя оплакивать? Ответь, мальчик. Для чего ты живешь?

В ответ Рэн сам швырнул в него огненный шар.

— Мечь!

Старец остановился, и Рэн смог встать на ноги.

— Ты прав, это больно, Мака'Али. Но твои поступки обернулись одним сплошным злом. И твоя мечь затронула невинных, которые никогда не причиняли тебе вреда. Ты хочешь зародить в сердце другого мальчика такую же ненависть? Какие зерна ты сеешь с таким рвением? Ты, правда, хочешь, чтобы они росли невозделанными? Чтобы мальчики, оставленные

сиротами тоже, как и ты, хранили в душе яд.

— Какое мне до этого дело? Этот мир никогда не проявлял ко мне ни капли доброты и никогда не принимал меня с радушием.

Старик опустил боевую дубину.

— Но тебе есть до этого дело. Не так ли? В твоих глазах я вижу правду. Даже сейчас. После всего, пережитого тобой. Ты все еще хочешь того же, что и все мужчины. Поддержки, одобрения, утешения...

Рэн заорал так громко, заглушая слова старца.

— Я ничего не хочу! Ничего!

Рэн с новой силой и еще большей яростью накинулся на противника. Град ударов столь быстрый, практически незаметный для человеческих глаз. Лишь слышен грохот от ударов.

«Наподобие тех, что доносятся из гостиной».

Звуки борьбы вмиг вернули Катери из прошлого или из фантазии, или чем бы это ни было в дом Рэна в Лас-Вегасе. Гремел гром и сверкали молнии, а Рейн тянул ее назад по коридору.

На их глазах в гостиной Рэна окружили темные духи, одновременно атакуя его, а потом нападая по одиночке. Любую атаку Рэн отражал с невероятным мастерством.

«Волка нельзя приручить с помощью насилия. Но можно добротой, нежностью и, прежде всего, терпением. Самые свирепые звери видят врагов повсюду. Пытаясь выжить, они всегда настороже. Им лишь ведомо, как нападать и бороться. Они от всех ожидают предательства», — нашептывал в голове голос бабушки.

Одна из тварей нанесла Рэну сокрушительный удар, и он упал на колени. Он откатился от злого духа, но не смог избавиться от противника. Еще одна тварь поймала его и с силой пихнула.

Духи явно побеждали.

Отказываясь наблюдать, как Рэн погибает, сражаясь ради ее защиты, Катери с готовностью ринулась в бой...

Лишь потом осознав, что она безоружна.

«Твою мать!..»

Мелькнула тень, привлекая внимание Рэна. Он замахнулся для удара, но это оказалась Икскиб.

От ее неожиданного появления он замер как вкопанный. Не мог пошевелиться, ожидая ее нападения.

Но она бросилась на врагов Рэна...

Рэну понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Настолько его поразило, что кто-то решился сражаться ради него.

Тогда до него дошло, что ей не одолеть противников.

Одолеваемый одним-единственным желанием спасти ее, Рэн подбежал к Икскиб, крепко обнял и переместил из своего дома в другое убежище.

Рэн прижимал ее к себе столь крепко, что у Катери перехватило дыхание. Окруженная стеной стальных мышц, она прижималась лицом к его груди. Под щекой гулко билось сердце, а теплый мужской аромат успокаивал. Терпкий пряный запах, от которого у нее потекли слюнки.

Через несколько секунд он ослабил хватку и отстранился, взглянув на нее.

Беспокойство, отразившееся в темных глазах, застало ее врасплох. Он выглядел чертовски привлекательно. Один его вид будоражил кровь. Особенно, когда Рэн обхватил ее лицо ладонями и наклонился, пока их глаза не оказались на одном уровне.

— С тобой все в порядке?

Она кивнула.

— А ты как?

— Жить буду.

Ее охватило разочарование, когда Рэн отпустил ее и отошел. Лишившись его тепла, Катери затрясло от холода. Осмотревшись, она судорожно вздохнула.

Они очутились в номере люкс фешенебельной гостиницы. Такой пентхаус в духе плейбоя-миллиардера.

«Что за...»

— Похоже, мне опять черт знает что снится, — выдохнула она, удивляясь проделкам подсознания.

Рэн покачал головой.

— Это не сон.

Она фыркнула.

— Тогда, как мы сюда попали?

— Я могу телепортироваться.

«Уверена, что можешь».

Катери нервно засмеялась.

— Ага. «Телепортируй меня, Скотти^[35]», так что ли? Парни, вы мне что-то подсыпали? Рейн в этом замешен?

— Ты же на самом деле так не считаешь.

Катери провела рукой по темно-синим шторам. Они не испарились, превратив все в бредовый сон.

— Не считаю, но хочу.

Она была готова поверить чему угодно — только не в реальность

происходящего.

«Я окончательно сдурела. По крайней мере, так происходящее обретает смысл.

В противном случае...»

Катери вздрогнула от действительности, в которой не хотела участвовать. Лично она предпочитала и дальше все отрицать.

— Все это реально, правда?

— Так же реально, как выглядит.

Закрыв лицо руками, Катери изо всех сил попыталась найти правдоподобное объяснение.

Но ничего не приходило в голову, кроме единственно верного. «Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина...»

«Будь ты проклят, сэр Артур Конан Дойл. Будь проклят!»

И в эту секунду на Катери как лавина обрушились события этого дня. Смерть Фернандо, ее недавнее веселое столкновение со смертью, эти безумные странные сны... все.

«О Боже, это правда.

Все это.

Нет, он не мог быть тем воином из прошлого. Он не мог быть Мака'Али. Не мог...»

Рэн почувствовал, что Икскиб охватил шок. И понимал, что должен поддержать ее, поэтому быстро подошел к ней и обхватил ладонями лицо. Мягкость кожи ласкала, заставляя тосковать о тех вещах, которые он знал никогда не сможет иметь. Даже понимая это, он продолжал желать невозможного.

— Как тебя зовут?

Чуть раньше она назвала себя «Тери», но это имя ей совсем не подходило.

Катери удивленно моргнула от неожиданного вопроса.

— А? Что?

— Я не знаю твоего имени, кроха. Так, как тебя зовут?

Это ее рассмешило.

— Понятное дело, ты не знаешь. Да и зачем оно тебе? Ты всего лишь дважды спас мою жизнь. Вытащил меня из... — В голове перещелкнуло, и Катери замерла от ужаса. — С Рейном все хорошо?

— Они пришли за тобой, ему не навредят.

«Конечно же, они пришли...»

— Кто «они» такие?

Рэн замешкал. Сказать по сути, что все желают отхватить от тебя кусочек, вряд ли кого-либо успокоит. Хотя у него немного опыта в общении, все же Рэн понимал, что некоторые вещи лучше оставить в неведении.

— Враги.

Она подняла голову и заглянула ему в глаза.

— Серьезно? — спросила Тери с полным сарказмом. — Враги? И это лучшее, что ты смог придумать?

— Ты так и не назвала мне своего имени, — напомнил он ей.

— Катери Авани, но большинство зовут меня просто Тери.

Рэн повторил про себя ее имя. Оно было красиво, как и женщина, носившая его.

— Я — Рэн.

— Знаю.

— Но я тебе не представлялся.

Она нахмурилась.

— А есть какая-то разница?

— Там, откуда я родом, это очень важно.

Катери хотела парировать колкостью, но не смогла вымолвить и слова, заглянув в настолько темные глаза, что было не видно зрачков.

Где-то в глубине подсознания она вспомнила, что бабушка рассказывала ей, как их народ относился к именам. Именно поэтому имя Валеили было известно лишь им двоим.

— Это знак доверия.

Он кивнул.

— Говоря кому-то свое имя, ты даришь ему крохотный кусочек себя. Это первый шаг к дружбе.

И в эту секунду Катери поняла, почему он так молчалив. Выходит, сейчас Рэн подарил ей кусочек себя. А если он действительно тот воин из прошлого, то он доверился ей и поверил, что она не будет издеваться над его заиканием.

— Так значит, мы преодолели барьер «двух слогов», да?

Уголок его губ приподнялся в самой умопомрачительной улыбке, которую ей доводилось видеть.

— Да, это так... — а потом, как будто осознав, что опять собирается ответить двусложно, изменил концовку, — Катери.

«Ч-ч-черт!..»

То, как Рэн произнес ее имя со своим акцентом, отозвалось дрожью во всем теле. Катери никогда особо не нравилось ее имя. Оно очень редкое, да

к тому же еще с одним огромным недостатком: никому не удавалось написать или произнести его без ошибок.

Но с его губ ее имя звучало подобно ласке.

Против собственной воли Катери почувствовала, что душой потянулась к нему Он такой милый, когда не изображает из себя упрямого осла.

Это наталкивало на одну мысль, так ли его губы хороши на вкус, как выглядят...

«Тери!»

Никогда раньше ей в голову не лезли подобные мысли. Она была слишком увлечена карьерой, чтобы беспокоиться о чем-то настолько банальном. Но сейчас она не могла побороть свои желания.

Безумно хотелось уткнуться лицом в изгиб его шеи и наслаждаться теплым мужским ароматом.

Облизав губы, Катери наклонилась к Рэну. И почти достигла желаемого, когда услышала какой-то звук около двери. Сначала она подумала, будто ей показалось.

Будто щелкнул замок.

Через секунду дверь разлетелась на куски, обрушив на них град обломков. Рэн прикрыл ее своим телом. По комнате пронеслись сильные порывы ветра. Настолько яростные, что у Катери перехватило дыхание, а волосы больно хлестнули по лицу. Если бы Рэн не удержал, то ее бы вынесло из комнаты. Как ему удалось выстоять при таком свирепом урагане, для Катери осталось загадкой.

Когда ветер стал еще яростнее, она встретила взглядом с Рэном. И ее сердце едва не остановилось.

Его черные глаза стали кроваво-красными.

ГЛАВА 7

Рэн собрался с силами, почувствовав, как стальные когти Кайтел разрывают тело. Демон-ветров жалил подобно укусам тысячи скорпионов. От мучительной боли на глаза навернулись слезы, пока Рэн изо всех сил пытался устоять на ногах. Если он падет, демон доберется до Катери. В ту же секунду они проиграют окончательно и бесповоротно. Она умрет, и все врата вмиг откроются.

«Им меня не одолеть... Больше никогда».

Злясь на себя, что сам поставил их в такое положение и оказался не в состоянии переместить Катери в запланированное убежище, Рэн стоял

неподвижно, несмотря на ужасную боль. Он мысленно устремился к центру своей сущности и призвал все имеющиеся силы. Но их не оказалось там, где он рассчитывал.

«Почему... Ну почему мои сверхспособности нас так подвели? Неужели на этот раз они не могли сработать как положено?»

С клокочущей в сердце яростью Рэн оскалил зубы, выставил руку и со всей дури швырнул огненный шар в грудь демона.

Кайтел с криком вылетел через дверь. Когда ветер перестал завывать, Рэн схватил Катери за руку и потянул за собой. Если они хотят выжить, им нужно продвигаться вглубь первого уровня. Он мог попытаться их переместить, но после последнего провала Рэн не решался рисковать. Да и сил прибавилось, а с ними двумя...

Лучше оказаться запертым здесь, чем попасть на второй уровень.

Но он не смог далеко уйти. Катери замотала головой и уперлась ногами в пол, не желая ступить и шагу.

— Кто ты?

— В этой обители я единственный на твоей стороне. Пошли, или они убьют тебя.

Рэн заметил сомнение, промелькнувшее в ее глазах, прежде чем она кивнула. Одолеваемый желанием убраться как можно дальше от своего бывшего союзника, Рэн подбежал к двери и распахнул ее.

Катери снова затормозила, увидев охваченное огнем помещение, которое им предстояло пройти.

Глянув на него как на безумца, она показала всем видом, что не собирается идти.

Рэн подавил вспышку раздражения. В отличие от него девушка не привыкла иметь дело с хитростями и ловушками демонов.

— Это иллюзия.

Судя по недоверчивому взгляду, она ему ни капли не поверила.

— Доверься мне.

— С какой стати?

Рэн понимал, что ее сомнение разумно. С таким прошлым он не заслуживал ничего кроме презрения и пренебрежения. И все же, его очень сильно задело ее отношение.

— Ты хочешь жить?

Его опалило доверие в ее глазах, какое ему не выказывала ни одна женщина.

— Да, хочу. Поэтому, пожалуйста, не ври мне. Не скажу, что у меня много оснований для жизни, но сегодня я точно не хочу умирать, —

прошептала она и, шагнув вперед, взяла его за руку.

Рэн потянул ее в огонь, молясь духам в надежде, что не ошибся насчет иллюзии. На кратчайший миг он подумал, что недооценил ситуацию. Но когда они пересекли комнату, Рэн узнал смрад преисподней и понял, что случилось.

Койот проломил первые ворота и затянул их сюда. Каким-то образом брат приоткрыл лазейку для Хи'хинуа и освободил Кайтел. Или хуже того, Койот сломил Чу Ко Ла Та, заставив его сделать это.

В любом случае, ворота для Хи'хинуа открыты, и в этом нет ничего хорошего.

Даже думать не хотелось, что могло подтолкнуть Чу к такому шагу.

Силой мысли Рэн захлопнул за ними дверь и запечатал ее, преграждая путь Кайтел. Ничтожная преграда, да и демон здесь не единственный враг.

«Наверняка тут повсюду развешены плакаты о моем розыске. С очень щедрым вознаграждением. Если демону удастся меня схватить и доставить Гризли, то он получит солидный куш».

Во всей Вселенной Дух Гризли не жаждал ничего больше, чем снова пленить Рэна.

Вот поэтому он столь же опасен для Катери, как и демоны.

«Возможно, стоит оставить ее одну».

Но Рэн все прекрасно понимал. Катери не протянет долго в первом уровне царства мертвых. Она не знает, как укрыться от врагов или как с ними сражаться. Хотя, как правило, демоны здесь не столь сильны. Многие из них всего лишь тени, слоняющиеся меж двух миров. Самая главная проблема, что они напрочь лишены верности. Двуликие и капризные в полном смысле слова, они могли как убить, так и помочь.

Если им реально повезет, то тени не обратят на них внимания.

Конечно, удача всегда была непостоянной стервой.

А сегодня походу она и вовсе от них отвернулась.

Внезапно слева от них взорвалась стена, обсыпая кусками гипсокартона. Но это было еще не самое паршивое...

Самое паршивое заключалось в том, что из дыры высыпала толпа демонов, жаждущая заполучить его сердце и ее жизнь в качестве бонуса.

Рэн отпустил руку Катери, намереваясь схлестнуться с противниками.

У Катери перехватило дыхание, когда в руках Рэна появилась дубина, которую она тысячи раз видела во снах. И он использовал ее с невероятным мастерством. Плоской частью отшвыривал назад врагов, а боковой резал существ на куски.

Израненные демоны вопили, падая навзничь. Многие отступили, но

другие упорно взбирались по телам погибших, чтобы добраться до Рэна.

Стремясь помочь ему, Катери оглянулась в поисках оружия. К сожалению, она не знала, как бороться и не имела супероружия. А попытка напасть на чудищ голыми руками попахивала глупостью. Лучше не мешать тому, кто знает, как сражаться с этими тварями, и охранять тыл, а еще убедиться, что Рэн случайно не ранит ее дубиной, чем сломя голову мчаться вперед, тем самым поставив их обоих под удар.

На самом деле, от зрелища, как Рэн орудует боевой дубиной, захватывало дух. Оружие словно стало продолжением его руки. Невероятная грация движений говорила о целой жизни боевой подготовки.

Пока он дрался, в голове замелькали новые видения.

— Почему ты дерешься со мной, Мака'Али? Я не твой истинный враг. Он гораздо ближе к дому. Мы с тобой могли бы стать союзниками и бороться вместе за тех, кто не в силах постоять за себя. Отпусти свой гнев и в кои-то веки сделай что-то хорошее.

Катери не знала старца, сражавшегося с Рэном, но что-то в нем казалось до боли знакомым...

Рэн не ответил, когда они вдвоем схлестнулись подобно истинным божествам, воюющим за господство.

— Это действительно то, чего ты хочешь? — попробовал старец снова. — Все, чего ты жаждешь?

Рэн смотрел на него с недовольным видом.

— Я хочу, чтобы ты наконец-то умер, старик! И сделал это молча!

— Это не твои слова. А Гризли. Он боится истины, поскольку знает, что она отправит его туда, где ему самое место. Отпусти свою ненависть и очисти тело от Гризли. Веришь ли ты в это или нет, но ты намного лучше, Мака'Али. Ты заслуживаешь счастья и чтобы тобой дорожили.

— Да пошел ты!

Рэн стал сражаться еще яростней.

Оба в пылу битвы. Потные и грязные. Такое чувство, будто они сражались несколько месяцев...

На протяж...

— Года и одного дня, — выдохнула Катери.

Рэн обернулся и, нахмурившись, глянул на нее.

— Что ты сказала?

— Пригнись! — закричала она, когда один демон подкрался к нему сзади.

Обернувшись, Рэн едва успел отразить удар дубиной. Лезвия впились в плоть, и демон с визгом взорвался. Ярko вспыхнуло пламя, пока не

ослепило их. Катери прикрыла ладонью лицо, защищая глаза.

Рэн повернулся и схватил ее, а потом попытался переместиться. Безрезультатно.

«Черт. Мне нужно вытащить ее отсюда».

Но его истощенных сил не хватит на них двоих.

«Что ж, сегодня хороший день для смерти. Если меня сегодня не станет, всем будет глубоко плевать».

В отличие же от меня, Катери очень важна».

Он обхватил ладонями ее лицо и взглянул в золотистые глаза.

— Подумай о своей бабушке. Позови ее и попроси отвести тебя домой.

Катери нахмурилась от столь странной просьбы.

— Я не понимаю.

Он вложил в ее руку что-то твердое, но, не дав рассмотреть, сжал ладонь в кулак.

— Просто сделай, как я сказал. Закрой глаза и подумай о ней.

Катери подчинилась. Одну секунду она чувствовала, как накаливается комната и языки пламени почти касаются кожи, сжигая дотла, а в следующую...

Она оказалась в доме Талона в Новом Орлеане.

«Что за?..»

Сбитая с толку, она обернулась кругом, рассматривая дом кухни. Оформленный в ярко-розовых и фиолетовых тонах, он так сильно контрастировала с откровенно мужественным обликом мужа Саншайн. Но Талон во всем потакал любимой. До такой степени, что все полотенца в доме были розовыми.

Саншайн сидела на кушетке с правой стороны, а на ее коленях дремал их недавно родившийся сыночек Деклан.

При внезапном появлении Катери Талон вскочил на ноги и шагнул к ней.

Катери накрыло волной облегчения, а потом она вспомнила, что Рэн ей что-то дал. Опустив глаза, она разжала кулак и увидела на ладони маленький белоснежный старый полевой шпат в форме слезы с перламутровым отливом.

Лунный камень. Ее бабушка носила такой в *degalodi nvwoti*, мешочке с лекарствами, который всегда держала у себя в кармане или на шнурке, обернутом вокруг шеи. Каждый раз, проснувшись, бабушка вытаскивала свои кристаллы и камни, которые хранила в прикроватной тумбочке и выбирала те, что по настоянию ее Духа-покровителя помогут ей на протяжении дня. Так, по крайней мере, она всегда говорила. После этого

бабушка шептала молитву над камнями и затягивая узелок *degalodi nvwoti*, готовая столкнуться с любыми трудностями, какие бы не сулил ей новый день. Каждое утро состав мешочка менялся, кроме священного лунного камня.

— Почему ты всегда носишь с собой лунный камень, *Eleesee*? — спросила Катери в один прекрасный день, когда бабушка достала его из *degalodi nvwoti*, держа в руках и словно молясь.

Бабушка посадила Катери к себе на колени и положила камешек ей на ладонку, чтобы внучка могла его рассмотреть. По сей день она помнила, как прекрасный молочно-прозрачный камень отливал голубым цветом в солнечных лучах.

— Это камень судьбы, который поможет тебе ясно узреть будущее и укажет к нему легкий путь. Вот поэтому он считается сильнейшим из камней-желаний. Прошепчи ему свои мечты, и он донесет их до небес к Великому Духу. Лунный камень может излечить и защитить всех, кто в этом нуждается. А еще он предвестник новых начинаний и удачи. Всегда носи его во время путешествий, Валеيلي. Эти камни — самый драгоценный дар от Бабушки Луны, которая проводит нас через цикл жизни и следит за нами, пока дремлет Дедушка Солнце. В темные времена, когда враги скрываются от нашего взора, желая нанести непоправимый вред, именно Луна приведет нас в безопасное место. Она позволит нам увидеть истину, с которой мы не желаем сталкиваться.

Катери сжала в руке лунный камень Рэна, и ее задушили слезы, когда она поняла, что именно он сделал для нее. В их культуре подарков никогда не ждут, даже на дни рождения, свадьбы или другие праздники. Если гость пришел на твое торжество, это уже показывает, насколько ты ценен, почитаем и необходим для других, раз они готовы потратить бесценное время своей жизни, чтобы отпраздновать с тобой важное событие.

Главное не в том, чтобы получить что-то, а в преподнесении подарка, особенно, когда он неожиданный и от самого сердца. Денежная стоимость вовсе не важна. Самые ценные дары — те, что несли в себе личную или духовную значимость для дарителя.

А Рэн отослал ее со своей защитой и камнем судьбы... Самым священным сокровищем, которое он носил с собой. Рэн знал, что остался сражаться за нее, оставшись без всякой духовной защиты.

Никто и никогда не давал ей ничего более ценного.

— Тери? — Саншайн обеспокоено свела красивые брови. — С тобой все в порядке?

Комок в горле мешал Катери ответить, пока она сжимала в руке самый

драгоценный дар Рэна. Одинокaя слеза скатилась по щеке.

В эту секунду Катери почувствовала, как кто-то схватил ее сзади.

Талон бросился к ней.

Но было слишком поздно. Не важно, что схватило ее, но оно утянуло Катери из дома кухни обратно во тьму.

— Бабушка! — позвала Катери, пытаясь следовать указаниям Рэна. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться на образе бабушки, но попытка не увенчалась успехом. Бабушка не могла оградить ее от происходящего.

Вместо этого ее мысли вернулись к высокому великолепному мужчине, который раз за разом убивал ее во сне.

У Рэна трещала голова от боли. Настолько сильно, что он даже не мог изменить форму и улететь. Он исчерпал все силы, отправив женщину к Талону. Мало того, его силы Темного охотника навевали на него сонливость. Каждый раз, когда Охотника ранили, его клонило ко сну, во время которого греческие боги сновидений могли помочь исцелиться. Но если он в таком состоянии продолжит драться...

Его убьют ради крови, которую он люто ненавидел.

Рэна одолевала боль и усталость. А демонов становилось все больше и больше.

«Просто ляг и позволь одержать над тобой верх.

Правда, у меня нет причин продолжать сопротивляться. Я с лихвой искупил перед людьми свою вину за совершенные злодеяния. И прожил достаточно долго, чтобы выполнить условия сделки с Артемидой.

Настало время для следующего приключения.

Если умрешь без души, то проведешь вечность в мучительных страданиях».

Рэн рассмеялся от этой мысли.

«И чем это будет отличаться от привычной жизни? Проклятье, я даже не замечу разницы».

Перед ним возник Кайтел. Глаза демона пылали флуоресцентным фиолетовым цветом.

— С тебя причитается кровавый должок.

Рэн усмехнулся.

— Я ни черта тебе не должен.

Демон оскалился, прежде чем рванул порвать горло. Рэн поймал его и раскрутил. Но вместо того, чтобы отлететь прочь, Кайтел обнял его как

брата и глубоко вонзил когти в травмированное плечо.

— Вспомни о своих долгах, — прошипел Кайтел ему на ухо.

От его слов у Рэна помутнело в глазах, так как демон вернул его в далекое прошлое. Во времена, когда он повелевал здесь как владыка Гризли.

Когда ему принадлежало все...

Тогда, единственный раз за всю жизнь, он не испытывал боли. Стыда. Он шествовал по этой обители королем. Никто не мог прикоснуться к нему.

«Ты снова мой».

Смех Грили эхом разлетелся в голове Рэна.

«Нет!»

Рэн изо всех сил пытался ухватиться за последние крохи собственной человечности. Но это оказалось невозможным. Можно было до посинения отрицать правду, но, тем не менее, в глубине сердца Рэн всегда знал истину.

Ему хотелось чувствовать себя своим. С кем-либо. Хоть однажды. Вот только он никому и никогда не был нужен. Зло единственное приветствовало его в своем лоне.

Только он знал, что это не имеет никакого отношения к единству и принадлежности. Все это оказалось ложью. Демоны радовались его присутствию не больше, чем его семья и мир в целом. Единственная причина, почему Гризли создал видимость, будто ему здесь рады, была возможность воспользоваться телом Рэна и добраться до своих врагов.

А что касается Ветра-провидицы...

Получив свободу, она в ту же секунду бросила его. Правя в этой сфере, Рэн был столь же одинок, как и в мире людей.

Ничего не изменилось. Он был ничтожным предметом одноразового пользования.

И сейчас он бесполезное ничтожество.

Закрыв глаза, Рэн стал ждать, когда демон покончит с ним.

— Отпусти. Его. Немедленно!

Рэн не сразу понял, кто говорит столь сердитым тоном. И даже узнав, кто это, не мог поверить собственным глазам, увидев Катери позади демона.

Тем не менее, Кайтел пришел в себя первым и расхохотался.

Рэн воспользовался моментом и напал на демона. Хреново, что это не убьет его. Но удар в сонную артерию ослабит врага. Кайтелу придется останавливать кровотечение и восполнять потерянную кровь, иначе он будет ослаблен во время сражения. А такой ошибки не могло позволить себе ни одно существо в этом царстве.

Глаза Кайтел пылали ярко-оранжевым цветом, напрочь стирая их привычный фиолетовый оттенок.

— Это еще не конец.

Рэн насмешливо ухмыльнулся ему.

— Пока, да.

Стоило демону исчезнуть, как Рэн развернулся и схватил Катери за руку.

— Что ты здесь делаешь? Я отослал тебя отсюда.

Рэн выругался. Кайтел оказался сильнее, чем прежде. Намного сильнее. Не подоспей Катери вовремя, вероятно, он бы умер. А теперь из-за раны на плече он ослаб еще больше, чем прежде.

А это значит, Катери в огромной опасности. Если кто-то нападет на нее, он долго не протянет. А если враг придет за ним, то у него не получится помешать пленить Икскиб.

«Твою мать!..»

— Тебе не следовало сюда возвращаться.

Катери ему не ответила. Все ее внимание приковала его одежда, обильно залитая кровью. Его руки были изранены, а рукава порезаны. Левое плечо выглядело так, будто его кто-то хотел раскромсать.

— Ты ранен.

— Я буду жить. — Склонив голову, Рэн окинул взглядом существ, толпящихся за ее спиной. — Нам нужно идти.

— И куда отправимся?

Рэн поднял свою дубину и закинул ее на плечо.

— Желательно туда, где их нет.

— Не могу не согласиться.

Катери пошла за ним из комнаты по длинному коридору. На пути стояло много демонических существ, но они не нападали. Они оставались в тени, следя за ними с жутким вниманием, и от этого становилось не по себе.

— Где мы?

Рэн крутанул дубину на плече, прежде чем ответил.

— Где нам обоим не следует находиться... первый уровень Западных Земель.

Катери нахмурилась, услышав название.

— Отчего термин мне кажется таким знакомым?

— В этом месте наши предки заточили худшее зло в мире, чтобы не позволить ему отравлять человечество.

«Ах, да...»

У Катери округлились глаза, когда она вспомнила рассказы бабушки о Страже, избранном охранять человечество. Великодушный и добрый, он стремился защитить первых людей, изгнав и отведя от них все угрозы. К сожалению, людей обвели вокруг пальца, как Пандору в греческой мифологии, подтолкнув открыть дверь и выпустить зло, желавшее разрушить человеческую гармонию жизни без боли и страданий.

«Это просто легенда».

Эта мысль испарилась, когда один из демонов обернулся, злобно зашипев на них. Огромный, зеленый, вонючий и такой же реальный, как она.

Здесь явно не игра воображения, и даже речи быть не может о розыгрышах. Как бы ей ни хотелось признавать это, но правду отрицать бессмысленно. Все вокруг реально.

Оскалив клыки, Рэн махнул дубиной в сторону твари, намекая, что произойдет в случае нападения. Уродец в страхе отшатнулся. Рэн подтолкнул Катери перед собой и быстро вывел из помещения, подальше от злобных существ.

Слишком благодарная, чтобы спорить или начинать с ходу расспрашивать его о клыках, Катери свернула за угол и замерла как вкопанная перед тройной развилкой коридоров. Она доверила выбор Рэну, поскольку не знала, куда они направляются.

Он свернул налево, размашисто шагая с грацией хищника.

Катери практически бежала, чтобы не отставать от него. Один его шаг равнялся ее двум с половиной.

— Как мы вообще сюда попали?

Рэн поморщился от вопроса, на который совсем не желал отвечать. Он ненавидел ставить себя в глупое положение или становиться объектом насмешек. Однако, по-видимому, его единственная цель в жизни — служить образцом несовершенства и некомпетентности.

«Спасибо, судьба. Безумно благодарен за такую честь».

Не желая трусливо скрывать правду, Рэн ответил:

— Я пытался переместить нас к Сину, но каким-то образом затащил сюда. Я в курсе, что это глупейшая ошибка, лады? Я делаю все возможное, чтобы поскорей исправить свою оплошность.

— Эй. — Катери заставила его остановиться. — Все в порядке. Ты пытался мне помочь. Я не собираюсь жаловаться, когда ты рисковал жизнью, спасая меня, мало того, сейчас истекаешь кровью. За кого ты меня принимаешь? И, кстати, спасибо. За все.

Она поднялась на цыпочки и запечатлела на его щеке быстрый

целомудренный поцелуй.

У Рэна отняло дар речи. В голове эхом звучали ее слова, а кожа горела от прикосновения мягких губ. Ему до боли хотелось тесней прижаться к ней и насладиться сладостью рта.

Честно говоря, своим поведением Катери сбила его с толку. Никто и никогда не применял к нему презумпцию невинности. Его всегда заставляли платить за ошибки и очень дорого.

— Мне следовало подумать о такой возможности.

Катери фыркнула.

— А мне кажется, это тут совсем не при чем. Кроме того, мы были немного заняты, пытаюсь выбраться из смертельно опасной ситуации. Из всего произошедшего за последние несколько часов, это не так уж плохо. — Она махнула на его дубинку. — По крайней мере, мы вооружены и готовы к бою. Ну... во всяком случае, ты. Слава богу!

Великодушие ее души очаровало его. Рэн часто слышал рассказы, будто у людей добрые сердца, но так редко сталкивался с подобным, что ее добродушие застигло его врасплох. Большинство людей, с которыми ему довелось иметь дело, были корыстными и холодными.

Беспощадными.

Как его семья.

Покинув здание, Рэн замедлил шаг. В ту секунду, как они вышли за дверь, наложенный гламур развеялся и вместо казино «Иштар», куда, как он думал, их перенесло, строение обрело свою истинную форму. Старая, обветренная за века серая каменная постройка в городе, полном подобных зданий. Полуразрушенные дома выделялись на фоне темного, дышащего безнадежностью пейзажа. В этом месте не было ничего приятного или красивого.

Хуже всего то, что Рэну чертовски не хотелось возвращаться сюда и всколыхивать воспоминания, которые он предпочитал похоронить навеки. Первый Страж был прав. Он истязал сам себя сильнее, чем любой мучитель.

И эта мысль напомнила ему первую встречу с Ашероном, бессмертным лидером Темных охотников. Хотя внешне Ашерон казался юным — он умер в двадцать один год — он был одним из старейших и мудрейших существ, с которыми Рэн когда-либо встречался.

Прекрасные точеные черты лица, и лишь серебряные глаза выдавали в Ашероне истинно древнюю сущность.

— Жизнь несправедлива, Рэн. Она нелегка и определенно не для робкого десятка. У всех есть прошлое. Вещи, подобные удару промеж глаз.

Старые обиды. Грехи. Сожаления, которые мешают спать и не дают покоя, пока ты не начинаешь бояться за собственный рассудок. Предательства, от которых душа кричит так громко, что ты удивляешься, почему никто ее не слышит. В конце концов, все мы одиноки в личном аду. Но в жизни главное не научиться прощать обидчиков или забывать прошлое. Речь о том, чтобы простить себя за слабости и совершенные ошибки. Да, люди все время нас разочаровывают. Но самые горькие уроки мы получаем, когда сами подводим себя. Когда мы отдаем свою веру и сердце не в те руки, которые вводят нас в заблуждение. И хотя мы можем ненавидеть предателей, больше всего нас съедает ненависть к себе за то, что подпустили их так близко к себе. А из головы не уходят два вопроса. Как я мог быть столь глуп? Как я мог позволить им обмануть меня? Все мы проходим через это. Так называемое человеческое братство убогости и страданий.

Рэн встретился взглядом с юным атлантом.

— Скажи, Ашерон. Как нам снова обрести мир и покой, когда мы причинили много зла себе и другим?

— Если нам повезет, в один прекрасный день мы найдем единственного человека, который будет свято хранить наше доверие, оберегая ото всех нападков. Единственная душа, способная восстановить нашу веру в людскую порядочность и доброту, и пускай жизнь порой немилосердна, она все же остается самым удивительным в мире подарком. Пока же этот день не наступит, нам стоит не забывать, что «дом» — это не определенное место или человек. Это наше внутреннее чувство. То божественное прикосновение, которое зажигает огонь в наших сердцах, сжигая прошлое и боль, пока не оставляет ничего, кроме теплоты, позволяющей нам любить кого-то больше себя. Жар, который растет, когда мы делаем правильные вещи, хотя остальные стремятся нам навредить. И как бы банально это не звучало, миру известно, что одна жизнь затрагивает тысячи других, обучая всеобщему уважению. И хотя ты не столь значим для всего мира, но для любящего тебя сердца ты центр вселенной. Зная это, тебе никто не сможет причинить боль, если ты сам этого не позволишь. Единственная сила, которая у них есть, не взятая насильно или вытребованная. А та, что мы дали им осознанно сами. И в то же время важно, что мы ценим других так же, как и себя лично.

Даже притом, что ему хотелось верить Ашерону, Рэн ответил с насмешкой:

— Атлант, по твоим словам все так легко.

У Ашерона вырвался короткий горький смешок.

— Истина всегда проста, но путь к ней покрыт терном с кучей

ловушек. Наши страхи и эмоции затмевают даже самый яркий день и чистейшую правду. Слова ничего не стоят в отличие от действий. Ты не можешь посадить сад, не вскопав почву. И ничто новое не сможет прорасти, пока старое не погибнет. Похорони прошлое, Рэн, чтобы будущее зародилось неоскверненным. Нам не подвластно изменить уже совершенное, но мы можем повлиять на то, что собираемся сделать.

Последние слова намертво запечатлелись в сердце Рэна, и он пронес их сквозь века.

И сегодня он собирался, во что бы то ни стало, защитить рядом идущую женщину.

Катери бледнела все сильнее, рассматривая мрачные окрестности. Еще никогда ей не доводилось видеть более ужасающего места. Огромная желтоватая луна возвышалась над городом, напоминающим готические пейзажи из фильмов Тима Бертон. Эхо жалобных криков, молящих о пощаде, и звуки пыток сливались с диким смехом, будто кто-то или что-то наслаждалось болью мучеников.

От нехорошего предчувствия по спине Катери пробежал холодок.

— Это ад?

— Ближе к нему, чем хотелось бы.

Рэн остановился и осторожно потянул ее в затемненный переулок.

Не успела она открыть рот, как он прижал палец к ее губам. Тут Катери услышала звук чего-то ползущего по площади, где они находились мгновение назад. Выпучив глаза и затаив дыхание, она ждала, когда существо уберется подальше, и вокруг станет относительно тихо.

— Я должен вытащить тебя отсюда, — прошептал Рэн ей на ухо.

Катери была обеими руками «за».

— И тебя тоже.

Рэн перевел взгляд на свое раненое плечо.

— Меня поместили. Я не смогу уйти. Куда бы я ни отправился, они выследят меня и утащат обратно.

У Катери сердце кровью обливалось из-за печальной обреченности в его голосе. Казалось, Рэн смирился с тем, что ему придется здесь умереть. Только она во что бы то ни стало, помешает этому.

«Возможно, мне нечем похвастаться, но я преданная до безобразия».

— Неправильно бросать тебя на произвол судьбы.

— Я выживу.

— Ты постоянно повторяешь это. Но...

— Катери, я бессмертен, — произнес он, не дав ей договорить. — А ты — нет. Твоя главная задача — спасти мир, мой долг — спасти тебя. Я

должен вернуть тебя в мир людей, чтобы ты могла исполнить свою священную миссию. Все просто.

Катери покачала головой от столь нелепого заявления. В мире нет ничего простого. Еще в четыре года кубик-рубик показал ей, как высокомерно бахвальничать, легкой задачей.

«Да уж, урок отлично усвоен».

— Знаешь, Рэн, двенадцать часов назад я бы назвала тебя сумасшедшим, заговори ты о священной миссии и всем этом, — Катери махнула рукой на окружающие их мрачные пейзажи и полуразрушенные здания. — К счастью, сейчас я более восприимчива к происходящему. Не уверена, хорошо это или плохо, но... по крайней мере, я больше не буду тратить время на отрицание действительности. Я смирилась с тем фактом, что странности в моей жизни достигли эпически небывалых масштабов.

«В конце концов, что еще может случиться?»

Не считая смерти и расчленения. Только в обратном порядке.

Да, ладненько, возможно, не стоит злить фею неудач, учитывая, что злобная стерва уже охотится за нами. Но, черт возьми... Неужели мы не заслужили хотя бы небольшой отдых? И желательно не в могиле».

Неожиданно, один уголок его губ приподнялся, словно Рэна позабавил ее ответ.

— Мы должны убраться с улицы и найти безопасное укрытие, чтобы я мог восстановить силы и переместить тебя в мир людей.

— Хорошо. Но я до сих пор не поняла, что мне якобы нужно сделать и почему именно меня удостоили такой чести. С какого перепугу вся эта обязателька легла на плечи моей семьи? В чем мы провинились, раз заслужили такое проклятие?

— Это не проклятие. Твой предок был сильнейшим из богов.

Такого поворота Катери точно не ожидала.

— Ты о чем?

Рэн поморщился, словно разбереженная рана причиняла боль, а потом пошевелил израненным плечом. Он вывел Катери обратно на темную улицу. Прячась в тених, они направились, судя по положению луны, на восток.

— Еще до начала времен существовал бог, пришедший в этот мир из...

— Какой бог? — спросила Катери, прервав Рэна. Хотя ее люди верили в единственное божественное создание и прочих сверхъестественных существ, они не считали Великого Духа богом в традиционном смысле этого слова. Было крайне трудно объяснить свои убеждения тем, кто изначально относился к этому предвзято.

Кстати насчет богов...

Это вообще казалось бессмысленным.

— За неимением лучшего понятия, Ахау Кин считался богом преисподней и времени племени майя, — объяснил Рэн. — Именно поэтому его чаще всего изображали в центре их календарей.

Катери нахмурилась, вспомнив образ, который видела по всему Юкатану прошлым летом.

— Парень, похожий на ягуара или с его мордой?

Рэн кивнул.

Фернандо бы обрадовалась, узнай, что она запомнила. Но вспыхнувшее счастье мгновенно померкло в пучине скорби, стоило Катери вспомнить о смерти друга.

Откашлявшись, она стала ждать продолжения рассказа Рэна.

А он молчал. Казалось, Рэн заблудился в собственных мыслях или воспоминаниях.

Через несколько минут Катери подтолкнуть его в нужном направлении.

— Так на чем ты остановился?

Рэн стиснул зубы, вернувшись к воспоминаниям о молодости, которую люто ненавидел всем своим существом.

Даже сейчас, он ясно видел себя, крадущегося через залитый солнцем летний лес у дома. Он гнался за антилопой, на которую охотился. Неуловимый зверь привел его к поляне, где в пруду у подножия грохочущего водопада купалась женщина.

Никогда еще он не видел девицы краше. Длинные черные волосы шелковой вуалью окутывали соблазнительную, совершенную фигуру. Глядя на темно-смуглую, безупречную кожу Рэн изнывал от желания попробовать ее на вкус. И даже зная, что вторгается в частную жизнь, не мог отвести от нее взора.

Обнаженная она плыла на спине с закрытыми безмятежно глазами, а из-под воды выглядывала грудь. Руки плавно двигались в завораживающем танце в такт с нежной мелодией, которую она напевала.

Позабыв о добыче, Рэн как можно тише приблизился к водоему.

Внезапно, будто почувствовала его присутствие, красавица распахнула глаза и окинула Рэна суровым взглядом. Сощурившись, она поднялась из воды, демонстрируя свое обнаженное тело, и пошла в направлении берега, где безмолвно стоял Рэн.

Рэн покраснел, умирая от смущения и неловкости, что шпионил за ней. Отвернувшись, он крепко сжал лук и побежал.

— Погоди!

От ее неожиданного приказа Рэн буквально застыл на месте. Замер, прежде чем осознал это. Он слышал, как за спиной красавица вышла из воды и направилась к нему.

Несколько секунд спустя на плечи Рэна легли ее руки, а ладонь стала поглаживать его косу. Когда она пальцами очертила линию его подбородка, тело опалило жаром. С резким вздохом незнакомка стала водить шаловливыми пальчиками по бицепсам.

— Ну, разве ты не красавчик? А знаешь, если ты собрался подглядывать за женщиной, принимающей ванну, то, по меньшей мере, тебе стоит первым ее поцеловать.

Рэн стоял будто громом пораженный и не знал, как на это реагировать. Он не привык, чтобы женщина заигрывала с ним. Все девушки в городе знали, кто он, и либо обходили его стороной, либо издевались.

Ни одна из них никогда не пыталась его соблазнить.

Облизав губы, незнакомка зарылась рукой в волосы Рэна и притянула его голову для поцелуя.

У него помутился рассудок стоило языку красавицы слиться с его...

Рэн ослеп от удовольствия.

Ветер-провидица отступила со сладострастной улыбкой. А потом взяла его руку и опустила ладонь на свою грудь, дразня затвердевшими сосками.

— Ты ведешь себя так, будто никогда раньше не видел обнаженную женщину.

Рэна восхитила мягкость ее кожи. Она сильно отличалась от его собственной. Такая нежная, ароматная.

Аппетитная.

Рэн уже давно вышел из того возраста, когда большинство мужчин лишались девственности... Еще одна позорная истина, сделавшая его объектом постоянных насмешек и жестоких нападок, почему ни одна женщина им не интересовалась. Никогда. До этой секунды он даже ни с кем не целовался.

Ветер-провидица прикусила его подбородок.

— Ты не собираешься со мной разговаривать?

Рэн не решался. Ему меньше всего хотелось заикаться перед ней, дав повод над ним насмеяться. Пусть лучше считает его глупцом, нежели отвернется от него, как все остальные.

Поэтому Рэн поцеловал ее, лаская пальцами сморщенный сосок. Через несколько минут он лишился девственности и воли. С того дня он

превратился в конченого простофилю, которого интересовала только Ветер-провидица.

Она просила. А он давал.

Рэн пошел бы на все, лишь бы удержать ее.

Даже на убийство родного отца...

Вздвогнув от нахлынувших воспоминаний, Рэн пожелал всем сердцем вернуться в прошлое и все изменить. Но это невозможно. Ветер-провидица, используя свое тело, завладела им, и он с радостью стал ее самым преданным рабом.

«Как можно так испоганить собственную жизнь? Один неверный шаг. Или решение...

И вот оно, вечное сожаление».

А все ради кровавой жертвы, в которой так нуждались Ветер и Гризли. Не такого ничтожества, как он, а чистокровного...

Его отца.

«Будьте вы все прокляты».

Но не это ранило в самое сердце. Не их он ненавидел.

«Будь я проклят за все совершенное».

Самое печальное, что он сам себя проклял.

Со вздохом Рэн аккуратно опустил дубину, стараясь не задеть вулканическим стеклом ногу и, отбросив прошлое, вернулся к настоящему. Катери нужно разобраться во всем происходящем.

— Ахау Кин — прародитель Ани-Кутани.

Катери нахмурилась.

— Ты имеешь в виду легендарных огненных жрецов чероки, тех самых, которые много возомнили о себе, стали продажными и творили сексуальные бесчинства? И как же он мог быть их прародителем? Ведь Ахау — божество.

Рэн кивнул.

— Майя — наши предки. Корни у нас единые, но много веков назад мы отделились от них. Пока майя строили свои города, Ани-Кутани — прямые потомки и народ, избранный Ахау Кин, — укрепляли позиции. По сути, они являлись привратниками, которым было поручено удерживать самое темное в мире зло, чтобы оно не вырвалось из адской обители их отца и не смогло навредить человечеству. В общей сложности существует одиннадцать врат, которые можно открыть и пройти. Четыре основных в настоящее время находятся в Америке, а остальные семь разбросаны по всему миру. Священным долгом Ани-Кутани на протяжении нескольких поколений было воспитывать величайших во всем мире воинов,

призванных сражаться со злом. Их никто не мог победить... До тех пор, пока за ними не пришло чудовище с белыми глазами.

Катери замедлила шаг, идя рядом с Рэном. Ее поглотил страх от осознания того, что все мифы оказались не абсурдными байками, призванными развлечь или напугать детишек. А с этой легендой Катери отлично знакома... бабушка в красках описала историю.

«Из далеких восточных морей пришло чудовище, обладающее огромной силой, и великое зло опустошило все на своем пути. От столь жестокого нападения Мать Земля истекла кровью, и ее сердцебиение стало таким слабым, что даже малыши перестали его слышать. И хотя нападение удалось отразить, легенда гласит, что однажды зло вернется и закончит начатое. Навсегда уничтожит мир».

Во всех древних мезоамериканских культурах упоминался белый бог, который желал уничтожить человечество. В пророчествах говорилось, что однажды он вернется, чтобы закончить начатое. Эти мифы уже не одно десятилетие бурно обсуждают ученые.

Рэн склонил голову.

— Чудовище звали Аполлими. Богиня из Атлантиды.

— Зачем богине Атлантиды уничтожать наш народ?

— Месть за совершенное против нее злодеяние.

— А что мы сделали?

— Ничего, просто мы охраняли врата на острове близ Атлантиды. В ее понимании наше бездействие — величайший из всех грехов. На самом деле, ее гнев был направлен не на нас, просто мы попали под перекрестный огонь. Богиню одолевала ярость к греческому богу Аполлону. Но еще сильнее она злилась на свою семью — весь атлантский пантеон.

Катери нахмурилась еще сильнее.

— Почему?

— У нее был сын, которого захотел убить ее муж. Защищая ребенка, богиня спрятала его в человеческом мире, чтобы его воспитали как принца. Вместо этого над ним измывались, а потом его жестоко убил Аполлон. В отместку Аполлими прикончила всю свою семью и погрузила Атлантиду в морскую пучину. Но это не утихомирило ее ярости, и она поклялась уничтожить землю. Взбешенная Аполлими явилась сюда. Не из-за того, что мы ей как-то навредили, а из-за нашего бездействия по отношению к ее ребенку.

У Катери открылся рот от абсурдности ситуации. Если честно, она

ожидала от богини большего благоразумия.

— Но если они не знали...

— Катери, для нее это уже не имело значения. Поверь. Я хорошо понимаю ее ярость от потери, поэтому не держу на нее зла. Нет ничего хуже, чем наблюдать, как весь твой мир рушится, а ты не в силах помешать или остановить это. Во власти безграничных мук и горя смотреть на мир, которому глубоко наплевать на... это сводит с ума, и я благодарен богам за то, что ты не понимаешь и не можешь себе этого даже представить. Поскольку никто не должен испытывать этих адových мук. Когда ты изнываешь от боли, а душа диким криком молит о помощи, но никто ее не слышит. Никому нет до тебя дела. Все вокруг продолжают копошиться в своих вонючих жизнях, равнодушные к чужим страданиям. И в один прекрасный день ты понимаешь простую истину, как мало ты значишь для остальных, и тогда просто теряешь остатки рассудка и перестаешь здраво мыслить. Превращаешься в неистовое существо с единственным желанием: заставить их понять твою боль. Ты вырываешь их из мыльного пузыря слепой беспечности, чтобы они познали ад, с которым тебе приходится жить. В такие секунды хочется почувствовать их кровь на своих руках. Попробовать ее на вкус. Исккупаться, пока не опьянеешь, а кожа не сморщится. Такое безумие живет глубоко внутри каждого из нас. Большинство людей лишь раз или два за всю жизнь тянутся к нему, но все равно не окунаются в этот омут с головой.

Взгляд Рэна обжигал своей искренностью....

И безумием.

Он ужаснулся Катери. Ведь она даже не знала, кто Рэн на самом деле. Демон, бог или иное существо. Тем не менее, сейчас его одолевала ярость, но Катери не сделала ничего, чтобы вызвать такую реакцию.

— А другие похожи на животных, которые слишком часто подвергались насилию, — продолжил он. — Когда-то они пережили ужасные истязания, пострадав так сильно, что не знали ничего помимо жестокости. Охваченные яростью, которая вытесняет остатки человечности. Снедаемые единственным желанием — заставить мир заплатить за совершенные против них злодеяния. Я даже вообразить себе не могу, насколько сильную боль и жестокое предательство испытывала Аполлими, держа на руках бездыханное тело сына и видя, что с ним сотворили. Откровенно говоря, я даже не в силах понять любовь такого масштаба. Но я отлично сознаю необходимость возмездия, которое вынудило ее пересечь океан и напасть на наш народ.

Его взгляд потемнел, но гнев испарился.

У Катери сердце кровью обливалось от агонии, промелькнувшей в его обсидиановых глазах. Сейчас он обнажил перед ней душу. В данную секунду рядом с ней стоял не просто яростный бессмертный воин.

А мужчина с разбитым сердцем.

Катери хотела поддержать его и облегчить боль, но знала, что это не так просто. Лишь в детстве объятиями и поцелуями можно излечить все что угодно. Именно в этом самая грустная часть взросления. Самая серьезная потеря.

Некоторые шрамы слишком глубоки, поэтому полностью не затягивались. Даже если тебе удастся скрывать их большую часть времени, они иногда все равно давали о себе знать, обнажая так и не зажившую рану.

А у Рэна их слишком много.

Прежде чем вновь заговорить, Рэн переложил дубину в другую руку.

— Добравшись до берегов, Аполлими за несколько минут уничтожила родину китува^[36] и потопила их остров. Но благодаря исключительным талантам и технологиям многие бежали на материк в поисках убежища. — В его голосе звучала горечь.

— Что случилось дальше? — спросила Катери, зная, что все закончилось плохо.

— В течение нескольких недель, пока создавался новый город, на них напали семьдесят племен, обвинивших китува в ярости Аполлими. По крайней мере, так они утверждали. На самом же деле, их съедала зависть. Все остальные считали, будто племя китува более любимо небесами, но после нападения Аполлими оно ослабло, поэтому остальные узрели в ситуации редкую возможность напасть и расправиться с народом, прежде чем они восполнят потерю в своих рядах.

Такая подлость. Но как говорила бабушка, зависть — корень величайшего зла. Еще на заре человечества именно она становилась источником самых жестоких поступков.

Катери знала иную версию этой истории, поэтому решила уточнить одну часть.

— Моя бабушка рассказывала, что китува выстояли благодаря помощи Духов Воинов.

Рэн скривил губы.

— Духи Воинов тут не при чем.

— Тогда кто?

Рэн промолчал, так как они добрались до конца города. Окинув взглядом темный лес, он обдумывал, будет ли там безопасней, чем среди городского сброда разношерстных существ.

В Западных землях обитало огромное множество демонов, как в городе, так и за его пределами. Но в лесу Рэн чувствовал бы себя как дома.

В детстве он часами прятался между деревьями, воображая, будто ему никогда не придется возвращаться домой.

Вот только сейчас не время предаваться воспоминаниям.

С помощью дубинки Рэн прорубил тропинку через густую листву, чтобы они быстрее нашли убежище, где он сможет исцелиться и восстановить утраченные силы.

— Главный город китува на острове, уничтоженном Аполлими, находился прямо под Созвездием Плеяд. Благодаря этому семь богинь называли его домом и следили за течением повседневной жизни.

Рэн остановился и оглянулся на Катери, проверяя, все ли с ней в порядке и идет ли она за ним следом.

— Одна из Плеяд, Стеропа, влюбилась в сына вождя... Вероятно, она ударилась головой, раз смогла полюбить такого ублюдка, но что, черт возьми, я знаю о любви? — с горечью пробормотал он, а потом уже громче продолжил: — Многие годы Стеропа наблюдала за ним, мечтая о времени, когда они будут вместе. И когда племена начали нападать на народ возлюбленного, Стеропа узрела в этом шанс завоевать сердце мужчины.

— Не понимаю. Почему тогда она не помогла ему с Аполлими?

— Она не смогла. Именно греки разозлили Аполлими и стали ее главной целью. Если бы Стеропа появилась во время сражения, Аполлими просто отрубила бы ей голову и насадила на кол. Поэтому Стеропа не объявляла о своем присутствии, пока на его народ не напали семьдесят племен. Ведь в отличие от нападения Аполлими, рядом с ними больше не было никаких богов, сплотившихся дабы остановить жестокость. Стеропа знала, что все погибнут, если она не вмешается.

Катери поразили его глубокие познания. Рэн рассказывал историю, будто был ее свидетелем.

— Ты присутствовал при этом?

Он покачал головой.

— Это произошло до моего рождения.

— Откуда ты столько об этом знаешь?

— Я вырос рядом с людьми, пережившим эту трагедию. Собираясь вместе, старейшины рассказывали нам об этом, стремясь предупредить остальных остерегаться зла, по-прежнему жаждущего навредить нашему роду.

Катери потребовалось несколько секунд, чтобы переварить сказанное. Сам собой напрашивался вопрос.

— Сколько тебе лет?

У него вырвался горький смешок.

— По известному тебе календарю... больше одиннадцати тысяч.

Это стало для Катери полной неожиданностью.

«Ничего себе... да он стар... даже по всем стандартам геологии».

— Должна заметить, ты отлично выглядишь для столь древнего старика. В чем секрет? Искупался в фонтане вечной молодости Понсе де Леона^[37]?

Рэн посмотрел на нее с насмешливым блеском в глазах.

— Продал душу.

«Ладненько, если вспомнить красные глаза и клыки...

Что я здесь делаю?»

— Ты демон?

— Не по крови.

По спине пробежал холодок.

— О чем ты?

— Не обязательно рождаться с демоническим наследием. Мне довелось столкнуться с множеством людей, которые намного хуже чистокровных демонов.

Эти слова немного успокоили Катери.

«Он прав. Я и сама сталкивалась с такими моральными уродами».

Рэн остановился и развернулся к ней лицом. К полному изумлению Катери, он прижался ладонью к ее щеке.

— Не бойся меня, Катери. Какое-то время я действительно жил только одной мыслью — заставить весь мир трестись от страха в моем присутствии, но этот период давно миновал. Я не ради собственной выгоды продал душу, а чтобы исправить зло, совершенное против людей, которых должен был защищать до последнего вздоха.

— И тебе это удалось?

Рэн устало вздохнул.

— Это заняло много времени, но да. В конце концов, у меня все вышло.

Рэн убрал руку от ее лица, но когда захотел отойти, Катери его остановила. Он посмотрел на нее, вопросительно приподняв бровь.

Лунный свет отбрасывал тени на красивое лицо Рэна, и у Катери перехватило дух от этой картины. И причиной тому стала не его внешность, а уязвимость, которую она увидела в сердце мужчины, казавшегося непобедимым.

— Почему ты отдал мне свой лунный камень?

— Чтобы защитить тебя при перемещении.

Судя по интонации, этот поступок для него ничего не значил, но Катери знала правду.

Она посмотрела на его раненое плечо.

— Это ты сражался. Неужели оберег мне был нужен больше, чем тебе?

Он пожал плечами.

— Бабушка Луна никогда меня не вспоминала. Я понадеялся, что о тебе она позаботится лучше.

Тем не менее, для Катери его поступок имел огромное значение. Она бы вернула ему камень, но если его народ хоть немного схож с ее, это расценивается как оскорбление. Подарки всегда шли от сердца. Отвергнуть дар — значит выказать полное неуважение.

А этого мужчину слишком часто отвергали и мешали с грязью.

— Спасибо, Рэн.

Он кивнул и продолжил прорубать тропу через лес.

— Рэн? Могу ли я тебя кое о чем спросить?

Он остановился и оглянулся на Катери.

— Разве не этим ты занималась с нашей первой встречи?

— Да, но это личное.

— Еще более, чем расспросы о моем подарке или возрасте? Или о том, демон ли я? Я боюсь себе даже представить, о чем пойдет речь.

Катери улыбнулась на его колкость.

— Ладно. Что значит для тебя имя Мака'Али?

Рэн резко вдохнул, а рука, сжимающая дубинку, так задрожала, что он едва не упустил ее и не поранил себя.

— Где ты слышала это имя?

Катери помедлила с ответом. Это слишком личное. Признаться, что она многие годы видела его во снах, как-то жутковато. Можно ли это расценивать как форму преследования? Хотя это было ненамеренно. Тем более...

«Ох, да ладно, Тери. Это жутко. Как и он.

Мог ли Рэн обладать силами, чтобы вторгаться в сновидения? Он безумно стар... и владел сверхъестественными способностями, какие трудно вообразить. Вполне возможно, именно он навевал мне эти сны».

Надеясь на лучшее, Катери решила сказать правду.

— У меня были видения, но в них тебя всегда звали Мака'Али.

У Рэна перехватило дыхание от ее признания.

«Почему я снился Катери? Сны имеют великую силу. Они ключ ко всему творению.

Ко всей жизни.

Если мне снилась Катери, а я — ей, это означает, что мы связаны друг с другом.

Тесно.

Может, Катери — инструмент, который сейчас использует Гризли, чтобы уничтожить меня? Тогда все обретает смысл. Это объясняет, откуда она знает мое имя, и почему меня о ней предупредили.

Что бы ни случилось, мне нельзя расслабляться и волноваться за нее. Катери предначертано стать моей убийцей».

— И в этих видениях... чем занимался Мака'Али?

Катери не дрогнула и не замешкалась с ответом:

— Как правило, убивал меня.

— Не бойся, *ta'hu'la*. Я никогда не причиню тебе вреда. Это запрещено.

— И кем же?

— Той, кто владеет мной. Меня вернули к жизни защищать, а не уничтожать людей. Пока ты со мной, я отдам за тебя жизнь. А что касается Мака'Али, он давным-давно умер.

Казалось, это успокоило ее.

— Итак, что означает «*ta'hu'la*»?

— Кроха.

Катери почувствовала, как лицо опалило жаром. Она не из тех, кто привык слышать ласковые прозвища. Тем более от мужчин с внешностью Рэна. Даже ассистент чуть моложе самой Катери не называл ее по имени.

Желая скрыть смущение, Катери вернулась к прежней теме разговора:

— Я прервала тебя. Ты рассказывал о Плеядах. Я так поняла, Меропа собрала войско?

— Стеропа, — исправил Рэн. — А Меропа — ее сестра, которая вышла замуж за Сизифа.

— И люди еще удивлялись, почему у меня в колледже была тройка по античной литературе. Кто может запомнить все эти имена?

— Многие утверждают, будто греческие имена намного легче запомнить, чем имена коренных жителей Америки.

— Ага, конечно, уверена, эти люди выросли не на нашей письменности... впрочем, она наверняка отличается от твоей?

— Да. Наша имела схожие черты с языком майя. В ее основе лежали символы.

От его слов у Катери голова шла кругом.

— Подожди... присланный мне камень. — Которому более

четырнадцать тысяч лет. — Странные письма, немного напоминающие древнегреческие.

— Это не греческий. И не майя. Китува. Но ты забегаешь вперед истории.

— Прости. Вернемся к греческой фигне. Как я понимаю, эта... Опа... женщина, собрала войска, чтобы помочь китува справиться с нападением.

Рэн вытер пот со лба рукой.

— Но сначала заключила сделку с сыном вождя.

«О-о-о, неплохо».

— Какую именно?

— Она спасет его народ, если он проведет с ней неделю после выигранного сражения.

— Маленькая озабоченная блошка, да?

Рэн зыркнул на нее с такой злобой, что Катери отшатнулась.

— Она любила его.

Ладно, это задело его за живое. Катери хотела еще расспросить о Стеропе, но поняла, что это будет не самое мудрое решение. Лучше не доставать страшного бессмертного мужчину деликатной темой, особенно когда он орудовал боевой дубиной, окропленной демонической кровью.

Катери откашлялась.

— Значит, она предложила, а он согласился?

Рэн вернулся к вырубанию тропки, и от этого стало легче на душе.

«Да, грохни эти кусты. Им плевать, живы они или мертвы.

А меня моя жизнь очень волнует».

— После того, как они пришли к согласию, — продолжил Рэн, — Стеропа убедила сестер помочь спасти народ кутива. Связанные семейными узами и любовью они поддерживали сестру. Семь богинь спустились на землю и выбрали среди китува семь самых сильных воинов-жрецов для противостояния врагу. Они в одиночку сразились против семидесяти племен и разделили их, чтобы те никогда больше не смогли сплотиться и напасть на китува. После окончания сражения Стеропа потребовала уплату долга, не зная, что сын вождя уже был женат на женщине, которую сильно любил.

Катери посмотрела на Рэна в изумлении.

— Seriously?

— Даже очень.

— Паразит. Как он мог так поступить?

Рэн пожал плечами.

— В его понимании это была жертва ради его народа. Всего лишь одна

неделя рабства казалась ничтожной ценой за жизнь целого племени.

«Если смотреть на ситуацию с этой стороны, в его поступке был смысл. Но тем не менее...

Какой же двуличный ублюдок».

— К твоему сведению, я бы прибила мужа, если бы он так со мной поступил.

— Поверь, его жена не была счастлива. Тем более за ту неделю Стеропа забеременела.

«Ой!»

Катери съежилась от ужаса. Она чувствовала, в этой истории не будет счастливого конца.

— Вряд ли Стеропа этому обрадовалась.

— На самом деле, говорят, она пришла в неописуемый восторг. Но поскольку отцом малыша оказался смертный, то от богини отвернулся весь пантеон. Зевса обуяла ревность, ведь Стеропа была матерью его двоих детей, поэтому он приказал убить полукровку. Олимпиец не желал терпеть унижения из-за того, что мать его детей предпочла прикосновения какого-то смертного.

Катери поежилась, встревоженная судьбой женщины и ребенка.

— Это так жестоко. Она убила свое дитя?

— Нет. — Рэн вел ее все глубже в лес. — Стеропа пошла к Артемиде.

— Зачем?

— Когда-то она была самой надежной служанкой Артемиды и хранительницей множества ее тайн. Чтобы оплатить долг, Артемиде спасла ребенка и обманула Зевса. Они обе поклялись, что малыш родился мертвым. Зевс не был доволен, но не стал вредить дочери. Сорвавшись с крючка и сняв с себя подозрения, Артемиде отнесла младенца отцу, который из-за этого пришел в ярость. Он не желал видеть напоминание об измене жене, у которой в тот момент начались схватки, и она пыталась родить их собственного ребенка. Не говоря уже о том, что он не желал полукровку, неугодного даже родной матери.

Катери вздрогнула от сочувствия. Бедный малыш, но в словах был смысл. Если китува столь же матриархальное сообщество, как и ее народ, то отказ матери от ребенка расценивался как признание ребенка неполноценным и ущербным. Недостойным.

В ее племени сразу после рождения младенца показывали бабушке, чтобы она осмотрела дитя и дала ему имя. Если бабушки не было в живых, то обязанность перекладывалась на плечи матери.

А если ребенка отвергли...

— Удивительно, что мальчика не убили.

Рэн фыркнул.

— Мне рассказывали, отец пытался, но не смог.

От этих слов Катери стало легче на душе.

— Мужчина так сильно полюбил ребенка и не смог навредить ему?

— Едва ли. — Рэн снова стал прорубать тропинку. Только размах ужесточился и стал резким. — В первый раз он намеренно оставил сына умирать в лесу, но пожилая женщина нашла младенца и принесли обратно в город, не зная, что ребенка специально бросили. Узнав об этом, Артемида покарала его, отняв жену.

Катери поморщилась от такого поворота событий.

«Все так ужасно. Но еще хуже...»

— Ты сказал «в первый раз», значит, была еще одна попытка?

Рэн кивнул.

— Во второй раз малыша нашла и выходила демон-ворон. Когда ребенку исполнился год, демонесса вернула сына отцу, предупредив на прощание, что если он не воспитает дитя, как настоящего мужчину, то она вернется и убьет его горячо любимого сына, заставив жить с болью и осознанием, что он сам повинен в смерти любимой жены и бесценного отпрыска.

В каком-то извращенном смысле это казалось даже трогательным.

— Почему демонесса позаботилась о малыше?

Рэн тяжело вздохнул.

— Честно? Не очень-то она переживала. Просто у нее не было выбора.

— Почему? И где вообще была мать ребенка все это время? Почему Стеропа не наказала мужчину за жестокость?

Рэн медлил с ответом, пытаясь подавить всколыхнувшуюся в груди горечь.

— За проступок перед Зевсом Стеропу изгнали обратно к звездам. Дабы убедиться, что та больше никогда не опозорит Олимпийца любовью к смертному, Зевс превратил ее в комету, которой суждено раз в семьдесят пять лет пролетать над Землей. Это гарантировало, что она никогда не увидит своего сына. Мальчик к тому времени, вероятно, был бы уже мертв. Но, прежде чем наказание вступило в силу, Стеропа заставила Артемиду пообещать, что богиня позаботится о ее ребенке и не допустит его смерти, пока он не станет настоящим мужчиной и не сможет позаботиться о себе сам. Артемида поклялась, но слишком боялась Зевса, чтобы опекать ребенка самой, поэтому послала демонессу защитить мальчика и не позволить отцу убить дитя.

— Бедный малыш. Демонесса осталась рядом с ним?

— Нет. Она находилась рядом, пока малыш не окреп и не перестал нуждаться в материнском молоке. После этого, пригрозив его отцу, который ненавидел сына, демонесса оставила ребенка и ушла. Мальчик плакал от горя за единственной матерью, которую знал, но демонесса так и не вернулась. Он больше никогда ее не видел.

Катери в ужасе покачала головой.

— Как она могла бросить ребенка с папашей, который его на дух не переносил?

Та небрежность, с какой Рэн пожал плечами, просто не укладывалось у Катери в голове.

— Через некоторое время мальчик свыкся с отцовской ненавистью. Это чувство оказалось взаимным. На самом деле, большую часть дней он ненавидел отца сильнее.

— Ох, но это так ужасно. Расти и знать... ты хоть представляешь, каково это?

У Катери на глазах навернулись слезы. У нее душа болела из-за невинного ребенка, на долю которого выпала такая кошмарная участь. Ее захлестнули эмоции. Гнев, жалость, горе.

Негодование за ребенка могло сравниться лишь с самым мощным цунами. Ей дико хотелось наказать всех, повинных в его страданиях.

«Как люди могли быть настолько эгоистичны и жестоки?»

Рэн оглянулся и посмотрел на нее, озадаченно нахмурившись.

— Почему ты плачешь?

Катери, пытаясь успокоиться, смахнула слезы с глаз и щек.

— Прости. Ничего не могу с этим поделать. Я такая сентиментальная. Знаю. Просто мне тяжело смириться с мыслью, что маленький мальчик пережил что-то столь страшное. В одиночку. Это так несправедливо. Пожалуйста, скажи, что когда он вырос, стал правителем, счастливым, или с ним произошло что-то очень хорошее.

Рэн молчал, и Катери охватило дурное предчувствие.

— Мужчине ведь не удалось убить сына?

— Нет. Он выжил.

Катери ждала, что он продолжит рассказ, но Рэн молчал, и она взяла его за руку.

— Давай, Рэн. Закончи рассказ. Ты не можешь оставить меня в неведении. Что случилось с ребенком? Он дожил до старости? Стал отцом кучи детишек и одарил их тем, чего никогда не знал сам? Пожалуйста, скажи мне, что после всех перенесенных страданий он все же нашел того,

кто полюбил его и отнесся к нему как к равному. — Катери понимала, что сорвалась на лепет, но не могла сдержаться. Она отчаянно желало узнать судьбу ребенка. — Ну? Что с ним случилось?

Катери не могла понять почему Рэн так внимательно вглядывается ей в лицо. А потом заговорил тихо и с недоверием:

— Нет. Когда он был в самом расцвете сил, его брат обманул Духа Мщения и тот убил паренька. После этого сын Стеропы продал душу, чтобы вернуться и исправить несправедливость, совершенную против его единственного друга.

До Катери лишь через минуту дошел смысл его слов. Кусочки пазла сложились в единую картину, из которой следовал лишь один вывод:

— Ты — тот ребенок.

ГЛАВА 8

Тысяча эмоций захлестнула Катери, когда она посмотрела на Рэна, осознав истину, которая выжигала сердце как адово пламя. Он и есть тот нежеланный всеми ребенок. Малыш, которому запретили видаться с единственной, кому он был нужен.

Его матерью.

Катери по собственному опыту знала, насколько тяжело без матери. Сколько раз в жизни она скорбела об этой утрате. Каждый раз, когда она видела мать с ребенком, любого возраста, как они обнимались или просто смеялись...

Или когда она поступила в колледж и переехала в общежитие, где наблюдала за своими одноклассниками с семьями. На прощание их матери со слезами на глазах желали им удачной учебы. Ситуация повторялась на вручениях дипломов, выпускных, днях рождения...

Опять же, семейные торжества.

И это чертова сентиментальная реклама...

Все это всегда глубоко ранило, словно вбивало гвоздь в крышку гроба, жестоко напоминая о том, чего она лишена. Чего ей самой больше всего не хватало. Самая тесная в мире связь между матерью и ребенком. Нет большей любви и готовности пожертвовать собой. Именно такую любовь Рэн сказал, что не в силах постичь, когда рассказывал, как Аполлими была готова разрушить мир из-за смерти своего сына. Для настоящей матери ее ребенок настолько важен.

Он для нее центр Вселенной.

Нет большей печали, когда ты лишен такой связи. Тогда остается глубокая рана в сердце и бесконечная тоска, поскольку ты знаешь — у других она есть. Мало того, ты видишь эту связь. Повсюду. И тебя постоянно мучает вопрос: почему ты лишен той, кто любил бы тебя столь сильно?

Почему другим настолько повезло? И за что ты так проклят?

В случае Катери, пусть не долго, но она была рядом с матерью. У нее остались воспоминания, как мамочка держала ее за руку, вытирала слезы, пела колыбельные, растирала грудь мазью, стоило Катери заболеть, и укачивала, когда ей было плохо. Поцелуи и объятия, подаренные без причин или условий. И то, когда она сжимала руку матери, чувствуя себя в безопасности и покое в мире, который редко проявлял доброту к невинным.

Больше всего она чувствовала себя безмерно любимой, когда мама смотрела на нее.

Именно поэтому Катери ненавидела День матери со страстью, кипящей как тысяча солнц. На протяжении многих недель, куда бы она ни глянула, везде видела горькое напоминание, что у нее больше нет матери, которой нужно купить подарок. Не забыть сказать: «Мамочка, спасибо, что ты рядом». Хотя это замечательная идея для всех счастливиц, чьи матери рядом и одаривают детей своей любовью. Вот только это жестокий удар для тех, кто потерял своих матерей. Катери могла лишь представить, насколько хуже было Рэну, который вовсе не знал настоящей материнской ласки. Каково это знать, что на этой земле есть кто-то, готовый без оговорок и колебания убить или умереть за тебя.

Катери отлично понимала, насколько ей повезло. У нее было две любящие и заботливые матери. Две женщины, которые холили и лелеяли ее как самое дорогое в мире сокровище.

Ее мамочка и бабуля. И хотя они покинули этот мир, их любовь жила с ней и по сей день, давая силу и упорство. И все же она не одна. У нее еще есть тетя Старла, которая постоянно звонит и узнает как она. Заставляет смеяться даже в самый мрачный день. И пускай Старла ей не кровная родственница, а жена дяди, она всегда относилась к Катери как ко второй дочери.

А у Рэна никого не было.

Никогда.

Смаргивая слезы, которые могли вылиться в глобальную истерику из-за реальной трагедии его жизни, Катери прошептала:

— Мне безумно жаль.

Странно, но Рэн смотрел на нее озадаченно. Такое чувство, будто он

никогда не сталкивался с состраданием и сочувствием от кого-либо, поэтому не мог понять, как кто-то может переживать за него.

— За что?

— За что? — недоверчиво повторила она. — Потому что ни у одного ребенка не должно быть такого детства, как у тебя. Нельзя бросать ребенка с людьми, которых угрозами нужно заставлять поступить правильно с собственной кровиночкой. За то, что ты не смог встретиться со своей матерью и эта глупая демоническая сучка бросила тебя с конченной скотиной. Именно за это мне безмерно жаль. Но еще больше всего меня убивает тот факт, что ты считаешь меня чокнутой из-за моей заботы о тебе. Особенно то, как ты потрясен и растерян из-за того, что кто-то может на самом деле об этом волноваться и возмущаться, как с тобой поступили в детстве.

Катери потянулась, чтобы прикоснуться к нему, но Рэн отступил.

«И кто его может за это винить? Ему не ведомо, как с кем-либо сблизится. Его убил родной брат».

Катери поморщилась от настолько суровой реальности, что уму непостижимо, как он не лишился рассудка. С другой стороны, возможно, это и так. Сейчас она сомневалась в собственной вменяемости. Ведь мир отвесил ей столь сильный пендель, что оставил неизгладимые шрамы в сердце.

Том самом сердце, которое так отчаянно хотело утешить его.

— Кто-нибудь когда-нибудь прикасался к тебе?

Рэн нахмурился.

— Ты о чем?

Даже этого он не мог понять. Конечно, никто никогда не обнимал его.

Не прижимал к груди как самое дорогое сокровище.

— Прости меня, Рэн. Я знаю, что сую нос не свое дело. Я лишь пытаюсь представить, насколько трудно тебе пришлось. — Катери вздрогнула, когда на глаза вновь навернулись слезы. — Твой отец когда-нибудь смог тебя полюбить?

Его голос, как и черты лица, оставались бесстрастными.

— Нет. Он обвинял меня в смерти своей жены, а мою мать в разрушении его родины.

«Наверняка отыгрывался на Рэне».

— Почему он винил ее за это?

— Он не желал верить, что Аполлими по собственной воле напала на нас. По его мнению, моя мать состряпала эту байку, чтобы заполучить его.

«Насколько тщеславным был этот мужик?»

— Что?.. Он считал, будто твоя мать убила сына Аполлими и разрушила два континента, чтобы переспать с ним?

— Я никогда не говорил, что мой отец блистал интеллектом. Хвала богам, я унаследовал склад ума от матери, а не от него.

После этих слов в голове Катери мелькнуло новое видение. Она увидела Мака'Али десятилетним мальчишкой. Он стоял в дверях комнаты, глядя на кровать, окруженную людьми, стоящими к нему спиной. Катери узнала жрецов и знахарей. Очевидно, они пришли вылечить кого-то, и это явно был не отец Рэна, ведь он стоял в изголовье кровати, опустив взгляд.

Самый старший жрец повернулся к отцу Рэна.

— Мне жаль, вождь Коатль^[38]. Мы бессильны и можем лишь принести жертвоприношение в надежде, что духи смиростивятся и оставят Анукувэйя в этом мире.

Взгляд Коатля потемнел, когда он повернулся и увидел в дверях здорового и невредимого второго сына, которого и видеть не желал. Гнев и ненависть вождя были осязаемыми. Извергая проклятия, он направился к Рэну.

У Рэна округлились глаза, когда он понял, что отец узнал о его присутствии. Он выскочил в коридор, но было уже слишком поздно.

Отец настиг его прежде, чем сын смог сбежать. Схватив сынишку за руку, он впечатал Рэна в каменную стену.

— Что ты с ним сделал?

— Н-н-н-ничего, о-о-о-отец.

Коатль толкнул Рэна так сильно, что он упал на землю.

— Не смей мне лгать! Я знаю, что ты завидуешь моему ребенку и жаждешь его совершенства.

Вцепившись Рэну в волосы, отец рывком поднял его на ноги. У Рэна из носа и губы шла кровь. Он схватил отца за руку, пытаясь вырваться.

— Лучше молись, мальчишка, чтобы с моим сыном ничего не случилось. Если Анукувэйя умрет, тебя принесут в жертву богам, и я лично выпущу тебе кишки, обезопасив проход в мир иной моему ребенку. Ты понимаешь? А теперь, что бы ты там на него ни накликал, отмени проклятие, или в качестве расплаты я отниму твою жизнь.

Видение растаяло, и Катери заглянула в глаза взрослой версии того мальчонки, чье лицо, как и в детстве, было в кровоподтеках от недавнего сражения, в которое он ввязался ради нее.

Глубоко тронутая этим, Катери без раздумий сжала его в объятиях.

Рэн замер от чуждого для него ощущения, когда Катери, уткнувшись носом в изгиб шеи, обхватила руками его талию. Ее слезы окропили его

кожу, посылая мурашки по всему телу. Глубоко пораженный Рэн не знал, как реагировать на столь крепкие объятия.

В ту самую секунду у него внутри что-то надломилось, выпустив на волю давно похороненную мечту, которую он прекрасно знал, что лучше забыть. Ту самую о нормальной жизни с кем-то, кто тосковал бы о нем. Женщине, которая волновалась бы за него, если он опаздывал и не звонил...

Закрыв глаза, Рэн вдохнул ее аромат. Смесь первоцвета и валерианы. Все, о чем он мог сейчас думать, — это затеряться в ней. Потратить часы, наслаждаясь ее обнаженным телом, переплетенным с его собственным.

Это и есть любовь? Хотя Рэн и мысли не допускал о том, что Катери его любит. Как она могла? Катери его совсем не знала, ведь в противном случае в ужасе сбежала бы от него в ближайшую нору.

Но любовь или нет, впервые в жизни его так обнимали. Словно она заботилась о нем.

Катери угадала. За всю его многовековую жизнь он мог сосчитать каждое подаренное ему объятие. Они были столь редки и кратки, что навеки запечатлелись в памяти.

Никто не обнимал его ради утешения. Никогда. Голова кружилась под натиском эмоций, которым он не знал названия, и теплоты, дарованной ее объятиями. И на одну крохотную секунду он вообразил, что возможно именно «возможно» он достоин быть кем-то любимым.

«Не дури!

Последний раз тебя посещали такие фантазии с Ветром-провидицей».

Даже сейчас он мог слышать ее издевательский хохот после того, как по глупости признался ей в любви.

— Ты же не ждешь, что я в тебя влюблюсь? Хотя ты внешне привлекателен и хорош в постели, но ты слабак. Жалок. Ты позволяешь всем втапывать себя в грязь и вытирать о тебя ноги. Ты отступаешь в тень и прячешься, стоит показаться твоему отцу. Вместо того, чтобы быть мужчиной и постоять за себя, ты позволяешь своему брату приписывать себе твои заслуги, навыки и добычу. Ты просто распускающий нюни мальчишка. Ты даже не захотел принять предложение Духа Гризли, испугавшись до смерти, чтобы решится на такое. Как женщина сможет полюбить такое ничтожество?

— Я не н-н-н-н-н... — Рэна так расстроила ее враждебная критика, что он не смог вымолвить ни слова. Он стоял и лепетал как умственно неполноценный, каким его все считали.

— Попробуй «никчемный» и «жалкий», — издевалась Ветер над

ним. — Может, на этих словах ты не запнешься.

В ту секунду его охватила такая ярость, и Рэн побоялся, что ударит ее. Он резко повернулся и направился к двери.

— Подожди, Мака'Али! Не забудь прихватить с собой свою мизерную г-г-гордость!

Это насмешка стала последней каплей. Вся боль и обида вылилась через край, захлестнув его с головой.

Стремясь доказать ей и всем остальным, а в первую очередь себе, что он не кусок дерьма, как все считали, Рэн оставил Ветер и направился напрямик к Духу Гризли, с которым заключил сделку.

Больше он Ветер не видел, а те слова стали прощальными. Осознав, что она лишь использовала его ради освобождения Гризли, Рэн поклялся себе, несмотря ни на что, больше никогда не влюбляться. Не обнажать сердце для такой боли и оскорблений.

Оно того не стоит.

Он не настолько слаб, чтобы нуждаться в чьей-либо поддержке. Он жил своей жизнью и предпочитал ничего не менять. Ему никто в этом мире не нужен.

— Нам нужно избавить тебя от боли и излечить раны.

Голос Катери вернул его в настоящее и к тому факту, что она по-прежнему обнимала его.

На секунду Рэн решил, что она говорит о воспоминаниях, пока снова не ощутил физическую боль. Высвободившись из ее рук, он отступил на шаг, проведя ладонью по самым серьезным ранам.

— С ними не нужно ничего делать.

— Ты о чем?

— Катери, я тебе уже говорил. Я бессмертен. Они заживут сами по себе.

— Хочешь сказать, они не болят?

Еще как. Хотя он вышиб из демона дерьмишко, противник оказался весьма искусным. Маленький ублюдок хорошенько его отделал.

Но Катери проявляла доброту к нему, поэтому Рэн сдержал сарказм и кивнул.

— Тогда мы можем...

— Ничто не может унять эту боль, Катери. Силы Темного охотника не работают подобным образом.

Она нахмурилась в замешательстве.

— Темного кого? Чего?

Рэн протер ладонью лицо, вспомнив, что Катери не в курсе

относительно его братьев, хотя Талон состоял в этом элитном братстве.

Сам же Рэн технически никогда не был одним из них. Он на несколько тысячелетий предшествовал первым официальным Темным охотникам. Вот поэтому он единственный из всех Охотников, кого их лидер Ашерон не тренировал. Если уж на то пошло, Ашерон даже не знал о существовании Рэна, пока не явился к Кабесе более четырех тысяч лет назад, чтобы обучать принца майя жизни Охотника в Юкатане.

Ашерон был шокирован существованием Рэна так же, как он существованием Ашерона.

В отличие от остальных Темных охотников, Артемида воскресила Рэна только из-за данного Стеропе обещания, что она не позволит ее ребенку погибнуть в детстве. Богиня поклялась на реке Стикс, что будет присматривать за ним.

Нарушение данной клятвы стоило бы богине жизни.

Поскольку Артемида была бессмертной и полностью зацикленной на себе любимой, она не сильно представляла, как именно отличить человеческого ребенка от взрослого, поэтому из страха собственной смерти вернула его к жизни.

А из-за темных сил, которыми ей пришлось воспользоваться для воскрешения, его «наградили» клыками и запретом находиться на солнечном свете. Артемида говорила остальным Охотникам, будто причиной тому стала их обязанность охотиться по ночам.

После возрождения Рэн медленно узнал правду своего рождения и тайны греческого пантеона матери.

Способность вернуть мертвого к жизни была одной из сил, украденных Артемидой у сына Аполлими. По сути, Артемида не могла их полностью контролировать. Но для Рэна это не было столь важно. Он был слишком благодарен за возможность вернуться, чтобы исправить собственную глупость, поэтому не собирался жаловаться.

Сейчас Рэн не хотел рассказывать эти подробности Катери. Ему очень не хотелось, чтобы кто-либо узнал об его отличиях от других. Темные охотники приняли Рэна как своего, и поскольку не знали его истинного возраста, то не сомневались в его предназначении.

Они считали его намного моложе, чем было на самом деле, а сам Рэн не стремился поправлять их. Лишь Ашерон знал правду, а Рэну известно, кем и чем был на самом деле Эш. Факт, который он скрыл от Ашерона. Прожив хреновую жизнь, он не хотел ворошить чужое прошлое, в сравнении с которым его покажется прогулкой по Диснейленду. А поскольку оба хотели похоронить воспоминания, Рэн был счастлив сделать

одолжение их лидеру атланту.

Поэтому он дал Катери самое простое объяснение.

— Темные охотники — бессмертные воины, призванные защищать человечество от сверхъестественных существ, охотящихся на людей.

Катери нахмурилась. Сейчас один из тех моментов, когда здравомыслящий и разумный человек включил бы скептика и назвал все полной чухней... Но...

Но вменяемость помахала ей на прощание ручкой еще несколько часов назад. В данную секунду она бы поверила в пришельцев, летающего ожиревшего Элвиса и во все остальное, в чем ее хотели убедить.

Даже в существование Санта Клауса и Зубной феи.

Проклятие, почему бы не в Пасхального зайца для ровного счета.

А если предположить, что Темные охотники столь же реальны как... все остальное, с чем ей сегодня довелось столкнуться, у Катери возникло несколько вопросов.

— А как становятся Темными охотниками? Ты родился им?

— Нет. Как правило, они умерли в результате жестокого предательства. Настолько безжалостного и сурового, что их душа закричала так громко, и этот крик донесся до храма Артемиды на Олимпе. Услышав его, богиня спустилась заключить сделку. За акт мести против человека, нанесшего им боль, избранные отдают свои души и вечность проводят, охотясь на демонов.

— Даймон — это типа демона?

Рэн горько засмеялся.

— Еще одна долгая и запутанная история. Достаточно сказать, что они пожиратели душ, служащие атлантской богине Аполлими. Поскольку они собирают души, а те не могут существовать в чужом теле, Темный охотник призван убить даймона, не дав душе человека сгинуть навеки, чтобы она могла отправиться в мир иной.

По спине Катери пробежал холодок от мысли потерять свою душу.

— Ты продал душу Артемиде?

— Поверь, там нечего было продавать, так что невелика потеря. Не скажу, что мне ее не достает. — Оттенок горечи омрачил его голос.

И это привлекло ее внимание к...

— Тогда они ничего не стоят?

— Нет, пока ты жив. Но если ты умрешь без души, ад покажется пикником.

«Ох, ладненько, не очень заманчивая перспектива».

— Но если ты бессмертен, значит, не можешь умереть, верно?

— Вполне. Но есть определенные вещи, которые никому не пережить.
«Вот с этого момента поподробней...»

— Например?

— Обезглавливание. Полное расчленение. Лишение сердца. В основном то, что полностью разрушает тело, типа пожаров, и мой главный фаворит — солнечный свет. Мы, как правило, самовозгораемся.

— Почему?

— Ты предпочитаешь правду или ложь?

В голове сразу же возник вопрос. Кому нужна ложь, если есть правда? Но любопытство одержало верх, и Катери спросила:

— Ох, какого черта, почему бы нам не оторваться по полной и услышать обе версии?

У Рэна дернулся уголок губ, словно он хотел улыбнуться, но вовремя себя остановил.

— Артемида всем заявляет, будто это из-за ее брата Аполлона — бога солнца. Именно из-за его проклятия Темные охотники не могут переносить дневной свет. Но на самом деле это из-за Аполлими. Поскольку даймоны не могут выйти на солнце, атлантская богиня сделала так, чтобы Охотники, преследовавшие их, не смогли нечестно напасть на даймонов. Если даймоны не могут выйти на улицу днем, значит и Темные охотники тоже.

В этом был смысл, но отдавало зловонным запахом.

— Напрашивается вывод, что Аполлими и греки по-прежнему воюют.

Рэн кивнул.

— Это так. Боги не лучше Монтекки и Капулетти, когда речь идет о взаимной неприязни. Они не понимают слов: «Довольно! Хватит!».

— И я по-прежнему не пойму, каким боком это связано со мной.

Рэн замолчал, увидев пещеры.

— Ты умеешь обращаться с ножом?

— Я больше лучник, но, думаю, разберусь в том, как кого-то прирезать.

От ее слов он удивленно приподнял брови.

— Ты умеешь стрелять из лука?

«Умею ли я стрелять из лука? Это прикол?»

Его удивленный тон и выражения лица задел Катери за живое.

— Сладенький, в 2008 году на Олимпиаде в Пекине я представляла нашу команду по стрельбе из лука. Да, я не привезла домой золота, но заняла четвертое место в мире. Арбалет, блочный или традиционный^[39]... главное, чтоб выпускал стрелы. Если можно организовать выемку для тетивы, то я могу стрелять. Так что, никогда не начинай со мной войн с

применением канцелярской резинки. Ты горько пожалеешь.

На этот раз он по-настоящему улыбнулся, и эффект оказался настолько сногсшибательным, что Катери забыла об оскорбленных чувствах.

«Проклятье, он великолепен, когда...»

Улыбка осветила его лицо, придав ему мальчишески милый вид.

Но в следующее мгновение паника омрачила взгляд, словно он понял, что делает, и мгновенно одернул себя. Откашлявшись, Рэн засунул нож обратно в ботинок. Мелькнула яркая вспышка и в его руке появился рекурсивный лук с колчаном стрел, крага и перчатка для стрельбы.

Он передал их ей.

— Или ты предпочитаешь блочный лук?

— Ни в коем случае. Тетива — моя любовь. Давай без снисхождения, правда, я в нем не нуждаюсь. Я лучница и стрелец. Бабушка клялась, что я родилась с луком в руках.

Казалось, ему понравилось это открытие.

— Ну ладно. Я скоро вернусь. — Он замолчал и посмотрел на нее. — В демонов стреляешь промеж глаз. Все остальное их лишь еще сильнее взбесит.

Катери усмехнулась ему и натянула перчатку.

— Принято к сведению. Спасибо, что предупредил.

Рэн медлил, наблюдая, как она надела крагу, а потом вставила стрелу и проверила прицел. Она стреляла точь-в-точь, как и он. Ее безупречная стойка внушала благоговение. Хотя за века он повидал много лучниц, но никогда еще ему не доводилось видеть, как кто-то достигал со своим луком такого единения как Катери.

Как Первый Страж...

Да, тот ублюдок стрелял так быстро и неистово, что стрелы затмевали небо. Хотя Страж не был метким, но зато самым быстрым, с кем Рэну доводилось сталкиваться. При их первой стычке Рэн схлопотал три стрелы в бедро. Если бы Бизон не вытащил его оттуда, Рэн не пережил бы той встречи.

Никогда не стоит недооценивать врага.

Отбросив воспоминания, Рэн пошел осмотреть пещеру. Его раны давали о себе знать, и он не мог сказать, сколько еще сможет продержаться. В любую секунду он мог отключиться.

К счастью, пещера пустовала и была относительно чистой. Хвала богам, наконец-то что-то играло ему на руку.

Рэн пошел обратно к входу и увидел Катери, сидящую на камне. Она окидывала взглядом лес как настоящий охотник. Мягкий лунный свет

озарял ее силуэт и прекрасные черты лица. Катери собрала волосы в тугий пучок, открывавший взору лебединую шею, напоминая Рэну, как сладко Катери пахла, обнимая его.

В горле моментально пересохло и, несмотря на боль его, накрыла волна возбуждения. Что же в ней будило в нем такую неистовую потребность? Отчего он до боли возжелать ее, даже зная, что не должен?

Близость. Да он мог свалить все на это. Так безопасней и легче. Перспектива чего-то большего казалась пугающей.

«Это обычное вожделение. Я бы так реагировал на любую женщину».

И все же, он понимал глупость этих заверений. Он достаточно долго находился рядом с женщинами за эти века и понимал, что они не вызывали в нем такой реакции. Никогда.

Даже Ветер-провидица не смогла заставить его жаждать услышать свое имя на ее устах...

— Катери?

Она повернула голову к нему.

— Пошли, я нашел место, где мы сможем на какое-то время укрыться.

Она спрыгнула с импровизированного сидения, чем-то напомнив ему жизнерадостного ребенка, и направилась к нему. Легкая улыбка играла в уголках ее губ, отчего глаза искрились. Желание поцеловать ее было всепоглощающим, и он еле сдержал себя.

— А ты случайно не можешь наколдовать чизбургер?

Ее вопрос насмешил его.

— Голодная?

— Очень. Кто знал, что спасение жизни пробуждает такой аппетит? Мне кажется, я сейчас смогла бы слопать целого медведя.

Он реально не хотел попадать под ее чары, но был не в силах сопротивляться. Катери болтала с ним, будто они знакомы целую вечность. Словно они закадычные друзья.

После всей лавины дерьма, обрушившегося на их головы за последние несколько часов, Катери оставалась смелой и рассудительной. Спокойной и собранной. Качества, которые Рэн ценил и уважал.

Катери вопросительно приподняла бровь.

— Так ты меня берешь? Или мне ждать здесь?

Очень провокационный вопрос. Ему хотелось взять ее прямо здесь и сейчас.

«Выкинь эти мысли из головы. Сейчас же!»

От этого ему светят лишь неприятности.

— Б-б-беру.

«Твою мать!»

При звуке проклятого заикания каждый гормон в его теле заledenел.

«Почему это должно было случиться рядом с ней? За что мне такое наказание?»

Охваченный ненавистью к себе, он отступил от Катери и собрался было уйти.

Но она дотронулась до его челюсти и осторожно повернула к себе голову, пока их взгляды не встретились. Тепло ее руки опалило, но именно искреннее беспокойство в глазах воспламенило его.

— Рэн... Ты знаешь, что Уинстон Черчилль — один из величайших ораторов и мировых лидеров имел проблемы с речью? Все мы порой страдаем от неправильного произношения. И честно говоря, я тоже сильно запинаясь на выступлениях и, не кривя душой, могу признаться, такое нередко случалось. У тебя нет причин смущаться или стыдиться за биологический сбой, над которым ты не властен. Это не обвинение в адрес твоего интеллекта, а серьезный вопрос к человечности и порядочности тех, кто жестоко издевался над тобой из-за этого. Кроме того, твое заикание кажется мне прелестным.

Эти слова в сочетании с прикосновением и взглядом прекрасных глаз уничтожили остатки его сопротивления. За всю жизнь он ни с кем не чувствовал себя так, как заставила его сейчас почувствовать Катери.

Нормальным. Здоровым.

Достойным.

Не было презрения или насмешек. Ни капли осуждения. Она смотрела на него как Бабочка на своего Бизона.

Будто он что-то значит для нее.

И прежде чем Рэн смог себя остановить, он опустил голову и вкусил сладость ее губ.

У Катери перехватило дыхание, когда Рэн поцеловал ее с доселе неизведанной страстью. Зарывшись пальцами в ее волосы, он с жадностью исследовал каждый миллиметр ее рта, пробуждая ответную страсть. Рэн целовал ее так, словно она глоток воздуха, необходимый ему для выживания. Голова шла кругом, по телу растеклась слабость, и теперь только объятия Рэна удерживали ее в вертикальном положении.

И даже когда прервался поцелуй, Рэн не отпустил ее. Он уткнулся носом в изгиб шеи и обнимал так, словно наслаждался ее ароматом.

— Ты же не собираешься впиться в меня своими клыками?

Рэн зажмурился, когда эти слова проникли через накрывшую его дымку.

— Нет, — выдохнул он. — Прости. Не знаю, что на меня нашло.

Ее улыбка произвела на него губительный эффект.

— Не извиняйся. Это был сногшибательный поцелуй. Тем не менее, может, сейчас ты поставишь меня на ноги.

Рэн почувствовал, как жар опалил лицо, когда он понял, что во время поцелуя подхватил ее и крепко прижал к себе. Ее ноги не доставали до земли на добрых пять сантиметров.

Но, несмотря на свое смущение, он позволил ей соскользнуть вниз по его телу, наслаждаясь изгибами груди. Жаль, что они оба одеты. Это стало бы во стократ приятнее, будь они нагие.

Катери наблюдала за игрой эмоций на его лице. Рэн, вероятно бы умер, узнай, насколько он сейчас для нее кристально прозрачен. Раним. Перед ней стоял не воин, бесстрашно сражавшийся с демонами.

А мужчина, привыкший быть отвергнутым, не принятым. Тот, который все еще ждал от нее неприятных комментариев.

— Рэн, хочу, чтобы ты знал, я считаю тебя замечательным.

Рэн нахмурился от ее слов.

— Почему?

«Он, правда, не знает...

Поразительно, как кто-то столь красивый, добрый и отзывчивый не догадывается, насколько он великолепен».

— Потому что защищаешь меня. За подарок и этот удивительный поцелуй. И если ты мне наколдуешь бургер, я буду считать тебя самым замечательным человеком в мире.

К ее изумлению он рассмеялся.

— К нему добавить картошку фри?

— Однозначно. И большой классический шоколадный коктейль.

О да, от этой мысли в желудке заурчало.

Взяв ее за руку, Рэн завел Катери в глубокую пещеру.

Она притормозила, когда крошечная темнота окутала ее.

— Я ничего не вижу.

Мгновенно вспыхнул зеленый свет. Рэн протянул ей маленькую светящуюся палочку, которую он наколдовал так же, как лук.

— К сожалению, это единственное, на что мне сейчас хватит сил. Прости. — Рэн опустился на пол, словно так сильно ослаб, что не мог сделать больше ни шагу.

Катери встревожило его поведение.

— С тобой все в порядке?

Рэн кивнул.

— Мне нужно поспать.

Он опустился на четвереньки, а потом буквально рухнул на землю.

Встревожившись не на шутку, Катери подбежала к нему и опустилась рядом с ним на колени. Рэн дышал, но был ужасно бледен. Усевшись, Катери окинула взглядом небольшое пространство, пытаясь запомнить расположение.

Она глазам своим не поверила, увидев на соседнем камне белый пакет.

«Нет... этого не может быть.

Или может?»

Нахмурившись, она с любопытством подошла и заглянула внутрь, там лежал чизбургер, картошка фри и большой шоколадный коктейль. Со счастливым смехом Катери вытащила картофелину и съела. А потом оглянулась на Рэна, пораженная его добротой.

— Ты совсем не такой, как я считала.

По крайней мере, не полностью. Да, он внушал страх, был огромен и очень умен. Но точно не великан-людоед, каким показался ей вначале.

Он был удивительно нежным, даже милым, хотя Рэн наверняка не захотел бы слышать такие эпитеты в свой адрес.

«Как его отец и брат могли так с ним поступить? Какая скотина могла причинить такую боль Рэну?

Хотелось бы мне знать о тебе больше».

Хотя она много чего о нем узнала, но существовали огромные недостающие пробелы.

Вступал ли он когда-либо в брак? Были ли у него дети?

Когда и почему брат убил его?

И больше всего волновал вопрос, какую несправедливость он вернулся исправить?

И если уж на то пошло, ей не известно, как ее судьба связана с его прошлым. Почему она здесь с ним? Почему он не смог перенести ее домой?

Море вопросов и ноль ответов.

Вздохнув, Катери съела еду, сетуя на отсутствие хрустального шара. Она, конечно же, не смогла бы им воспользоваться, очутись он здесь. Но...

— Тебя бы поразило то, на что ты способна.

Катери застыла, услышав глубокий грозный голос. С бешено колотящимся сердцем она медленно обернулась, увидев высокого статного незнакомца. С красными глазами и длинным шрамом через все лицо...

И он преграждал ей путь к луку.

ГЛАВА 9

Катери потянулась за ножом в сапоге Рэна.

— Полегче, — сказал незнакомец и протянул пустые руки. Хотя, учитывая все увиденное за день, это еще ни о чем не говорило. Некоторые из самых смертоносных существ, охотящиеся за ней, были безоружны.

«Ах, если бы только сегодня народ дрался с помощью оружия, которое я могла видеть...»

Но, казалось, этот мужчина не представлял для нее угрозы.

«Пожалуйста, пусть его внешность не будет обманчивой. Я чертовски устала от нападений и единственное, чего мне хочется, это пять минут, чтобы собраться с духом».

Если честно, незнакомец производил приятное впечатление. Даже дружелюбное. Чисто выбритый и высокий, на плечах распушенные длинные седые волосы, зачесанные со лба и закрепленные на макушке тремя перьями. Двумя белыми и одним черным. Что-то в нем выдавало старца, хотя внешне ему дашь около сорока.

— Ты не знаешь, кто я?

Катери покачала головой, но в ту же секунду в голове промелькнуло детское воспоминание. Образ мужчины, наблюдавшего за ней из теней... только он был моложе и с темными волосами... приблизительно ее нынешнего возраста. Всю свою жизнь, время от времени, она видела его мельком. Обычно, когда была очень расстроена или счастлива.

Она даже мельком заметила его на своем выпускном... и на днях рождения в парке.

Его тень всегда маячила в отдалении... скорее призрачная, чем реальная. У нее даже имелось нечеткое размытое изображение на одной из старых фотографий.

— Бабушка называла вас моим ангелом-хранителем.

Его глаза заволокло теплом и нежностью.

— О, дорогая, с этим не поспоришь. Но помимо этого, я еще твой родной отец.

«Ага, как же. Я что ли Люк Скайуокер? Э-э. Нет. Это уже чересчур. Из всех странностей за сегодня, это уже ни в какие рамки не лезет. Я ему не верю. Мой отец сбежал и бросил меня, когда я была маленькой. И мама так и не смирилась с его исчезновением.

Это не мой отец».

Качая головой, Катери перелезла через Рэн, сделав из него преграду

между собой и незнакомцем. В нынешнем состоянии он вряд ли мог защитить ее. Но все же, Катери стало легче, когда Рэн оказался между ней и этим чудаковатым лжецом.

Мужчина, утверждавший, будто ее отец, шагнул вперед, но замер, когда увидел, что она потянулась за ножом Рэна.

— Катери, пожалуйста. Я не достаточно силен, чтобы сразиться с тобой и остаться здесь. Ты должна меня выслушать. У меня мало времени, а я должен многое тебе поведать.

Она обхватила рукоятку ладонью, но не стала доставать нож.

— О чем вы?

— Я больше не материален, с тех пор, как исчез из твоей жизни, и добровольно я бы этого не сделал. Клянусь. Я любил тебя и твою мать. Больше всех на свете. Будь у меня выбор, я бы никогда не оставил вас. И я приходил к тебе, как только мог. Пока мог. — Он махнул в сторону Рэна. — Поэтому я послал к тебе Мака'Али. Хотя когда-то мы были врагами, он единственный, кому я могу доверить твою защиту. Только ему под силу тебя спасти.

— Я не понимаю.

— Знаю, дитя. Все так запутано. — Он тяжело вздохнул. — Все пошло не так, как я хотел. С другой стороны, жизнь редко совпадает с нашими планами.

Он осторожно шагнул к ней. Зеленый свет просвечивался сквозь него, и Катери поняла, что мужчина прозрачен.

— Вы призрак?

— В каком-то смысле. — Слезы заволокли его глаза, и мужчина с трудом сглотнул. Он смотрел на нее так, словно не мог поверить, что она здесь, в пещере. — Ты красавица... какой была твоя мама. Я никогда не должен был к ней приближаться, но был не в силах держаться от нее на расстоянии. Я влюбился в Инолу с первого взгляда. Никто не мог устоять перед ее улыбкой, тем более я. Даже зная, что это неправильно, я не мог остановиться. И ты стала самым дорогим подарком, какой я не чаял получить.

У Катери тоже на глаза набежали слезы, а к горлу подкатил ком.

«Была ли в его словах хоть крупица правды? Возможно ли это?»

Он кивнул в сторону Рэна.

— Мака'Али думает, что я ему нужен, чтобы обнулить календарь, но это не так. Необходима лишь ты. Впервые с Великого Рассвета Страж и Икскиб объединились в одном человеке. Ты владеешь всеми моими силами и силами своей матери. Хотя они связаны, но в нужный момент придут к

тебе. Никого нет сильнее тебя. Но тебе нужно поверить в свои силы, чтобы управлять ими. Не позволяй никому убедить тебя в обратном. У тебя в руках власть назначить новых Стражей врат. Пусть твой выбор будет лучше моего. Я позволил надежде ослепить себя. Ты более прагматична, чем я. И я горжусь тобой больше, чем любой родитель гордился бы своим ребенком.

Он перевел взгляд на Рэна.

— И хотя я пока доверяю Мака'Али, будь с ним осторожна. Однажды его сердцем завладели. Теперь легче его снова пленить. После того, как я встретил твою мать и не смог устоять против нее, хотя знал, что не имею права на чувства, я полностью понял Мака'Али. И это знание пугает меня. В нем по-прежнему таится мрак и ярость. Пока они живут в его сердце, Мака'Али никогда не будет свободен или полностью неопасен. Артемида не единственная, кто владеет его частичкой.

От этих слов сердце Катери гулко забилося в груди.

«Если мне нельзя доверять Рэну, то кому тогда можно?»

И существует еще одна, самая большая загадка.

— А что касается камня, который все так жаждут заполучить. Где он?

Он улыбнулся ей.

— Ты его найдешь, когда придет время. Твоя бабушка об этом позаботилась. Твои враги не смогут его отыскать. Только ты.

Стены вокруг них замерцали. Изображения мелькали на них так быстро, что было сложно уследить за одним. Катери видела, как Рэн сражался с ее отцом. Оба, залитые кровью, они пытались разорвать друг друга в клочья. Это был жестокий, гладиаторский бой.

Ее отец рассмеялся.

— Он единственный, кто когда-либо меня побеждал.

Катери нахмурилась от такого заявления.

— Я думала, ты выиграл.

Отец покачал головой.

— Нет. По всем правилам он выиграл и одержал надо мной верх, но в конце я обманул его. Как и все остальные в его жизни. Я солгал и использовал беззащитность Мака'Али против него же, зародил в его душе сомнения и заставил проиграть. Это единственная его слабость, которую тебе нужно будет использовать, чтобы убить его.

Эта мысль ужаснула Катери.

— Убить его?

Отец махнул на стену слева от нее.

Ярко вспыхнула сцена. А потом на фоне всего выступил образ Рэна, глядящего прямо на нее. Ветер разметал длинные черные волосы по плечам

и красивому лицу. Тело покрывал костюм из светло-коричневой оленьей шкуры, украшенной тщательно продуманной черно-красной вышивкой. С плеч свисал мех ягуара, приколотый к рубашке двумя декоративными брошками. Как и у ее отца, у него в волосах было три пера, только они свисали с тесьмы у левого виска. Два черных и одно белое. На шее висел кожаный шнурок с красным камнем в виде слезы, напоминающей каплю крови.

В левой руке он сжимал витиеватый резной черный лук, а в правой — белоснежную стрелу. Но именно глаза больше всего привлекли ее внимание. Один — синий как безмятежное летнее небо, а второй — кроваво-красный. Они прожигали ее гневом и ненавистью.

— *Убей ягуара*, — повелевал Рэну демонический жестокий голос.

Он вставил стрелу и направил Катери прямо в сердце.

Ее отец стал исчезать.

— Если Гризли снова овладеет им, тебе придется убить Мака'Али. Катери, тебе единственной это подвластно. Убить его. Пронзи сердце, и Мака'Али умрет. В противном случае, он уничтожит мир людей и убьет тебя. Помни, что я люблю тебя, дочка. Всегда.

После этих слов он исчез.

Изображение Рэна осталось на стене, красный глаз впился в нее.

— Тебе меня не ослабить! — прорычал он и выпустил стрелу.

Катери инстинктивно пригнулась. Но это была лишь иллюзия. Не реальность.

Нет.

За исключением спящего рядом с ней мужчины. Трясущейся рукой Катери убрала волосы с его израненного лица. Значит он на самом деле Мака'Али, которого она видела в своих видениях и снах. Как странно одновременно столь хорошо его знать и все же не знать вовсе. Мужчина из ее снов явился ей во плоти...

Мака'Али.

Это имя демона, о котором бабушка рассказывала ей в детстве.

«В его душе поселилось зло. Все, кто встречаются с ним, умирают от его рук. Всегда. Он безжалостен и способен управлять черными пересмешиниками. Бойся его, Валеيلي. Молись, чтобы никогда не повстречаться с ним. А если это произойдет, беги со всех ног без оглядки».

Мог ли он быть тем существом, о котором предупреждала бабушка?

С трудом сглотив, Катери провела рукой по скульптурно вылепленной

челюсти, и едва проступившая щетина защекотала ей кожу. Спящим Рэн казался по-мальчишески милым, а не грозным. Более человечным. Но проснувшись, он мог вселить страх и благоговение.

И вдруг ей предстал образ Рэна с кроваво-красными глазами. Он стоял, широко расставив ноги, все его тело напряжено, будто собирался схлестнуться с невидимым врагом.

— Что ты наделал, раз заставил их всех так сильно тебя бояться?

«И главный вопрос: почему он так поступил?»

Катери вздохнула, пытаясь разобраться с обрушившейся на нее информацией, словно на зубрежке перед экзаменом. Она просто не переживет еще одной дозы новостей, иначе мозг отключится, превратив ее в овощ, пускающий слюни.

Нуждаясь в небольшом перерыве, Катери легла рядом с Рэном. Но на земле лежать было неудобно. Твердый глиняный пол оказался холодным и песчаным. Понятно, насколько Рэн нуждался во сне, раз крепко спал на чем-то столь неприятном.

«Тьфу, не улечься».

Она перепробовала все мысленные положения тела. Катери положила руку под голову, потом убрала ее.

Бесполезно.

Она скользнула взглядом по огромному телу Рэна. Да, он единственный прекрасный островок в этом мрачном месте. Соблазнительный...

Манящий.

«Не делай этого. Он истекает кровью.

Верно, но были участки тела без кровоподтеков. И они выглядели...

Удобными».

Катери перевернула Рэна на спину, подползла ближе и использовала его в качестве подушки.

«О, да, так намного лучше».

В следующую секунду она с глубоким вздохом погрузилась в сон.

Рэн медленно проснулся. Тело все еще болело.

«Проклятье. Такое чувство, что из меня дух вышибли. В прямом смысле слова. Или более точно, я вышиб дух из демона.

Мне следовало избить ублюдка посильней...»

Вздвигнув от боли в ребре, Рэн открыл глаза и замер, увидев

последнее, что мог ожидать.

Катери спала, прижимаясь к нему. Ее голова лежала на его плече. Левая рука покоилась в центре груди, а дыхание щекотало кожу на шее.

Рэн втянул воздух через зубы от того, как быстро и неистово завелся с полуоборота. Невзирая на титанические усилия, в голове всплыл образ обнаженной и извивающейся в его руках Катери. Рэн мог представить, как она обхватывает его спину руками, пока они занимаются любовью.

Все это ни капли не уменьшило его дискомфорта.

Или изменило настрой.

Он попытался думать о чем-то неприятном. Отце. Брате. Гризли...

Вонючих носках.

Ничего не помогало. Она прижималась к нему, как к желанному любовнику. Прикусив губу, Рэн прижал руку к отвердевшему паху, пытаясь силой воли загнать в клетку зверя, не желавшего подчиняться. А если он и слышал приказы Рэна, то с издевкой игнорировал их.

«Мне следовало кастрировать себя после исчезновения Ветра-провидицы».

Верно. Хотя раньше он в этом не нуждался. Это лишь сулило неприятности и напоминало об одиночестве в этом бренном мире.

Как сильно он отличался от всех остальных мужчин.

Ни с того ни с сего Катери потянулась, как томная кошка, и, выгнув спину, прижалась еще тесней. Это движение дало ему прекрасный обзор на вырез ее рубашки, где виднелся фиолетовый бюстик и округлые груди, от вида которых у него побежали слюнки.

Рэн сжал руки в кулаки, сдерживая желание пощупать их, за которое без сомнения схлопочет пощечину. И вполне заслуженную.

С довольным вздохом Катери скользнула ладонью по его груди, задевая сосок.

В глубине горла Рэна зародился стон, так как его пронзила вспышка наслаждения.

«О, да, мне крышка. Это... адская пытка».

От его приглушенного стога Катери распахнула глаза и встретила с ним взглядом, испуганно вздохнув.

— О, привет. — Она мгновенно расслабилась и приветливо улыбнулась. — Доброе утро, солнышко. Готов встретить новый день?

«Черт, она жаворонок. Пристрелите меня. Как можно проснуться в прекрасном расположении духа? Не понимаю, и вряд ли когда-нибудь пойму».

Но это не столь важно. И даже если бы хотел, Рэн не смог бы ответить.

Не тогда, когда он столь возбужден.

— Тебе лучше? — спросила она так бодро, будто вчерашний день не был сущим адом, а утро не настало слишком рано.

А ответ на ее вопрос прост. Нет, черт возьми. Но это не то, о чем она спрашивала, и Рэну это прекрасно известно.

«Нет причин относиться к ней по-свински. Не ее вина, что ты дьявольски возбужден.

Да, а с другой стороны, чушь собачья. Если бы не она, я бы не оказался в таком состоянии. Она — причина моего ужасного стояка. Тем не менее, Катери не виновата в том, что в ее объятиях так приятно, или что она невероятно сексуальна с растрепанными волосами и покрасневшими ото сна щеками».

— Да, — неохотно ответил ей Рэн.

Катери очаровательно улыбнулась, на что член встал в еще большую стойку.

«Лежать, мальчик. Не нужно нас обоих делать несчастными. Тебе ничего не светит, поэтому ты мог бы опуститься и спасти остатки нашего достоинства».

Катери опять потянулась.

— Кстати, ты знаешь, что разговариваешь во сне?

Рэн вопросительно приподнял бровь. Он никогда не ночевал с кем-то, поэтому был без понятия.

«Пожалуйста, скажи, что я там не заикался. Это все что мне нужно».

— Итак, кто такая Ветер-провидица?

«Ох, минутку... это похуже заикания».

Но, по крайней мере, благодаря вопросу, он смог взять под контроль гормоны. Ее вопрос подействовал на него быстрее арктической ванны.

Как ужасно вспоминать во сне ту суку, пока в его объятиях спала Икскиб.

«Лучше б я заикался...»

— Она никто.

Катери с сомнением посмотрела на него.

— Что-то не похоже на правду. Ты говорил о ней, будто ужасно жаждал. Бывшая подружка?

«Замечательно. Что, черт подери, нашло на мое подсознание? С какого перепугу я захотел от Ветра чего-то большего, чем прибить суку на месте?

Твое подсознание еще тупее тебя. И это говорит о многом, учитывая, сколько я напорол глупостей».

Заскрежетав зубами от ярости на самого себя, Рэн скривил губы.

— Она никто. Я не хочу даже думать о ней.

Катери резко вздохнула от ненависти, прозвучавшей в его голосе. Очевидно, Ветер-провидица причинила ему боль.

Ужасную.

Катери было нестерпимо, что она случайно ранила его, упомянув имя этой женщины.

— Прости. Я поняла больше никаких имен на «В».

И неважно, что ее второе имя, Винт. Нет необходимости снова его расстраивать. У нее были паршивые отношения, о которых даже вспоминать не хотелось. Так что, она понимала нежелание Рэна воскрешать прошлое. Порой оно может оказаться уродливым.

А люди от нечего делать могут быть кончеными негодьями.

Катери хотела встать, но Рэн стиснул ее железной хваткой, которая поразила даже больше его интонации. К полному изумлению Катери он прижал ее к себе.

Он пристально вглядывался ей в лицо, будто пытался что-то отыскать.

— Почему ты лежишь на мне?

Жар опалил щеки Катери, когда она поняла, насколько близко они находятся в таком положении.

— Ты выглядел таким удобным. А пол нет... И я замерзла, поэтому решила, что ты тоже замерз. — Катери закусил губу, когда жар растекся по всему телу от осознания нелепости ее оправдания. — Я пыталась согреть нас обоих.

«Да уж, это прозвучало фальшиво даже для меня».

С отрывистым дыханием он провел рукой по ее спутавшимся волосам. Желание в его глазах пробуждало ответную страсть. Господи, он такой привлекательный и волнующий. Хотя скорее в ней говорит собственная стеснительность, ведь раньше она никогда так не реагировала на мужчину.

Но что-то делало Рэна неотразимым. Он манил ее, несмотря на все аргументы и доводы рассудка. В данную секунду ее единственным желанием было погладить его подбородок и изучить каждый миллиметр крепкого тела.

— Что ты со мной сделала? — выдохнул Рэн.

Она нахмурилась от отчаяния, прозвучавшего в его голосе.

— Ничего.

Рэн покачал головой.

— С момента бессмертия мне было не трудно придерживаться целибата. Но сейчас я хочу лишь овладеть тобой.

Это заявление должно было оскорбить Катери, но вместо этого от его

слов ее сердце заликовало. Было приятно, что она не единственная увлеченная здесь сторона. В противном случае это был бы полный отстой.

И ее заинтересовали два момента в его признании.

— Ты придерживался обета безбрачия? И как долго?

— Одиннадцать тысяч лет.

У Катери перехватило дыхание от его ответа.

«Матерь божья...

Неужели он не шутит?»

Она ожидала, он скажет несколько месяцев... максимум. Учитывая, как он выглядит и двигается, Катери не удивилась бы, скажи он пару часов.

Но столетия. Без шуток. Тысячи и тысячи лет?

Нет...

«Как ему это удалось? Как он смог с таким-то телом? Учитывая, насколько он великолепен, женщины должны падать штабелями к его ногам. Постоянно. Что он делал? Отбивался от них кнутом?»

Катери глянула на него с укором.

— Что ж, сладенький, пожалуй, это твоя проблема. Это немного долгий срок между э-э... ну... ты знаешь... как и я, о чем речь. Я восхищаюсь твоей выдержкой. Правда. Сильно. Не многие смогут на такое решиться, хотя это многое объясняет, почему ты несчастлив.

Он фыркнул от ее попытки пошутить.

— Не стоит мной восхищаться. Последний раз, когда я переспал с женщиной, то чуть из-за этого не уничтожил мир. Когда совершаешь небывалую глупость, то какое-то время избегаешь повторения.

Да, но тысячи и тысячи лет?

Теперь Катери точно знала, кто и кем была Ветер-провидица для Рэна. Вероятно, именно она сбила его с пути и выжгла душу до столь отвратного уровня, что Рэн никогда не смог оправиться.

— Чисто из любопытства, почему ты пытался уничтожить мир?

— Ты когда-нибудь пыталась отхватить место для стоянки на Рождество? Купить рубашку в магазине после Дня благодарения? Даже эти две вещи сеют сомнения относительно человечности людей. Отчего сам собой напрашивается вопрос, а нужно ли кому-то выживание вида. С чем мы собственно боремся? Повышением продаж в универмаге?

В его словах был смысл.

Хотя...

Рэн помедлил, прежде чем продолжить свою саркастичную речь. Частично ему хотелось солгать ей и не сгущать краски. Не из-за отсутствия доверия, просто ему не хотелось представлять себя в истинном свете.

Именно причина сильней всего жалила память и сердце. Иссущала и глубоко ранила.

Если бы в те времена существовала премия для полных кретинов, его портрет бы висел в зале славы.

Не успев прикусить язык, Рэн сболтнул:

— Честно? Я сделал это, чтобы доказать ей, что я не бесхребетный кусок дерьма.

— И как, сработало?

Он пожал плечами.

— Я никогда ее больше не видел, так что предполагаю, на ее взгляд, это было ничтожно. Но я поразительно изменил точку зрения всех остальных, считавших меня слабаком. Ничто так не вселяет страх в других, как хороший пендель под зад.

Но это совсем далеко до уважения. Он прошел путь от жалкого сопляка до одержимого психа и узнал, что изменились лишь эпитеты, какими его обзывали, и громкость голоса, когда они это делали.

Ни одно из положений не было желанным или завидным. Он остался отрешенным, неприкаянным, одиноким и неуверенным. Никому не мог доверять.

Всем на него было глубоко плевать. Единственная разница, его не считали больше слабаком и не стремились вогнать нож в спину.

Вздохнув, Рэн отпустил Катери и, отвернувшись, поднялся на ноги. Катери тоже встала и отряхнулась.

Когда он отошел от нее, Катери обхватила ладошкой его руку, останавливая.

— К твоему сведению, ты не жалкий негодяй, Рэн, и тебе не нужно разносить мир в пух и прах, чтобы это доказать.

Он фыркнул от ее наивности, но отчасти не хотел признаваться, что сердце пело от такой доброты... пусть даже притворной.

— В моих жилах течет кровь трех конкурирующих пантеонов, двое из которых рождены воевать. Появившись на свет, я уже вел войну сам с собой. Хочешь знать, почему я заикаюсь?

— И почему же?

— В течение года моей кормилицей была демоница. Ее молоко заразило меня своим ядом, а моим первым языком стал демонический. Он кардинально отличался от всего человеческого, поэтому я лишь к пяти годам смог постичь людскую манеру речи. К тому времени, все племя считало меня отсталым и глупым. Потом, когда я научился говорить, то стал заикаться, потому что мне приходилось переводить слова с

демонического на человеческий. Мне потребовалось миллион жизней, чтобы говорить без запинок. И все же, в моих мыслях и снах речь не человеческая. — Его взгляд опалял ей душу. — Я стал проводником зла из-за того, что Артемида послала демоницу нянчиться со мной. Это моя истинная природа.

Катери покачала головой.

— Я тебе не верю. Если бы ты был злым, как утверждаешь, то не сопротивлялся бы этому зову. Перешел бы на темную сторону и позволил злу поглотить себя. Тем не менее, ты этого не сделал. Ты пришел и спас меня, хотя мы были даже не знакомы. Ты столетиями сражался за незнакомцев. Какое зло будет так поступать?

— Я убил собственного отца, когда он молил меня о пощаде.

Катери засомневалась в его признании. Но стоило нахлынуть волне сострадания, как она вспомнила равнодушного жестокого отца Рэна.

— Того самого папашу, который бросил тебя еще беззащитным младенцем в одиночестве умирать в лесу? Которого демоница угрозами заставила заботиться о родном ребенке?

Того, кто оскорблял и унижал его?

— Прости, что я не прослезилась из-за смерти этого ублюдка. Нет, в самом деле, завязывай, Рэн. Договорились? Ты придерживался celibата одиннадцать тысяч лет. Повторяю. Одиннадцать тысячелетий!

— Тебе не нужно повторять. Поверь, никто лучше меня не знает, сколько это длится, — сказал он с насмешкой.

— Да, ну что ж, прости, я под впечатлением. Такой самоконтроль просто невероятен. Seriously, просто уму непостижимо. Особенно для женщины, которая не может пройти мимо пончика, не отведав кусочек. Печально, но правда.

Он фыркнул от ее скептического тона.

— Это было не так сложно, как ты думаешь. Поверь мне. Трудно переспать с кем-то, если женщина не хочет, чтобы вас увидели вместе. О какой постели может идти речь.

«Ага, как же. Какая женщина в здравом уме отвергнет такое ходячее великолепие? Рэн гораздо заманчивей и аппетитней залитых шоколадом пончиков».

— Очевидно, ты жил в чулане. Один.

Как только эти слова сорвались с ее губ, она увидела прошлое Рэна...

Он был со своим другом, который разговаривал с ним на языке жестов.

Его приятель посматривал на компанию женщин, делающих покупки у соседней овощной лавки. Две девушки неземной красоты... такой мечтает

стать каждая, но лишь маленькой горстке посчастливилось достичь подобного совершенства. Третья была прелестной, но меркла по сравнению с двумя, окружавшими ее богинями.

— Давай Мака'Али, — убеждал друг. — Это отличная возможность поговорить с ней.

Рэн покачал головой.

Его друг закатил глаза.

— Ты самый жестокий боец племени... бесстрашный воин. Старший сын нашего вождя. Ты честно хочешь мне сказать, что так боишься женщин, что даже не можешь с ней заговорить? Серьезно? Ты собираешься позволить простой женщине запугать себя?

Пристальный взгляд заволокло гневом от оскорбления друга.

Сжав зубы и зыркнув на него, Рэн повернулся и направился к женщинам.

Катери задержала дыхание, ожидая, что он подойдет к одной из двух прекрасных дев.

Но это оказалось не так. Вместо этого он обошел их, подойдя к третьей, у которой не хватало денег расплатиться за покупку.

В ее глазах стояли слезы.

— Это все, что у меня есть. Пожалуйста. Я не могу вернуться домой с пустыми руками. Мать наказала купить кукурузы.

— Мы не даем займы. Идите и поспрашивайте в других лавках. Есть цена, которую нужно заплатить за каждую каплю пота.

Продавец потянулся отнять у нее початки кукурузы.

Рэн остановил его.

— Я заплачу.

Мужчина скривил губы.

— Откуда мне знать, что это правда?

Рэн вытащил кусок золота и передал торговцу.

Осмотрев золото, продавец вернул девушке кукурузу.

— Спасибо, — сказала она продавцу, но не Рэну. На самом деле, она даже не взглянула на него.

Положив покупку в плетенную корзину, она направилась к двум ждавшим ее красавицам.

— Ицель? — позвал Рэн, пытаясь догнать девушку.

Она замешкалась, прежде чем повернулась и окинула его раздраженным взглядом.

— Что?

— Я-я-я х-хотел сп-спросить... — он замялся, словно подыскивая

нужные слова. Дрожь в челюсти усилилась, когда ее взгляд с раздраженного сменился презрительным.

— О чем спросить? — холодно бросила она.

Он закусил губу, прежде чем еще раз попробовал.

— Т-ты не против, е-е-если я п-п-п....

— Если ты предлагаешь встречаться с тобой, то я возрождаю. — Она посмотрела на своих подружек. — По-твоему, я захочу быть осмеянной и терпеть издевки? Что я настолько отчаялась, что готова терпеть твоё ухаживание? — Она усмехнулась, а лицо перекосило в уродливую маску жестокости. — Забудь об этом. Иди, найди себе женщину под стать. Ой, погоди-ка, в городе нет никого столь тупого. Даже шлюхи отказались тебя обслужить, когда ты предлагал денег. Может, тебе удастся найти козу в течке или кого-то из других городов.

Рэн с достоинством выдержал удар и стоял с бесстрастным выражением лица, когда девушка ушла, оставив его в одиночестве слушать глумливый смех продавца.

Его друг, было, направился к девчонкам, но Рэн его остановил.

— Не у-у-ухудшай положение.

Качая головой, его приятель ушел в противоположном направлении, а Рэн напоследок окинул девушек взглядом, полным желания и тоски, от которой у Катери сердце облилось кровью.

Она вздрогнула от того, что они сотворили с ним. Неудивительно, что он придерживался обета безбрачия. Те сучки научили его избегать женщин. Отрывисто вздохнув, Катери запретила себе плакать.

«Как развеять последствия той подлости? Как стереть результаты той жестокости?»

Не в силах сдержаться, Катери прижала его к себе в крепких объятиях.

Ее действия полностью ошеломили Рэна. Хуже того, его накрыло волной вожделения, когда ее аппетитные изгибы прижались к нему. Он стоял, твердый как скала, и не знал, что делать.

— Почему ты обнимаешь меня, Катери?

— Кто-то же должен.

Это еще сильнее запутало его.

— Я не понимаю.

Катери прижалась губами в обжигающем поцелуе, подобно которому он никогда не испытывал. Страсть и ощущение их переплетенных в танце языков вскружило Рэну голову и отняло дыхание. В груди зародился низкий рык, когда он обнял ее, упиваясь вкусом Катери.

Он не думал, что наслаждение может стать еще сильнее. Нет, пока

рука Катери не скользнула по его груди и животу, оставляя за собой пылающий след и посылая дрожь по всему телу. А потом к полному изумлению Рэна, ее ладонь обхватила его естество.

Катери стала гладить и ласкать его через джинсы, и ошеломленный вконец Рэн прервал поцелуй.

— Что ты делаешь?

— Я собираюсь перевернуть твой мир.

ГЛАВА 10

Катери ни с одним мужчиной в жизни не проявляла такой инициативы. И даже не представляла, откуда у нее взялась смелость, но ей хотелось утешить Рэна как никого другого. Никто не должен коротать свой век в таком одиночестве. Покинутым. Униженным. Особенно мужчина, который вечность защищал других.

Он истекал кровью ради ее безопасности. Никто не делал для нее так много, а с Рэном они едва знакомы. Неудивительно, что он с такой яростью ополчился против мира. Его всю жизнь лишь пинали, как нагадившего щенка. Катери не могла смириться с жестокостью, которой стала свидетельницей.

Хоть раз в жизни Рэн должен почувствовать, насколько его ценит, холит и лелеет понравившаяся ему женщина.

Покусывая его подбородок, Катери расстегнула джинсы и скользнула рукой внутрь.

Ошеломленный до потери рассудка Рэн схватил ее за руку, прекращая ласку. Отрывисто дыша, он покачал головой.

— Не надо.

Катери нахмурилась, удивленная его поступком.

— Что случилось?

Ничем неприкрытая мука в темных глазах отозвалась болью в ее душе.

— Я н-н-не м-м-могу.

Ее больно ранил его отказ. Катери держала в руках доказательство того, что он может. Он уже был твердым и влажным. Выходит, Рэн пытается сказать, что не желает ее.

Сжав руку в кулак, Катери кивнула с пониманием.

— Прости, я не хотела навязываться и обижать тебя.

Рэн нахмурился от неловкости, прозвучавшей в ее словах, и унижения, промелькнувшего в глазах. Эти чувства знакомы ему не понаслышке. Рэну

была ненавистна сама мысль, что он заставил испытать ее нечто подобное. Но он точно не хотел секса из жалости. Это похуже, чем быть отвергнутым или осмеянным.

Даже зная о ее безразличии, он будет проявлять слабость во всем, связанным с ней, и превратится в безмозглую игрушку, которой она сможет управлять по собственной прихоти. Именно эту склонность Рэн ненавидел в себе больше всего. Если ему хоть кто-то выказывал каплю доброты, он готов был разбиться ради них в лепешку.

«Я жалок...»

Тем не менее, он не желал, чтобы ей было скверно на душе. Это предложение было сделано от чистого сердца. С большей добротой, которой ему когда-либо выказывали. Но Рэн прекрасно понимал, что ей совершенно безразличен. Катери чувствует к нему лишь жалость и ничего более. Она на самом деле не жаждет с ним секса, а он не настолько отчаялся, чтобы воспользоваться ее добросердечностью.

— Дело не в тебе, Катери. Поверь. В прошлый раз, переспав с женщиной, я едва не уничтожил мир. Зло дважды наложило на меня свой отпечаток, и я точно знаю, что не стоит соблазнять ту часть моей натуры. Я не могу себе доверять, когда речь заходит о тебе. Если я хоть на мгновение потеряю бдительность, то тьма целиком и полностью овладеет мной.

— Рэн, я не прошу тебя отдать мне душу. Я лишь предлагаю тебе утешение.

Он горько рассмеялся над собственной непроходимой тупостью.

— И в этом моя слабость. Не нужно быть со мной такой милой.

Катери изучила его в тусклом свете.

«Неужели он сейчас говорит серьезно. Рэн правда хочет, чтобы я его ненавидела. И из-за чего? Страх перед близостью?»

Нет, дело в другом. Катери интуитивно чувствовала это. Он до ужаса боялся стать ее покорной собачкой. Ведь думал, что так отчаянно нуждается в любви, что получив ее хоть каплю, пойдет на все ради большего. Как наркоман, желающий заполучить новую дозу.

У нее разрывалось сердце от боли за него.

— Наслаждение не слабость.

— Еще какая. В нехороших руках это беспощадное оружие. И я не желаю твоей доброты или утешения. Я в этом не нуждаюсь.

Но она знала правду. Ему хотелось, чтобы его лелеяли также сильно, как ей хотелось холить его. Так печально, что он не мог довериться в самой насущной потребности человечества.

Быть принятым и оцененным.

— Ты хоть кому-нибудь доверяешь?

— Только Бизону.

В ее голове пронесся образ красивого мужчины.

— Друг, который всегда поддерживал тебя с юных лет? Тот, с которым ты говорил жестами?

Рэн побледнел.

— Откуда ты это знаешь?

Она подняла руки, пытаясь заверить, что намеренно не совала нос в его прошлое.

— В видениях я видела многое из твоей жизни. Я никогда их не просила. Клянусь. Они просто приходят и уходят, и чаще всего я мало что из них понимаю. Но они многое рассказали мне о тебе. Я даже знаю, что Рэн это сокращение от Ренегат, потому что ты считаешь себя предателем собственной семьи и народа.

Рэн стоял и выглядел лишенным всего, кроме самоненависти.

— Я не считаю себя предателем. Я он и есть. Я дважды предал всех, кто доверился мне. Всех.

Катери даже на долю секунды не поверила этому.

— Твой отец никогда не доверял тебе.

— В отличие от моего брата.

Катери нахмурилась, пытаясь понять, о чем он толкует. Как ни странно, она не видела ни одного видения о брате Рэна, кроме того случая, когда он заболел в детстве, и тогда он предстал бесформенным пятном, укутанным покрывалами. В ее видениях были лишь намеки, но она никогда не видела лица или тела.

Но единственное она знала четко: Рэн любил своего брата. Очень сильно.

— Я не могу поверить, что ты предал его без причин.

Черты лица Рэна заострились.

— Ты меня совершенно не знаешь, Катери, и на что я способен. Я дал священную клятву защищать брата, а вместо этого больше года жестоко пытал его.

Холодок пробежал по спине от его слов и ненависти, отразившейся на лице.

— Почему?

Его глаза заволокло стыдом, и Рэн отступил от нее.

Как она и подозревала, он не подвергал брата пыткам ради наслаждения. Что-то или кто-то подтолкнул к этому поступку.

— Ответь мне, Мака'Али.

Рэн повернулся к ней быстрее, чем она моргнула. Ярость исказила красивые черты, когда он скривил губы.

— Не называй меня так! — прорычал Рэн сквозь зубы. — Никогда!

Его гнев застал ее врасплох. Никогда в видениях она не видела ни малейшего намека, что ему не нравится его настоящее имя.

— Почему?

— Это не мое имя. — Он снова шагнул к ней, пытаясь подавить своим внушительным ростом. Его злость была осязаема. Рэн окинул ее взглядом сверху вниз.

Ладно, никто не спорит, он выглядел разъяренным и внушал страх. Но Катери не собиралась отступать. Она не дрогнула и не отвела взгляда, потому что именно этому ее учили с детства.

Чероки не убегают. Да, порой у них может возникнуть такое желание. Или им это диктуют обстоятельства. Но чероки никогда не убегают. Неважно, какая опасность грядет, ты мужественно встретишь ее и выступишь.

Вот ее главное наследие! Храбрость, переданная ей с молоком матери.

— Ты знаешь, что означает Мака'Али?

Его глаза в темноте полыхнули ярко-красным. Но все прошло так быстро, что Катери не поняла, произошло ли это на самом деле или привиделось.

Она покачала головой.

— С языка кетува это слово означает демон-ворон. Поскольку моя мать не дала мне имени и отцу меня вернула нянька-демоница, все соплеменники стали звать меня так.

«Никто не дал ему настоящего имени?»

— А что насчет бабушки?

Он горько усмехнулся.

— Мне ничего не известно о бабушке по материнской линии. Даже о том, кто она. А что касается матери моего отца... она отказалась даже взглянуть на меня, ни за что ни признав. Именно поэтому отец отнес меня в лес и бросил умирать. Отказавшись дать мне имя, бабка сказала ему, что я стану источником горя и стыда для племени. Что я неполноценный, и недостойн быть сыном вождя. И она оказалась права. Я не принес ничего, кроме страданий и позора.

Нельзя так наговаривать. Катери никогда не видела в видениях, чтобы он сказал или сделал хоть что-то, чтобы смутить другого человека. Хотя временами он дрался или нападал, тем не менее, не он был зачинщиком стычки. По крайней мере, не тех, которым она стала свидетельницей.

Поэтому один момент ее изрядно удивил...

— Почему ты пытал своего брата?

Выражение его лица могло бы растопить айсберг. Но вместо того, чтобы ответить, он притянул ее к себе и сжал как в тисках.

Она не успела спросить, что он делает, как они оказались в его прошлом.

Они стояли в огромной позолоченной обеденной зале, заполненной людьми, празднующими прибытие красавицы и ее свиты. В окружении разноцветных воинов своего племени в комнату вошла женщина в ярко-желтом платье, расшитом вышивкой. Декоративный головной убор из перьев и золота украшал ее голову, как нимб. Позади нее шли родители, готовые с гордым видом представить дочь вождю и его сыновьям. Происходящее резко отличалось от обычаев племени Катери, где муж после венчания уходил жить в племя жены.

Рэн стоял рядом с мужчиной настолько похожим на него внешне, что их можно было принять за близнецов. Разительно отличала их лишь осанка. Рэн стоял с поникшими плечами и опущенными в пол глазами, а его брата отличало явное высокомерие, которое было видно невооруженным глазом. Такое чувство, будто он знал, что ему принадлежит мир, и ожидал, что все склонятся перед ним.

Даже Рэн.

Их отец вышел вперед, чтобы поприветствовать красавицу и ее родителей.

— Бабочка, для нас честь принять тебя здесь. Ты столь же прекрасна, как говорят в молве. На самом деле, еще красивей.

Ее темные глаза блестели как драгоценные камни на прекрасном лице. Она улыбнулась поистине обворожительной улыбкой.

— Вы слишком добры, вождь Коатль. — Соблазнительно прикусив губу, она посмотрела туда, где стоял Рэн с братом. — Но никто не говорил мне, что у вас близнецы. Они оба красивы и сильны. Уверена, они источник огромной гордости для вас и вашего племени.

Ошеломленный этими добрыми словами Рэн поднял глаза и встретился с ней взглядом. В ту секунду, как он сделал это, у него слегка приоткрылся рот, и в глазах вспыхнул огонек вождения. Стоило ему выпрямиться и расправить плечи, как стали очевидными две вещи. Во-первых, что он намного выше брата. А во-вторых, его телосложение явно более мужественное. От проблеска гордости в его позе и чертах на губах Катери заиграла улыбка. Как было великодушно со стороны Бабочки сказать что-то столь доброе, отчего Рэн почувствовал себя лучше.

Желваки заиграли на челюсти их отца, и вождь возмущенно напрягся.

— Они не близнецы, Бабочка, и совершенно не похожи. Поверь мне. Никто и в подметки не годится моему наследнику. Он действительно лучший воин на свете.

Рэн поморщился, словно отец ударил его наотмашь.

Не оборачиваясь к Рэну, вождь продолжил говорить Бабочке:

— Боюсь, я единственный, что у них общего... Во всем остальном они полная противоположность друг другу.

Вождь Коатль взял ее за руку и подвел к младшему сыну, но перед этим грубо оттолкнул Рэна со своего пути.

Плечи Рэна медленно поникли, когда он огляделся и понял, сколько людей стали свидетелями отцовского оскорбления. Отец Бабочки глядел на Рэна с хмурым видом, но промолчал, так как вождь Коатль представил его дочери своего сына.

— С огромнейшей гордостью я хочу представить тебе своего сына — будущего вождя нашего народа, Анукувэйя.

Гордость Племени Волка.

Катери резко вздохнула, когда до нее наконец дошел двойной смысл имени брата Рэна. Оно означало не только гордость племени, это также было древнее прозвище Койота — величайшего обманщика.

Койот вышел вперед, чтобы взять свою невесту за руку.

— Бабочка... ты на самом деле красивейшая на свете женщина. Ты почтила нас своим присутствием, и я клянусь, что посвящу свою жизнь тому, чтобы ты никогда не пожалела о своем решении взять меня в мужья. Добро пожаловать.

Обворожительная улыбка заиграла на ее губах.

— Для меня честь и удовольствие находиться здесь, Анукувэйя. Клянусь, что всегда буду стремиться принести тебе и твоему племени счастье.

Она выжидательно повернулась к Рэну. Когда никто не потрудился их представить, Бабочка обменялась с матерью нервным взглядом, но та пожала плечами с неловким недоумением по поводу публичного пренебрежения сына вождя.

Друг Рэна шагнул вперед, чтобы удовлетворить любопытство Бабочки.

— Его зовут Мака'Али, и он старший брат твоего будущего мужа.

— Бизон! — рявкнул Коатль. — Знай свое место!

Выказывая высшую степень преданности, Бизон невинно пожал плечами.

— Я лишь проявляю гостеприимство, мой достопочтенный вождь. Ей

было интересно насчет вашего старшего сына... — Катери поморщилась, когда Бизон опрометчиво задел больную мозоль вождя, — ... поэтому я просветил ее. Я не хотел никого обидеть.

Он улыбнулся Бабочке, и что-то невысказанное проскочило между ними. Взаимное притяжение, вызвавшее у Катери вопрос по поводу отношения этих двоих.

Коатль холодно улыбнулся Бизону, прежде чем заговорил с Бабочкой и ее родителями.

— Вы должны простить моего воина. Мака'Али родился умственно отсталым, Бизон постоянно защищает его и говорит за него, поскольку мальчишка лишен собственного голоса.

Кое-кто из собравшихся засмеялся и стал перешептываться, а Рэн тяжело сглотнул. Он стиснул кулак на луке, пока не побелели костяшки пальцев.

— Я удивлен, что вы оставили его в живых, — сказал отец Бабочки. — Насколько я помню, ваш народ убивал таких детей при рождении. Я рад, что в вашем племени больше милосердия и порядочности, чем меня уверяли. Вы, в самом деле, благородный и замечательный вождь, раз сжалились над столь ущербным сыном.

Коатль бросил на Рэна самодовольный взгляд.

— Я пытаюсь быть к нему терпеливым, хотя он не облегчает задачу. Думаю, его послали мне как напоминание, что какого бы величия мы ни достигли в жизни, в конечном итоге мы все тщедушны. — Он хлопнул Койота по спине. — Всего несколько недель назад я едва не потерял Анукувэйя, когда тот помчался защищать Мака'Али от злобного дикого зверя. Не многие мужчины захотят рискнуть жизнью ради кого-то столь ущербного.

Бабочка улыбнулась Койоту с благоговением на лице.

— Ты в самом деле удивительно смелый. Я счастлива выйти замуж за такого героя.

Койот улыбнулся ей, а потом взглянул на Рэна. Невысказанное извинение проскочило между ними.

«Что же произошло на самом деле?»

Но Рэн не дал ей времени разобраться. Вернув Катери из своего прошлого, он отступил подальше от нее, словно боялся слишком долго находиться с ней рядом.

— Я не хотел быть вождем. Поскольку моя мать не была кетува, я не ждал, что ко мне перейдет власть. Этого не могло случиться. И все же, по всем правилам, Бабочка должна была стать моей. Как старший я должен

был жениться первым. Но отец отказал мне в этом, заявив, что я не достоин иметь жену. И недостаточно умен для этого. Вот так из-за их отношения я позволил ревности отравить меня до такой степени, что отнял у брата то, на что не имел права. Койот был хорошим и добропорядочным мужчиной, пока я не превратил его в чудовище, каким он и является по сей день.

Катери сильно сомневалась в сказанном.

— Почему он так посмотрел на тебя, когда ваш отец упомянул о спасении твоей жизни.

Рэн так сильно стиснул зубы, что заострилась челюсть.

— Мы охотились.

— Вдвоем?

Он кивнул.

— Мы поссорились. Койот хотел отправиться на юг, где я знал у вепрей логово. Но поскольку у нас с собой не было нужного оружия, я хотел отправиться на восток на другого зверя. Койот не послушался и ушел без меня. Злой как черт я пошел на восток, но меня не покидало плохое предчувствие насчет Койота, поэтому я вернулся. Внезапно я услышал, как он зовет меня. К тому времени, как я до него добрался, кабан загнал брата на дерево. Я убил вепря, но едва не лишился жизни. А когда пришел в себя, то был уже в своей кровати, а все племя праздновало отвагу Койота в спасении моей жизни.

Это взбесило Катери.

— Неужели он не рассказал отцу правду?

— Он попытался, но отец решил, что это в нем говорит скромность, и не поверил Койоту.

Прищурившись, Катери уставилась на землю, поскольку видела совсем другую картину этих событий.

Койот бежал в сторону города за помощью для Рэна. К счастью, недалеко от места, где он оставил брата, Койот наткнулся на двух мужчин, которые тоже охотились. В одном Катери узнала Бизона. А второго она видела в видениях несколько раз, но имени его не знала.

— Чу Ко Ла Та, Бизон... мне нужна ваша помощь.

— Ты убил своего брата? — с обвинением зарычал Бизон, увидев кровь на одежде Койота.

— Нет! — огрызнулся Койот. — Мы охотились, когда на Мака'Али напал вепрь. Мне удалось убить тварь, но брат тяжело ранен. Помогите отнести его.

Бизон схватил Койота за руку и побежал с ним, не дав договорить.

— Показывай, где он!

Койот повел их туда, где Рэн лежал рядом с телом кабана, униженным стрелами.

— Мака'Али? — выдохнул Бизон и потянулся проверить, жив ли еще друг.

Рэн низко застонал, но этого оказалось достаточно.

Бизон поднял и понес его.

— Ты убил вепря? — спросил он Койота.

— Да.

— Тогда почему твой колчан полон стрел, а у Мака'Али пуст?

Койот закусил губу и махнул рукой на свою ногу.

— Я тоже ранен!

Бизон закатил глаза.

— И что из того? Забрался на дерево, как трусливая сучка? Думаешь, мы так глупы, что не различим глубокие раны от клыков вепря и твоей ссадины от коры дерева?

Койот обернулся ко второму мужчине, несшему окровавленный лук и колчан Рэна.

— Чу, ты же мне веришь?

Чу Ко Ла Та резко глянул на Бизона.

— Мудрец не ставит под сомнения слова своего будущего вождя.

Бизон фыркнул.

— Между мудростью и преданностью, Чу, я выберу преданность и правду. Однажды, брат, ты тоже окажешься перед необходимостью выбирать. И я надеюсь, что когда тот день настанет, ты проявишь большую мудрость, чем сейчас.

Койот зарычал на них обоих:

— Вы можете мне не верить, но отец поверит.

— Я даже в этом не сомневаюсь, — пробормотал Бизон.

Катери покачала головой. Не смотря на все заверения Рэна, в ее видениях не Койот единственный поддерживал его.

Только один человек никогда ни словом, ни делом не дал усомниться в своей преданности.

— Твой друг, Бизон... почему он всегда беспрекословно защищал тебя?

— Потому что был дураком.

Катери рассмеялась над его невозмутимым тоном.

— Я очень в этом сомневаюсь. Расскажи мне, Рэн. Что ты сделал, чтобы заставить его узреть правду?

Рэн скрестил руки на груди и тяжело вздохнул, прежде чем заговорил:

— Когда мне было четырнадцать, в городе началась страшная эпидемия. Самая чудовищная, какую ты можешь себе вообразить. Жрецы не успевали за количеством умерших, а многие были так больны, чтобы хоть чем-то помочь, что тела жгли прямо на улице. Люди голодали, и все боялись заразиться. Поскольку я был одним из немногих здоровых, то ходил охотиться и оставлял мясо для тех, кто не мог прокормиться. Однажды, когда я принес еду для семьи Бизона, он застучал меня, прежде чем я ушел.

Катери была ошеломлена его милосердием, учитывая, насколько он был молод, и как плохо соплеменники к нему относились.

— Почему ты им помогал?

Он пожал плечами.

— Я чувствовал себя виноватым. Никогда в жизни я не болел. Даже элементарным насморком. Не знаю, из-за того ли это, что моя мать богиня, а нянька — демонесса, но я всегда был здоров. Много недель мой отец и жрецы понапрасну приносили жертвоприношения богам. Они винили меня за болезнь, ниспосланную на город. Я не хотел, чтобы невинные терпели наказание из-за меня, поэтому помогал, чем мог, оставляя еду у домов тяжело больных. — Он горько рассмеялся. — Все думали, что помогает Койот. Многие годы спустя его почитали за милосердие.

— Ты никогда не раскрыл им правды?

Он фыркнул и покачал головой.

— Никто бы не поверил мне, поэтому я помалкивал. Мне не хотелось, чтобы отец избил меня за ложь. Когда Бизон наконец оправился от лихорадки, он пришел поблагодарить меня. Я сказал ему забыть об увиденном. И посоветовал никому не говорить об этом. Он поклялся, что навечно в неоплатном долгу передо мной, и пока он жив, не будет для меня друга более преданного, чем он.

Теперь он напоминал ей мужчину, которого она видела.

— И Бизон никому не рассказал правду?

Рэн вздохнул с отвращением.

— Глупый дурак. Он никогда меня не слушал, а в других видел только лучшее. А еще твердо верил в старую поговорку, что правда важнее всего. Он попытался рассказать горожанам, кто на самом деле оставлял им еду во время болезни.

— И? — подтолкнула Катери, когда Рэн надолго замолчал.

— Отец избил его за ложь.

Катери изумилась этой тупости. Она спросила бы, не шутит ли он, если бы ее не остановил сердитый блеск в его глазах.

— Почему Койот не открыл им правду? Он же точно знал, что не делал этого.

— Он сказал, что знай они, что это мои дары, то не съели бы ни кусочка. Посчитали еду отравленной. И я знал, что брат не грешит от истины. Они бы так и подумали, не стали есть, тем самым заморив себя голодом.

У нее в глазах потемнело от гнева за Рэна. Катери хотелось поколотить кого-то за зло, причинённое ее воину.

— Твой брат не был хорошим человеком, Рэн. В противном случае, он бы рассказал вашему отцу правду.

И, тем не менее, Рэн по-прежнему защищал брата.

— Катери, ты не можешь заставить людей услышать правду, если они этого не хотят. Каждый раз, когда Койот пытался, отец считал, что он проявляет доброту ко мне и свою скромность, поэтому каждое деяние подымало Койота в глазах отца, меня же, напротив, занижало. Койоту ситуация была неприятна, и он всегда извинялся передо мной, но ничего не мог с этим поделать. До Бабочки я никогда не держал зла на него. Она стала символом, можно сказать последней каплей того, что мне дали окружающие. Именно с ее присутствием в нашем доме я понял, что у меня никогда не будет жизни, как у нормальных мужчин. Никто и никогда не захочет выйти за меня замуж. Я лишь акт милосердия, достойный в лучшем случае сожаления, а в худшем — насмешки. Ее присутствие открыло для меня, насколько я действительно всем безразличен и никчем.

— Ты не никчем.

— Не нужно относиться ко мне со снисхождением, Катери, — проворчал он. — Тебя там не было. Возможно, ты видела в видениях дела давно минувших лет, но по факту тебя там не было. Ты там не жила. Нет ничего хуже, чем оказаться пленником ситуации, из которой не в силах сбежать. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне следовало набраться храбрости и сбежать от них, но страх стал для меня преградой. Я думал, что если близкие люди так обращаются со мной, то как же поступят чужаки? Не говоря уже о том, что горожане проявляли ко мне чудовищную жестокость, возможно, даже хуже родных. Так что, куда бы я ни подался, это ничего не изменило бы. Я оказался бы сам по себе. Изгой. — С холодным взглядом он понизил голос на октаву. — И с тех пор одиннадцать тысячелетий переездов с места на место доказали, насколько я был прав. Ничто и никогда не меняется, кроме одежды и причесок.

Катери хотела поспорить на сей счет, но сердцем чувствовала его правоту. Что бы Рэн ни думал, она знала, люди могли быть невероятно

жестоки. На ее век выпала своя доля оскорблений.

«Впрочем, кое о чем он мне так и не рассказал».

— Так что ты сделал после их свадьбы?

Рэн пожал плечами.

— Они не поженились. Бабочка влюбилась в Бизона в тот момент, когда он заступился за меня в день ее прибытия.

— О... — Катери съежилась, надеясь, что в этом не обвинили его. — Я так понимаю, из этого ничего хорошего не вышло.

— Нет. Не вышло. — Рэн провел пятерней по волосам. — Я разрушил им всем жизни. Если бы не я, Койот женился на Бабочке, и они бы счастливо прожили жизнь.

Катери этому не поверила.

— Если бы ты не спас ему жизнь, ваш отец не устроил бы сватовства. В любом случае, Бабочка вышла бы замуж за кого-то другого. — Она подошла ближе, намереваясь обхватить ладонью его щеку. — Каждый сам кузнец своего счастья, Рэн. И все, кроме Бизона, были с тобой жестоки. Ты страдал, а никого из них это не волновало.

Он хотел отступить, но Катери не позволила.

— Ты можешь мне довериться, Рэн. Я бы никогда не использовала в собственных интересах твое сердце.

Рэну хотелось поверить ей, но как он сказал: ничего не меняется. Он никогда не изменится.

— Я родился сломленным, Катери. И не похож на других мужчин. Я не могу получить то, что есть у них.

— Ты ошибаешься. Но я не буду давить на тебя. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. А потом прошептала на ухо: — И, между прочим, я считаю тебя самым красивым мужчиной на планете.

Эти слова так много значили для него. Все.

«Для тебя это новый вид пытки».

Истинная правда. Ее присутствие. Доброта. Как же жестоко видеть ее сейчас рядом и знать, что твоей она никогда не будет.

А еще он устал от постоянных пинков.

— Мы должны идти. Нам повезло, что нас никто не нашел.

Катери кивнула.

— Что от меня нужно?

«Останься со мной».

Рэн не знал, откуда взялась эта мысль и почему вообще взбрела в голову. Она просто возникла из ниоткуда.

— Просто не теряй бдительность. Думаю, что я исцелился достаточно,

чтобы вытащить нас отсюда.

Катери кивнула.

— Хорошо. Держу пальчики скрещенными.

Кабеса успел добраться до Талона, когда небо разверзлось кроваво-красным ливнем. Гром грохотал так сильно, что дом трясся, а молния вспыхивала одна за другой.

— С тобой все в порядке? — спросил Талон, пока Кабеса проверял, не подпалилось ли у него что-нибудь. Или не оторвал ему что-то Чаку.

— *Si*. Да.

Кабеса повернулся и увидел Саншайн, жену Талона, на черном кожаном диване рядом с Ашероном Партенопеусом, который держал на руках ее грудного ребенка. Обуреваемый дурным предчувствием, Кабеса дважды окинул взглядом короткие темные волосы Эша.

— *Madre de Dios*^[40]... это признак Апокалипсиса. Что случилось с твоими волосами? Кто-то снял с тебя скальп?

Никто и никогда за все столетия не видел Ашерона с короткими волосами. Независимо от модных тенденций и эпохи, они неизменно были до середины спины.

Всегда.

— Расслабься, — сказал Эш с нотками смеха в голосе. — Мы с Тори пожертвовали наши волосы в «Локоны любви^[41]» в честь первого дня рождения Бастиана, чтобы выказать нашу безмерную благодарность за здорового ребенка. Они снова отрастут.

«Снова отрастут?»

Возможно, но... это прямым текстом прочило бедствие.

— Эй! — окликнула Саншайн Кабесу с широкой улыбкой. — Тебе бы следовало увидеть его полгодика назад. Все начиналось с ёжика.

Кабеса вытаращил глаза, молча пытаясь представить бесстрашного лидера Темных охотников с ёжиком.

— Из всего дерьма, что я повидал за последние два дня, это единственное пугает меня до чертиков. Кажется, мы ускорили обратный отсчет.

Закатив глаза, Ашерон вернул малыша матери, а потом встал. Его длинное черное кожаное пальто опустилось до темно-красных Доктор Мартинс. Хотя Ашерон был самым древним из Темных охотников, внешне

он выглядел самым молодым. Эш умер в двадцать один год. И откровенно говоря, напоминал подростка, пока собеседник не заглядывал в его глаза. Лишь они выдавали его древний возраст...

И мудрость.

К ним вышел Рейн, красуясь огромным черным фингалом. Синяк еще не сошел, после того, как Кабеса спас его в Лас-Вегасе.

— Есть хоть какая-то весточка о Тери? — спросил он Кабесу.

— Дело дрянь. Они в Шибальбе.

Ашерон витиевато выругался.

— Неудивительно, что я не смог их найти с помощью своих сил. — Он посмотрел на Рейна, поясняя свои слова: — Я не увижу, что происходит в адской обители другого пантеона, пока физически не спущусь туда.

Талон нервно хохотнул.

— Я стараюсь максимально избегать необходимости спускаться в ад.

Эш потер затылок, словно от замечания друга ему стало по каким-то причинам неудобно.

— Чисто из любопытства, ты в курсе на каком они уровне?

— Насколько я могу судить, на первом.

Эш вздохнул с облегчением.

— Как считаешь, Рэн знает, что не стоит спускаться ниже четвертого?

Кабеса задумался. Эш прав, если Рэн и Икскиб опустятся ниже уровня воды, то не смогут вернуться. Они навсегда останутся в Шибальбе.

— Учитывая, что он не майя, я бы не рассчитывал на это. Есть вероятность, что он даже не знает, где находится.

— Ладно, — сказал Талон. — Взглянем на плюсы.

Кабесе захотелось узнать об этом поподробней.

— И какие же?

— Никто не сможет добраться до камня времени, ведь так?

Кабеса склонил голову.

— Все верно. Но есть маленькая проблема.

— И какая? — поинтересовался Талон.

— Если Икскиб с Кичини не окажется в храме до конца недели, даймоны больше не будут нашей главной заботой, *amigo*^[42]. Представь, каждое известное зло из всех пантеонов одновременно вырвется на свободу. Все демоны и хищники, сосланные в небытие священниками и шаманами на протяжении всех столетий.

От этих слов Эш замер как вкопанный.

— Что-то не так? — спросил Талон.

Эш не ответил. Он просто переместился из комнаты в Кататерос.

Атлантскую небесную обитель, откуда их боги когда-то управляли островным царством и вели войну против греческого пантеона.

Именно здесь мать Эша, Аполлими, уничтожила свою семью за совершенные ими злодеяния против Ашерона, когда ей пришлось спрятать сына в мире людей.

Воспользовавшись божественными силами, он распахнул богато украшенные двери в главный зал и прошел по коридору, где располагался символ их могущества. В ту секунду, как он переступил порог, джинсы и футболка сменились древним одеянием его народа, а на спине возник символ солнца, пронизанного тремя молниями.

— Алекссион! — позвал Эш, войдя в тронный зал.

Его друг и слуга мгновенно появился пред ним. Всего на восемь сантиметров ниже Ашерона, Алекссион был древним греческим воином и первым Темным охотником, созданным Артемидой.

Кроме этого, он стал первым Охотником, умершим без души. Чтобы спасти Алексциона от страданий из-за допущенной ошибки, Эш забрал грека в Кататерос, где тот существовал в бестелесной форме. Не идеально, но не столь ужасно как альтернатива.

С растрепанными светлыми волосами Алекссион застегивал рубашку.

— Что случилось, акри? Ты никогда так не орал. Сими слопала кого не следовало?

Эш провел рукой по татуировке дракона на предплечье. Это была Сими, и сейчас она спала. Его демон шаронте и личная телохранительница.

По большей степени он относился к ней как к дочке, и ради ее защиты Эш был готов сделать все что угодно.

— Нет, с ней все отлично. Я переживал за тебя. Ничего не случилось?

— В смысле?

Эш не хотел пугать друга, но, тем не менее, не мог рисковать, не предупредив о том, что могло произойти в ближайшие дни.

— Боги могут пробудиться.

Алекссион с минуту простоял как истукан и только потом заморгал.

— То есть, те жуткие статуи в подвале оживут?

— Да, если не сбросят календарь.

И когда боги пробудятся, то будут в бешенстве.

— Отстой, — вздохнул Алекссион. — И по отношению к нам они настроены недружелюбно?

Эш покачал головой.

— Они в дикой ярости на меня и мою мать. Тебя могут пощадить.

У Аксиона вырвался нервный смешок.

— Я грек, а атланты нас люто ненавидят, так что твое предположение — несусветная чушь. Они не один век пытались нас грохнуть. Так, как нам не допустить их возвращения?

— Мы должны вытащить сына Стеропы и кузину Саншайн из адской обители майя.

Алексион с наигранным смехом хлопнул Эша по бедру.

— Ты такой шутник, босс. Пора с эти завязывать. Прекращай, ты меня убиваешь.

Эш прижал пальцы ко лбу, хотя у него априори не могла болеть голова, но он мог поклясться, что чувствует признаки мигрени.

— Вот в такие минуты я жалею, что ты бестелесен, и я не могу хорошенько тебе врезать.

Алексион посерьезнел.

— А если без шуток, ты можешь туда отправиться?

— И да, и нет. Я могу, но не знаю, что повлечет за собой мое присутствие в той обители. Боги майя, как и наши, в спячке. Но я не знаю, что конкретно в их случае это значит. Они превратились в статуи или связаны, как моя мать. Если они привязаны к обители...

— Чужой бог в их домене — скверная штука.

— То-то и оно.

— И кто точно знает, что там творится с богами?

Эш обдумал ответ.

— Ответственный за них хтонианин мертв. За тот приступ ПМС можем поблагодарить Савитара.

— Ах... Итак, а что с хтонианином Южной Америки, он на нашей стороне?

— Эканус не на нашей стороне. Он очень похож на Савитара. Отстранился от мирских забот, пустив все на самотек. И поскольку большинство их богов не у власти, Экантус тоже. Пока другие хтониане не суются на его территорию, он не спускается со своего дома в горах.

— Ох... И кто тогда может сгонять за нашим парнем?

— Я могу.

Они повернулись и увидели в дверном проеме Уриана. Высокий и смертельно опасный с длинными светлыми волосами, собранными в хвост.

Эш резко вздохнул.

— Ты тоже сын бога.

— Полубога, а еще я мертвый и бездушный. Я не предан и не лоялен ни одному из пантеонов. — Уриан зыркнул на него. — Кроме твоего, конечно, но без обид, всем глубоко начхать на атлантов.

«Без обид... почему люди используют эти два слова всякий раз, зная, что заденут чувства другого, как будто это извиняет их поведение?»

Алексион расхохотался, прежде чем обратился к Ашерону:

— А я-то думал, что стараюсь изо всех сил достать тебя. — Он снова хохотнул. — Блин, Уриан, ты это делаешь с завидной легкостью.

Уриан показал ему средний палец.

Эш не обращал внимания на подтрунивания двух мужчин, которые большую часть времени вели себя как братья.

— Ты, правда, этого хочешь? — спросил он Уриана. — Если мне не изменяет память, ты сражался за уничтожение человечества, а не ради его защиты.

Уриан пожал плечами.

— Благодаря папочке я пересмотрел свое отношение. И тебе нужен кто-то, способный призвать силы основного источника, чтобы вытащить их оттуда. Существа, привыкшего входить и выходить из адской обители.

Уриан определенно был в этом асом. Его отец — лидер даймонов, ради борьбы с которыми и были созданы Темные охотники. В течение многих столетий Уриан служил правой рукой отца, пока Страйкер не убил его жену, поскольку Уриан солгал отцу ради ее защиты.

И если этот поступок покажется недостаточно хладнокровным, то стоит упомянуть, что Страйкер бросил Уриана умирать. Если бы не Эш, Уриан сейчас бы здесь не стоял.

С другой стороны, Уриан был внуком Аполлона — греческого бога солнца и эпидемий. Так что, возможно, отправить его в Шибальбу не такая уж плохая идея, так как нельзя заранее угадать, что овладеет Рэном. Если кто-то и мог обуздать зло, то только Уриан.

— Ладно. Но тебе нужен кто-то, способный разыскать их.

— Я позвоню Саше. В худшем случае, если волк с доблестью погибнет по глобальной глупости, его, как и меня, некому оплакивать.

Эш, прищурившись, посмотрел на одного из немногих людей, которому доверял и считал своей семьей.

— Ты прекрасно знаешь, что это чушь собачья.

— Я не говорю о дружбе, Ашерон. Если мы умрем, вы это как-то переживете. Это не сравнимо с потерей супруга или ребенка. Как я уже сказал, нас с Сашей некому оплакивать.

Эш вздрогнул от боли, с которой Уриан жил каждый день. Смерть одного за другим унесла его родных братьев, сестру и мать. Он лишился двух усыновлённых детей и бесчисленного количества друзей. Но самое печальное, Уриан потерял горячо любимую Фиби.

Сердце кровью обливалось за друга. Эш потер большим пальцем свое обручальное кольцо. Хотя он и раньше представлял, насколько больно Уриану из-за потери Фиби, но теперь Ашерон узрел все масштабы трагедии в новом, ужасающем свете. Одна лишь мысль о потере жены разрывала сердце на части. Поэтому Эш поражался, как Уриан может дышать и двигаться.

И он даже думать не мог о потере сына, не испытывая жажды убить всех окружающих. Впервые за одиннадцать тысячелетий Ашерон полностью понял гнев своей матери. Если бы что-то подобное случилось с его семьей, то ярость матери по сравнению с его была бы похожа на нежный летний ветерок.

Для Уриана можно считать огромным достижением и победой, что он каждый день встает с кровати, не выплескивая дерьмо на весь мир. Эш никогда не знал более сильной личности и безмерно уважал этого мужчину.

— Я хочу, чтобы ты был осторожен и взял с собой кроме Саши Кабесу. Вам нужен кто-то, знающий пантеон и способный говорить и читать на их языке.

— Я говорю и читаю по-гречески, Ашерон. Скажи, что на земле может быть хуже? — с насмешкой спросил Уриан

— Язык ольмеко и майя. Ты когда-то пробовал их изучать?

— Дай подумать... нет. Для этого никогда не было причин. Кроме того, я считал их космическими пришельцами.

Алексион фыркнул.

— В последнее время он частенько смотрит исторические передачи.

Уриан скривил губы.

— Приходится чем-то заниматься, чтобы заглушить твои с женой охи и вздохи. Желаю вам двоим обзавестись звукоизоляционной комнатой. Хотя мне еще предстоит понять, как двое бестелесных могут... проехали. Не желаю даже думать об этом.

— И на этой ноте я возвращаюсь в мир людей, чтобы помочь в борьбе со злом, стремящимся уничтожить человечество.

— Ты не отправишь сюда Тори и Баса? — спросил Алексион.

Эш покачал головой.

— Я отправил их к матери, когда все началось. Если мы проиграем, то мне кажется, там будет безопасней всего. По крайней мере, я знаю, как далеко мать зайдет ради их защиты.

— Это уж точно. Ладно, я пойду наблюдать за статуями и дам знать, если хоть одна из них рыпнется.

— Сделай одолжение!

Уриан кивнул Ашерону.

— А я отправляюсь на встречу с Сашей и Кабесой.

Эш не двигался, пока эти двое не исчезли исполнять свои обязанности. Он провел рукой по татуировке, где на его теле спала Сими, раздумывая стоит ли отправить и ее к Аполлими. Но он прекрасно знал причину своих колебаний. Сими никогда не бросит его одного сражаться с врагами, и этот факт больше всего тревожил Ашерона. Как бы он ни старался, но не смог забыть, что из-за него одного Сими лишена матери, ведь до удочерения Сими стала сиротой по его вине. Ее мать умерла, пытаясь не дать Аполлону выпотрошить Ашерона. Бедная шаронте потерпела неудачу, но, по крайней мере, она пыталась.

Каждый раз, глядя на Сими, его съедало сильное чувство вины. Вот поэтому он не мог отказать Сими ни в чем, кроме убийства других существ. Это единственное, что он запретил ей делать. Конечно, если в первую очередь ей не угрожали. В этом случае открывался сезон, и Сими могла залить идиотов соусом барбекю и слопать их с потрохами. Все по ее вкусу.

Закрыв глаза, Ашерон попытался увидеть будущее, что не должно было стать для него проблемой. Но поскольку оно влияло на многих людей, о которых он заботился, Эш ничего не смог увидеть.

Он чувствовал его в сердцебиении мира, раздающемся твердым гулом у него под ногами. Оно вибрировало сквозь него. Звезды становились в ряд, а врата ослабевали.

Зло придет, и оно не станет брать пленных.

Да начнется война...

ГЛАВА 11

Рэн тихо выругался. Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько никчемным, что подводило жирную черту в сложившейся ситуации и его неспособности вытащить их из этой сферы.

— Мне так жаль, Катери.

— Эй... — Катери потянула его за руку, вынуждая остановиться, пока они продвигались через бесконечный лес. — Ты не должен извиняться за то, над чем не властен. Мы справимся. Обязательно выберемся отсюда.

— Откуда столько веры?

— Ой, да ладно, ты победил саму смерть и вернулся к жизни. Ты тоже должен верить. Уверена, что все так и есть.

От ее слов у него слегка изогнулись края губ. Рэн заглянул в самые

красивые глаза, опалившие его сердце до основания, глубоко поражаясь способностью Катери найти позитив и повод для смеха даже в самой скверной ситуации.

«Отойди от нее. Сейчас же!»

На этот раз он не прислушался к доводам рассудка. Откинув все сомнения, Рэн поцеловал ее. От аромата кожи и вкуса рта Катери тело вмиг воспламенилось. Всё вокруг шло наперекосяк. В буквальном смысле. Его основные сверхспособности не работали. По пятам их преследовали демоны. Первый Страж до сих пор не объявился. Чу пленен...

А Катери стала подобно тихой гавани среди бушующего шторма. И это напрочь лишено логики. Тут в самую пору заняться самобичеванием за неспособность разобраться в ситуации, но, глядя ей в глаза, он не видел и следа презрения или неуважения. Одна лишь дружба. Доброта. Поддержка.

Хуже всего огонь ответной страсти.

Вместо того чтобы есть его поедом за то, что втравил их во все это, Катери улыбалась и отшучивалась, пытаясь приободрить. Она не обзывала его глупым и никчемным. Не обвиняла за свалившийся на ее голову дурдом.

Катери заставила его почувствовать себя мужчиной, каким он всегда хотел быть. Возможно... Именно «возможно», что им хоть немного дорожат и ценят. И ради него не жалко отдать жизнь.

Он уткнулся лицом в изгиб ее шеи, наслаждаясь слабым ароматом духов. Он всегда обожал запах валерианы, а на Катери...

У него потекли слюнки от желания попробовать.

Катери притянула Рэна к себе, ощущая, как колотится его сердце. У нее очень давно не было близости с мужчиной. Конечно, не одиннадцать тысячелетий, но довольно много месяцев. Они с Фернандо разделяли одну философию: работа всегда на первом месте. Нужно сделать кучу открытий и заполнить ворох документов. Провести лекции и помочь студентам. Катери не удавалось найти мужчину, который бы уважал и понимал все ее нужды. Подстроился под ее график.

«Ты геолог. Какого дьявола тебе приходится работать по ночам и выходным?»

Исследовательская работа и подготовка материала к занятиям сама собой не делается, а написание отнимало у нее вагон времени. По непонятным причинам Катери словно попала в ловушку странной временной петли. Она только садилась и начинала корпеть над бумагами, а в следующее мгновение на часах было пять, а телефон вибрировал от сообщений, почему она еще не дома или там, где ее ждали после работы.

Мир словно замирал, когда она погружалась в дела. Катери могла, не вставая и даже не моргая, просидеть несколько часов над заданиями.

Но самая простая истина заключалась в том, что ни один мужчина, с которым она встречалась, не стоил переживаний и не вызывал стремления прийти вовремя на свидание. Хотя порой они весело проводили время, все ухажеры неизменно начинали жаловаться на ее график работы, странные убеждения и привычки, а потом по-тихому сваливали. Никогда они не были для Катери главным приоритетом.

Но Рэн совсем другой.

Рядом с ним она чувствовала себя нормальной. Катери знала, что если расскажет ему о черном пересмешнике, он не станет смеяться или скептически закатывать глаза, наоборот, он сам с ними знаком не понаслышке. А подаренный им лунный камень говорил о том, что Рэн понимает ее увлечение горными породами и минералами. Он чувствовал силу, которая в них таилась, и знал, как в нужный момент их использовать. И делал это.

Более того, от Рэна захватывало дух. Его знания... сила... способности. После их встречи она не вспоминала о работе.

Ну, ладно, предположим, они боролись за выживание, но все же...

Он целиком и полностью завладел ее вниманием. Ради него она бы с радостью отложила в сторону свои исследования. А чтобы заставить его на самом деле, именно по-настоящему, улыбнуться, не грех опоздать на лекции. Насколько это кажется бредовым?

Они только встретились, и все же... Катери знает его много лет.

— Ты когда-нибудь видел видения обо мне?

Отстранившись, Рэн посмотрел на нее, обхватив ладонью за щеку, а большим пальцем глядя подбородок. Сначала Катери решила, что он не ответит, но после небольшой паузы Рэн слегка кивнул.

— Что ты видел?

Первым в голове всплыл образ, как она убивает его. Теперь, по крайней мере, Рэн понял, почему никогда не дрался с ней. Но это не единственное видение, которое у него было.

— Я видел тебя в желтом платье с вышитым на нем колибри в тон свитеру. Совсем юную, с желтыми лентами в волосах. Ты чему-то радовалась и обнимала пожилого мужчину.

Очаровательная улыбка заиграла на ее губах, напоминая ему ту, что Рэн видел в видении.

— Мое шестнадцатилетие. Бабушка сшила для меня это платье. Я его ненавидела, но не хотела ранить ее чувства, поэтому носила.

— А мужчина?

— Мой отчим. Марут Авани удочерил меня перед смертью матери. Вот почему у меня его фамилия. Он был родом из Нью-Дели и вечно подшучивал, что, как не крути, а я индианка.

— Что с ним случилось?

— Когда я училась в колледже, он умер от рака.

— Соболезную.

Катери сглотнула подступивший к горлу комок. Она так любила отчима... И каждый божий день ужасно скучала по нему.

— Спасибо. Он был замечательным человеком. С мамой они поженились, когда мне было четыре. Ты никогда бы не догадался, что он не мой биологический отец.

— Вы с ним танцевали, когда ты была старше. На тебе была коротенькая синяя юбка и белая блузка.

Катери кивнула.

— Это были благотворительные танцы отца с дочерью, организованные его фирмой.

Рэн окинул ее хмурым взглядом.

— Почему во время одного из танцев ты расплакалась? Он ранил твои чувства?

— О боже, нет конечно. Незадолго до этого ему диагностировали рак, а во время танцев заиграла песня Боба Карлайла «Поцелуй Бабочки».

— Мне она не знакома.

— Это песня о женщине и ее отце...

Катери разрыдалась не договорив.

— Ш-ш-ш... — прошептал Рэн, заключая ее в объятия. — Прости, Катери. Я не хотел, чтобы ты расплакалась.

— Нет, все нормально. — Она шмыгнула носом, пытаясь сдержать слезы. — Как бы я хотела, чтобы у тебя был такой отец, Рэн. Марут Авани безмерно любил меня. Не проходит и дня, чтобы я не чувствовала его потерю, равную по силе той, что испытываю от утраты матери и бабушки. Мне безумно повезло, что он был в моей жизни. Ты даже представить себе не можешь, насколько сильно он обожал мою мать. Ко дню смерти на его столе стояла их свадебная фотография, и он попросил во время похорон положить ее фотографию на его сердце и прикрыть руками. Помню, однажды по происшествию многих лет после смерти мамы, я спросила его, почему он ни с кем не встречается. Он ответил, что нашел свою идеальную половинку, и нет смысла пытаться искать другую. Ни одна другая женщина никогда не будет значить для него так много, как моя мать, и у него нет

места в сердце или жизни для кого-то другого. Быть рядом со мной — его главная задача и единственное желание.

Рэн не мог до конца осознать описанной Катери любви. Она казалась просто невероятной.

— Я рад, что он был столь добр к тебе.

У Катери вырвался глубокий, наполненный болью всхлип.

«Что я не так сделал?»

Рэн обхватил ее лицо ладонями. Никогда в жизни он не чувствовал себя столь потерянным. Ему не хотелось ранить ее своими словами. Сдуру он подумал, что облегчит ее боль. Он так мало проводил времени рядом с женщинами, что не знал, как ей помочь.

«Неужели все делают такое?»

Это нормально? Или своим невежеством я окончательно добил ее?»

Тем не менее, она рыдала так, будто внутри у нее что-то надломилось.

«Что же мне сказать?»

После последней попытки Рэн боялся даже открыть рот.

— Не смотри на меня, — простонала она.

Он отпустил ее и начал отворачиваться.

Катери остановила его и бросилась в объятия. Рэн стоял ошеломленный.

«Ладно. Она хочет, чтобы я ее обнимал и при этом не смотрел на нее. Странно, но, да ладно.

Проклятье, Сандаун, где ты, когда мне нужен твой совет. Конечно, женатый друг в курсе, что делать.

Возможно...»

Рэн пытался припомнить, как ему утешить ее. Единственной на ум приходила картина матери с плачущими детьми. Женщина держала на руках свое чадо и укачивала его.

Подняв ее на руки, Рэн отнес Катери на небольшую поляну и усадил девушку себе на колени. Убрал волосы с ее лица, пока Катери, рыдая, прижималась к его груди.

«Ничего себе!» — это единственные приличные слова, которые он смог подобрать.

«Мне никогда не понять людей.

С этим не поспоришь. Они всегда были для меня полной загадкой».

Так он нежно обнимал и качал ее, надеясь, что на них не нападут, пока она не успокоится.

Катери возненавидела то, как сейчас расклеилась. Именно это она сильней всего ненавидела в печали. Порой знакомый аромат, образ или

мелодия подкарауливали ее, вызывая воспоминания о похоронах, и она понимала, насколько сильно скучала по родным. Как сильно хотела вернуть их назад, а еще насколько разрывалась душа от осознания, что она никогда больше не увидит их снова. Это так несправедливо. Многим людям повезло, и родители рядом всю их жизнь. Но только не ей. До прошлой ночи она даже никогда не встречалась со своим биологическим отцом.

И как бы больно ни было, Катери даже представить не могла, насколько тяжело вообще не знать родителей. Она задавалась вопросом, что хуже. Не знать, что ты упускаешь, или в полной мере чувствовать любовь и заботу близких, а потом их потерять.

Прикрыв рукой глаза, она застонала, поняв, насколько сумасшедшей истеричкой кажется для Рэна.

— Прости, дорогой. Последние несколько дней были ужасными. Мне страшно, и перед всем этим дурдомом я потеряла одного очень хорошего друга.

Рэн не ответил, просто продолжал укачивать ее.

Нахмурившись, Катери смахнула слезы и посмотрела на него.

— С тобой все в порядке?

Он кивнул, затем вытер ее слезы.

— Тогда почему ты не разговариваешь со мной?

На его лице промелькнула паника. Он посмотрел вдаль, словно пытаюсь придумать ответ.

— Рэн? Поговори со мной.

Его губы дернулись, прежде чем он наконец тихо сказал:

— Я не хочу сказать что-то не то и расстроить тебя еще сильнее.

У нее вырвался всхлип от простодушности признания.

— Ох, видишь, именно этого я добился. Прости, Катери. Я больше ничего не скажу. Обещаю, я буду молчать.

Она положила голову ему на плечо и обняла за шею.

— Ты тут не причем, малыш. Ты ничего не сделал, дорогой, абсолютно ничего плохого. — Катери сильнее обняла его, желая, чтобы Рэн понял. — Ты такой замечательный...

Рэн слышал, что она говорит, но не мог разобрать слов. Не после того, как она назвала его дорогим и малышом. Никто никогда раньше не обращался к нему ласково. До сих пор самое большее, к чему он приблизился — друг или брат.

Но малыш...

Он никогда не был ничьим малышом.

— Ты меня слушаешь?

«Вероятно, тебе стоит согласиться».

Это был самый мудрый поступок, но по какой-то причине правда вылетела из его рта.

— Эм... нет.

— Почему ты меня игнорируешь? — с диким блеском в глазах она набросилась на него как фурия.

— Я-я-я... — Рэн открыл рот пытаясь объяснить, но смог лишь пролепетать одно слово.

«Почему со мной это вечно происходит, когда я меньше всего хочу выглядеть идиотом?»

Рэн ожидал, что она рассердится. Вместо этого Катери страстно его поцеловала. Тело опалило огнем, а член затвердел как гранит.

Катери отстранилась.

— Что ты пытался сказать?

Его лицо вспыхнуло.

— Я ничего не слышал после того, как ты назвал меня малышом.

Катери прижала ладонь к его щеке при виде муки, омрачившей лицо Рэна. У нее сердце кровью обливалось. Учítывая увиденное прошлое, она могла поспорить, что впервые к нему обращались ласкательно. В то время как большинство людей с рождения называют «дорогими» и «любимыми», у него такого не было. Плюс Рэн до такой степени отгородился от других, что его, вероятно, так даже официантка не называла, не говоря уже о том, кто по-настоящему о нем заботился.

— Знаю, где-то в глубине души тебе кажется, что всем на тебя плевать. Никто тебя не замечает. Не знает. Но я тебя вижу, и ты для меня действительно важен. Мне точно известно, каково чувствовать себя одиноким на всем белом свете. — Катери горько рассмеялась, вспомнив, как Фернандо процитировал ей одну из самых знаменитых новаторов в области археологии и антропологии. — Маргарет Мид однажды сказала, что одна из старейших человеческих потребностей — иметь кого-то, кто волнуется, когда ты не приходишь вечером домой.

Она улыбнулась ему.

— Нет ничего более одинокого, чем пустой дом, когда ты ложишься спать. Я потеряла всех, кого когда-либо любила, и меня до чертиков пугает мысль впустить тебя или кого-либо в свое сердце, а потом вновь почувствовать боль утраты. Ведь каждый раз, теряя близкого человека, частичка меня уходит в могилу вместе с ним, и я не уверена, сколько от меня осталось. Но я готова совершить этот прыжок снова... ради тебя.

Рэн тяжело сглотнул, поняв, отчего она разрыдалась. Никто никогда не

говорил ему ничего добрее. Ее слова задели в его сердце струны, о существовании которых он даже не подозревал. Сокровенный уголок, к которому никто прежде не прикасался.

— Дорогой, я тебя никогда не обижу, — выдохнула она.

В ту секунду он полностью затерялся в ней. Погиб.

«Я конченный недоумок».

В этот раз он даже не переспал с женщиной и не должен был сближаться, но, тем не менее, она проникла в его сердце. Рэн не знал, как это произошло. С другой стороны, он пропал, когда она ему впервые улыбнулась.

— Ты не хочешь ничего мне сказать?

Рэн не доверял своему голосу. Вместо этого он поцеловал ее медленно и нежно, наслаждаясь танцем их переплетенных языков. Тяжело дыша, он прижал ее к земле своим телом. Рэн почти ослеп от нахлынувшего на него невероятного удовольствия.

Катери улыбнулась, когда он стал усыпать горячими поцелуями ее шею. Она бы обиделась, если бы не понимала, почему он молчит. Но это не в его натуре. Он из немногословных мужчин. За него говорят поступки, а не слова. В каком-то смысле ей это даже нравилось. Невозможно неправильно истолковать его нежность.

Он медленно расстегнул ее рубашку и провел ладонью по груди. Со стоном Катери выгнула спину, настолько он был хорош. Голод в его глазах обжигал, пока Рэн пытался справиться с лифчиком.

Катери улыбнулась, заметив, насколько он сбит с толку.

— Крючки спереди.

Рэн так и не разобрался, как его расстегнуть.

— Я так понимаю, раньше такого белья не было.

— Нет. Похоже на шкатулку с секретом.

Она со смехом взяла его за руки и показала, как снять лифчик.

Рэн с шумов вздохнул при виде ее груди. Он думал, что поролон добавляет ей размер, но глубоко ошибался. И хотя в этом деле у него нет большого опыта, Рэн понимал, что она щедро одарена матерью природой.

— Ты так красива.

Катери взяла его за ладонь и поднесла руку ко рту, поцеловала и слегка прикусила костяшки. По его телу пронеслась дрожь. Опустив его руку обратно на грудь, Катери притянула к себе голову Рэна и стала покусывать его губу. Будь его воля, он бы с радостью умер в этот прекрасный миг сладостных ласк.

Катери почувствовала, как напряглись мышцы на его челюсти, когда

Рэн сцепил зубы. Необузданная сила и власть. А еще восхитительная уязвимость, которой по идее не должно было быть в столь свирепом существе. Все это объединено в самой неотразимой гармонии.

Желая доставить ему удовольствие, Катери стянула через голову рубашку с Рэна, а потом перевернула его на спину. И замерла, увидев шрамы и раны, исполосовавшие его тело. Но от вида одного в центре его груди у Катери сердце облилось кровью. Неровный и грубый, размером с ее кулак.

Катери прижала дрожащую ладонь к шраму, за которым гулко билось сердце. В ту же секунду с кристальной ясностью ее накрыло ужасное видение...

Рэн и Койот дерутся над трупом истерзанного до неузнаваемости мужчины.

Покрытый с головы до ног кровью Койот глумился над Рэном, который был до ужаса поражен деянием брата.

— Это все из-за тебя! Виновата твоя мелочность и зависть. Почему ты не мог просто за меня порадоваться? Хотя бы один раз в жизни. Почему? Если бы ты оставил нас в покое, ничего бы этого не произошло. Не было бы Духа Гризли. Стражи никогда бы не понадобились, и он... — Койот махнул рукой на тело с торчащим ножом, — никогда бы не пришел сюда за ней.

Рэн не ответил. Его взгляд был прикован к запачканным в крови рукам Койота. Она стекала струйками на землю, туда, где... в луже крови лежал мертвый Бизон.

Катери узнала имя человека только потому, что оно было известно Рэну. Он вздрогнул от нахлынувшего на него безмерного горя.

— Как тебе удалось это сделать? Он был Стражем.

«И моим лучшим другом».

Одним единственным, кто вопреки всему поддерживал его.

Даже когда зло завладело Рэном, и он с радостью служил ему, Бизон остался на его стороне и защитил.

А теперь брат Рэна его убил.

«Моя жестокость свела Койота с ума...

Мой брат был безгрешен и порядочен, пока я не истязал его. Это моя вина. Все это из-за меня».

Койот плюнул на спину Бизона.

— Он был ублюдком, укравшим у меня ее сердце.

Рэн медленно покачал головой. Вина и горе разрывали его на части.

— Сердце нельзя похитить, брат. Его можно только подарить.

Койот презрительно усмехнулся.

— Ошибаешься! В тебе говорит зависть.

Но это не так. Рэн научился бороться с нею. Он больше ничего не чувствовал, кроме вины и раскаяния.

Только уже слишком поздно. Все хорошее в его жизни уничтожено.

Все.

Он устало опустился на колени рядом с Бизоном и прошептал короткую молитву.

Пронзительный крик отозвался эхом. Подняв глаза, Рэн увидел, как Бабочка бежит к своему Бизону. Рыдая навзрыд, она упала на его тело, не обращая внимания на кровь возлюбленного, испачкавшую ее одежду.

— За что? Почему? Почему ты причинил мне такую боль?

Койот скривил губы.

— Ты разорвала на куски мое сердце.

— А ты убил мое.

Она легла на Бизона и заплакала. От ее душераздирающих рыданий у Рэна волосы стали дыбом.

Рэн поднялся, позволив Бабочке оплакать своего возлюбленного, сам желая сразиться с братом.

Это было его ошибкой. Он не подумал о том, что случится, если Бабочка начнет взывать к богам и духам.

А потом стало слишком поздно. Вихри ветра вырвались из леса и закружились вокруг них. Потоки воздуха слились воедино, и появилось два вестника. Они затрубили в горны, оповещая о прибытии самого страшного существа в этом мире.

Духа Мщения. Его мог вызвать лишь плач обиженной женщины, жаждущей расправы над своими обидчиками.

Возник неясный белый силуэт в перьях и кожаном одеянии. Волосы и прозрачная кожа прикрывали худощавые как у скелета черты лица. Единственным ярким пятном на белом фоне была нить темно-синего бисера на шее.

— Зачем меня вызвали? — спросил он.

Бабочка подняла глаза, ее красивые черты исказило горе, сейчас она выглядела постаревшей и изнуренной. Волосы развивались вокруг тела, во взгляде сквозила ярость.

Она показала пальцем на брата Рэна.

— Койот отнял у меня сердце. А я, как расплату за содеянное, хочу забрать сердце у него.

Дух Мщения поклонился ей, а потом повернулся к мужчинам. Его

лицо сменилось от старого изможденного человека с длинными волосами до облика первородного зла. Дух открыл рот, и тот отвис до пола, искажая и удлинняя черты.

Катери ужаснулась от этой картины. Забудьте Голливуд, это пострашней любой задумки Уэса Крэйвена^[43]...

Изо рта вылетал гигантский орел с одиноким призрачным воином на спине, который поднял копье.

Рэн отошел, чтобы дух смог отомстить.

От дикого крика задрожала земля, и копье полетело прямо в сердце Койота.

Всего секунду назад Рэн стоял в стороне, но тут неожиданно очутился на месте брата. Он даже не успел понять, что произошло, как копье пронзило его тело, попав прямо в сердце. От силы удара его отбросило к дереву.

Рэн задохнулся от дикой боли. Вкус крови наполнил рот. Зрение потускнело.

Он умирал. После всех сражений, поединков...

Он погиб из-за коварной хитрости.

Злобы родного брата.

Воин повернул орла и полетел обратно в рот Духа Мщения. Они исчезли так же быстро, как и появились.

Прерывисто дыша, Рэн посмотрел на брата.

— Я бы отдал за тебя жизнь, если бы ты попросил.

— Ты научил меня всегда брать желаемое. — Койот подошел ближе и сорвал с шеи Рэна костяное ожерелье, на котором висела его печать Стража — бирюзового громовержца. Затем снял мешочек с пояса брата, где хранилась самая сильная магия и камни. — И я хочу быть Стражем.

Кровь стекала с уголка губ Рэна. За всю жизнь единственная хорошая вещь, для чего его избрали — Страж врат. То единственное, что внушало ему гордость и позволяло чувствовать себя достойным чего-то большего, чем презрение и неприязнь.

— Ты не был избран.

— Ты тоже. Не по-настоящему. Первый Страж назначил тебя из жалости, — сказал с издевкой Койот, крепко сжав в кулаке ожерелье Рэна. — Ты никогда не был достоин этого звания.

Койот схватил копье и вонзил его еще глубже. Рэн зашелся кровью, и Койот триумфально рассмеялся, когда брат испустил последний вздох.

Гордость на лице Койота вызвала отвращение. Он посмотрел на Бабочку.

— Я теперь Страж, и ты меня полюбишь.

Она скривила губы.

— После всего я никогда тебя не полюблю. Ты — чудовище.

Он схватил ее за руку.

— Ты моя. И я никому тебя не отдам. Приготовься к нашей свадьбе.

— Нет.

Он ударил ее по лицу.

— Не спорь со мной, женщина. Выполняй.

Он так быстро отпустил ее, что Бабочка упала назад на тело Бизона.

Она плакала над ним, пока не иссякли слезы.

Там же ее нашли служанки, которые вышли одеть ее для церемонии.

На закате вернулся Койот. Но прежде чем начался обряд, посреди луга появился Первый Страж... отец Катери. Темные глаза пылали яростью, когда он окинул жениха с невестой полным ненависти взглядом.

— Я здесь, чтобы потребовать жизнь виновного в смерти двух Стражей.

Койот задохнулся от ужаса. Мысли хаотично закружились в голове. Он судорожно пытался придумать уловку, чтобы и на этот раз спасти свою шкуру. И хотя магия брата была очень сильной и позволила Мака'Али в течение года и одного дня сражаться с Первым Стражем, эта магия принадлежала не Койоту. И ее было недостаточно для спасения его жизни.

Отец Катери решительным шагом подошел к ним, всем своим видом обещая возмездие. Он вытащил из-за пояса Кинжал Правосудия и без раздумий вонзил в сердце того, кто вызвал такое смятение и бедствие.

Бабочка пошатнулась. Кровь полилась на подвенечное платье и косы. Она не заплакала от боли, а лишь вздохнула от облегчения. По губам потекли струйки крови.

— Теперь я буду со своей любовью, — сказала она, повернувшись к Койоту. — Навсегда в его объятиях.

Она опустилась на землю и умерла с самым блаженным видом.

— Я не понимаю, — пробормотал Койот, в замешательстве качая головой

Первый Страж пожал плечами.

— Ты — инструмент, Бабочка — причина. Если бы она не родилась, ты бы так не поступил. Из-за нее одной погибли Бизон и Мака'Али.

— Нет, нет, нет, нет. Это неправильно. Все должно было закончиться не так.

Запустив руки в волосы, он подошел к своей единственной настоящей возлюбленной и убаюкал в последний раз. Такая крошечная, такая

легонькая. Кровь растекалась по свадебным одеждам, и Койот заплакал от горя.

Но горевал только он.

Она не будет ждать его на другой стороне. Не сейчас. Боль еще сильнее разрывала на части. Она будет ждать Бизона. Мужчину, ставшего причиной его бесконечного горя, того, кто пытался настроить против него родного отца и все племя.

Нет... не честно, что этот ублюдок получит Бабочку. Не после того, как Койот вынес пытки и боль, чтобы вернуться к ней и взять ее в жены.

«Будьте вы все прокляты!»

Запрокинув голову, Койот закричал от ярости. Нет, все так не закончится. Он всегда был хорошим. Достойным. А они все по очереди растоптали и уничтожили его. Брат, Бизон и Бабочка.

Они сломали ему жизнь. И теперь он никогда не позволит им жить счастливо в вечности. Не после обрушенных на него мучений. Не после того, как он занял место бессмертного Стража и обрек себя на вечное одиночество.

Койот полез в мешочек и вытащил оттуда самые сильные элементы.

— Я проклиная тебя, Бизон, — процедил он сквозь сжатые зубы. — Ты проживешь тысячи жизней и не в одной из них не будешь счастлив. Твой путь будет усеян предательством. Ни один уголок в мире ты не сможешь назвать своим домом. И сколько бы ты ни перерождался, ни в одной человеческой жизни у тебя никогда не будет моей Бабочки.

Подув на ладонь, Койот направил магию к духам, чтобы те исполнили его волю.

А потом посмотрел на безмятежную Бабочку.

Такая нежная. Сладкая. Одна мысль об ее проклятии ранила сердце.

Но она его презирала и предала.

— Бабочка, за совершенные против меня злодеяния ты никогда не выйдешь замуж за любимого. Твой жених будет всегда погибать на пути к алтарю, и всю жизнь ты проведешь в слезах. Никакого мира. До тех пор, пока ты не примешь меня. А если ты выйдешь замуж по расчету, супруг никогда не будет тебе доверять. Ни в одном браке у тебя не будет счастья. Никогда, куда в тебе течет человеческая кровь.

Он полез в свой мешочек, достал последнюю магию и развеял по ветру.

— Ты понимаешь, что натворил?

Койот посмотрел на подошедшего Чу Ко Ла Та.

— Я заплатил по счетам.

Чу Ко Ла Та рассмеялся.

— Такая магия возвращается бумерангом.

— Как?

Он указал на небо и на деревья.

— Ты знаешь закон. Не причиняй вреда, и все же ты сотворил много зла сегодня.

— Они первые причинили мне боль.

Чу Ко Ла Та вздохнул.

— И ты посеял семена своей гибели. Когда ты проклял вместе двух людей, ты связал их. Объединив силы, они смогут разрушить проклятие и убить тебя.

— Ты не ведаешь, о чем говоришь, — насмешливо заявил Койот.

— Высокомерие. Основная причина смерти крестьян и царей. Остерегайся его острого лезвия. Чаще всего оно ранит своего владельца.

Койот выбросил из головы слова Стража Севера. Они были ему совсем не интересны. Он заплатил по счетам. Пришло время получить заслуженную награду. Впредь он никогда не будет страдать.

А вот они обязательно. Навечно. Уж он-то об этом позаботится.

Катери отшатнулась, чувствуя всеми фибрами души ненависть Койота. Это было самовлюбленное злобное чудовище. Оставив его в прошлом, она посмотрела на обнимавшего ее Рэна.

— Я делаю что-то не так? — спросил он, насупив брови. — Я ведь не обидел тебя?

Его искреннее беспокойство согревало душу.

«Как кто-то мог не дорожить кем-то столь милым?»

— Нет, сладенький. Ты точно ничего плохого не делал. Я лишь ощутила волну ненависти, исходящую от твоего брата. Столь отвратительную, что она на минуту сбила меня с толку.

Рэн открыл рот, намереваясь что-то сказать, но Катери прижала палец к его губам.

— Не говори, что это твоя вина. Ты пострадал намного сильнее. Такое Койоту даже не снилось. И, тем не менее, ты не растерял своей человечности. Не повернулся к миру спиной.

— Я не всегда таким был.

— Ты был одержим. Это разные вещи.

И все же Рэн не так сильно в это верил. Да, позволил Духу Гризли овладеть его телом, но даже тогда поступал по-своему. И Рэн не мог списать на Гризли убийство отца.

Это его рук дело.

Рэн глянул на шрам вблизи левого бедра, где отец едва не распотрошил его. Схватка была жестокой. Несмотря на возраст, отец оставался опытным воином. Рэну повезло выжить в той схватке.

А потом он, наконец, осознал свои деяния, смог сопротивляться и избавиться от Гризли. Но это лишь на словах звучало просто: ему понадобилось несколько недель, чтобы вернуть себе свою жизнь.

И одной секунды хватило, чтобы ее потерять.

Катери легла на него сверху. Рэн втянул воздух сквозь сжатые зубы от ощущения соприкосновения ее груди с его торсом. Тем временем Катери стала губами изучать линию его подбородка. Все мысли Рэна разлетелись вдребезги. Его охватила страсть, а голова закружилась от забытых ощущений.

Оседлав его, Катери прижалась к его паху, возбуждая до предела.

«Боги, пожалуйста, не дайте мне опозориться».

Переживая, что долго не продержится, Рэн перевернул Катери, снимая с нее туфли и джинсы.

Сердце едва не замерло в груди при виде Катери, лежащей перед ним в нагом великолепии. Раздвинув ноги и согнув колени, Катери показала ему то, что он больше всего жаждал увидеть. С нежной улыбкой она потянулась к нему.

Рэн хотел сказать, как много это значит для него, но бурлящая кровь в венах не давала сформулировать слов.

Катери вопросительно изогнула бровь от нерешительности Рэна. Она видела дикую жажду в его глазах. Тем не менее, он и пальцем не пошевелил, чтобы прикоснуться к ней. Скорее, он поедал ее тело голодным взглядом.

Наконец, он на четвереньках как дикий хищник приблизился к ней. Низко присев, Рэн потерся нежно щекой о ее голень, отчего по телу пронеслась восхитительная дрожь. Удерживая ее взгляд в плену, он осторожно провел пальцем по молящему о его прикосновениях естеству. Большим пальцем медленно провел по половым губам, еще сильнее возбуждая Катери. Она до одури его хотела.

На его губах заиграла легкая улыбка, когда он пальцем открыл ее для себя, а потом руку заменил ртом.

Катери закричала от обжигающего удовольствия. А потом запустила руку в его густую шевелюру, а тем временем язык Рэна беспощадно дразнил ее. Для мужчины, который одиннадцать тысячелетий придерживался celibата, он превосходно справлялся с задачей.

Рэн закрыл глаза, упиваясь ее вкусом и стонами. Его переполняла

гордость, что Катери наслаждается его прикосновениями так же сильно, как он, лаская ее. Меньше всего ему хотелось, чтобы она сравнивала его с другими своими любовниками и посчитала недостойным.

Рэну хотелось удовлетворить ее по полной. Она перебирала пальцами его волосы, поглаживая голову и шепча нежности. А в следующую секунду выгнулась и закричала в экстазе.

Поразившись, как быстро она кончила для него, Рэн дождался, когда Катери пришла в себя, прежде чем расстегнул штаны. Когда он собрался стянуть их, Катери остановила его.

Сначала Рэну показалось, что она передумала, но она толкнула его на землю и сама сняла их.

Катери с минуту любовалось его смуглым обнаженным телом. Никогда живую, а только на обложках журналов она видела мужчину с такой фактурой.

«Проклятье, он прекрасен. Рэн мог есть крекеры, суп, и все что пожелает... черт, он мог залезть в постель весь в песке, и мне будет на это плевать».

— М-м-м... — протянула она, и Рэн вопросительно приподнял бровь. Смеясь, она медленно поползла вверх по его телу, останавливаясь лишь затем, чтобы поласкать и подразнить его.

Рэн застонал, почувствовав ее рот на члене. Ветер-провидица никогда такого для него не делала. Рэн тяжело задышал, поняв, что погиб окончательно и бесповоротно. За ее доброту он сделает для нее все что угодно. Абсолютно все.

«Это просто секс».

Да, но она явно испытывала к нему что-то. И выказанной ею заботы было почти достаточно, чтобы притвориться, что ее чувства реальны. Он бы отдал все на свете, чтобы хоть однажды заняться любовью с женщиной, которая оплакивала бы его, как Бабочка своего Бизона.

Эбигейл, готовая пойти на все ради Джесса.

«Я веду себя как старуха».

Но стоило этой мысли промелькнуть в голове, как он вспомнил слова Катери.

«Одна из старейших человеческих потребностей — иметь кого-то, кто волнуется, когда ты не приходишь вечером домой».

Как бы ему это не хотелось признавать, Катери права. Если ревность была корнем зла, то любовь — источником добра. Ревность порождала худшие деяния в мире, а любовь — все самое лучшее. Именно из-за ревности он разрушил жизнь собственного брата. Но любовь и преданность

к лучшему другу вернула его человечность и вновь сделала защитником.

«Что же Койот? Он любил Бабочку. И ничего хорошего эти чувства не породили».

Это не совсем правда, и Рэн понимал это. Койот не любил ее. Он возжелал ее и стремился к обладанию. Если бы он на самом деле заботился о Бабочке, то лучше бы видел ее счастливой с Бизоном, нежели несчастной рядом с собой. Именно поэтому мать Рэна не стала удерживать его отца. Несмотря на свои чувства, она была рада хоть недолго находиться с ним рядом. Но Стеропа понимала, что Коатель не будет счастлив с ней. Ведь его сердце отдано другой.

Именно поэтому Чу Ко Ла Та отпустил свою единственную возлюбленную, его лучшую подругу. Поскольку они выросли вместе, Чу никогда не открывал ей своих чувств. А раз они из одного рода, их брак был запрещен. И хотя Чу Ко Ла Та мечтал об этом, он отпустил свою мечту, когда девушка встретила другого и влюбилась.

Именно из-за этой самоотверженной жертвы Первый Страж выбрал Чу Ко Ла Та одним из Стражей врат. Чу мог поступиться собственными интересами ради счастья других. И хотя Стражи боролись за честь своей должности, каждый из них был избран из воинов, доказавших, что они знают как любить. Воинов, научившихся ставить других на первое место.

Рэн был единственным исключением. Избранный Первым Стражем за то, что смог справиться с овладевшим им Духом Гризли.

Если кому-либо известно, почему зло нужно держать взаперти, то тому, кто больше года ходил с ним в обнимку. Человеку, вкусившему сладость зла, а потом едва не сгинувшему от горького послевкусия.

Но Рэн никогда не знал аромата любви. Лишь когда на него смотрели глаза с золотистым отливом, напомнившие ему о мужчине, которым он всегда хотел быть.

Он весь дрожал, когда Катери медленно губами и языком прокладывала дорожку вверх по его телу. Она приподнялась и посмотрела на него с самой чарующей в мире улыбкой. Прикусила губу и оседлала его. С рыком, зародившимся в горле, Рэн задрожал, ощутив себя внутри нее. Ему потребовалось все самообладание, чтобы не кончить вмиг.

Переплетя их пальцы, Катери медленно и нежно объезжала его с очаровательной улыбкой. Рэн приподнял бедра, входя в нее еще глубже. До этой секунды он никогда не знал, каково это, чувствовать себя принятым. Желанным. Но когда он заглянул ей в глаза, то впервые почувствовал тепло дома. Принадлежность к кому-то другому, кроме себя.

Катери наблюдала за игрой эмоций на его лице. Сморщив нос, она

поддразнила Рэна:

— Прости, что из-за меня с твоим рекордом покончено.

Рэн нахмурился.

— С каким таким рекордом?

— Самый длинный на свете обет безбрачия. Книга рекордов Гиннеса будет под впечатлением. И я серьезно сомневаюсь, что когда-нибудь найдется претендент на твой титул.

Он вознаградил ее теплым богатым смехом, который перерос в стон, когда он кончил, войдя в нее как можно глубже и при этом подрагивая всем телом.

Как только он кончил, Катери собралась отодвинуться, но Рэн удержал ее в объятиях. В этот раз, тщательно скрывая эмоции, он взял в ладони ее лицо и поцеловал.

Оторвавшись от губ, Рэн прижался к щеке Катери и прошептал на ухо:

— Я не позволю, чтобы с тобой что-либо произошло.

— Знаю, дорогой. И я не позволю ему к тебе добраться.

Рэн улыбнулся, услышав ласку. Впервые за свою невероятно долгую жизнь он почувствовал себя по-настоящему близким с кем-то. И дело тут не в видениях или сексе. А в том, что он на самом деле верил ее обещанию.

Верил ей.

«Да уж, точно грядет конец света. Я переспал с женщиной и беспрекословно ей доверяю. Если это не признак нашествия мора, даже не представляю, что будет».

Катери чмокнула Рэна в кончик носа, а потом соскользнула с его тела и оделась.

Натягивая собственную одежду, Рэн понимал, что им нужно спешить и все же не хотел, чтобы это заканчивалось. В его жизни почти не было приятных моментов, и чтобы их посчитать, хватало пальцев на одной руке. И ни один из них даже близко не шел в сравнение с этим.

— Блин дырявый!

Рэн вопросительно приподнял бровь от ее сердитого тона.

— Что случилось?

— Я сломала чертов ноготь. — Катери показала ему палец. — Я знаю, что это смешно, верно? Но все равно, поломав очередной, расстраиваюсь.

Улыбка испарилась с ее лица, когда она посмотрела на него как на незнакомца.

У Рэна желудок скрутило от страха.

«Это явно ничем хорошим не грозит».

— Что?

— Почему у тебя синие глаза?

Рэн собирался наколдовать зеркало и посмотреть, но сделал ужасное открытие.

У него не было ни единой способности. В сочетании с синими глазами это могло означать лишь одно...

«Милостивые боги, я смертный».

ГЛАВА 12

У Катери перехватило дыхание, когда она заглянула в такие ярко-синие глаза, что казалось, будто они светятся, особенно в сочетании со смуглой кожей и темными волосами.

— Я-я-я-я... — Рэн закрыл глаза и заскрежетал зубами. Через пару секунд он попробовал еще раз. — Я-я-я потерял с-с-свои с-с-силы.

— Значит, ты не можешь колдовать.

Он покачал головой.

— Я с-с-с-смертен оп-ять. — Он попытался сказать больше, но не смог ничего выговорить и еще сильнее расстроился из-за этого.

«Проклятье! Без своих сил я буду заикаться как полный debil».

Катери встала на цыпочки, обхватила его лицо руками и потянула вниз, пока не прижалась своим лбом к его. Улыбаясь, она погладила Рэна по щекам.

— Дыши, милый. Не торопись. Меня лишь тревожит то, что ты так расстраиваешься из-за своей речи. Успокойся и перестань обзывать себя почему зря.

Он нахмурился.

— Да, — продолжила она. — Я знаю, что именно этим ты сейчас занимаешься.

Он глубоко вздохнул, прежде чем еще раз попробовал:

— Теперь я могу умереть.

— Ладно, мне нравилось, когда ты заикался и не мог этого озвучить. Ты серьезно?

Он кивнул.

Катери отпустила его и отступила.

— Чем я могу тебе помочь?

Он пожал плечами с явным сомнением, словно боясь заговорить. Но когда все же отважился, его голос был спокоен и идеален:

— Я никогда полностью не терял своих сил, поэтому без понятия.

Катери открыла рот, намереваясь ответить, но услышала шелест

деревьев за его спиной.

Рэн обернулся, и в эту самую секунду в Катери полетела шаровая молния. Она пролетела так близко, что Катери ощутила жар, прежде чем Рэн толкнул ее на землю и прикрыл собой. Он выставил руку, намереваясь ответить на удар, но выругался, вспомнив, что лишился сил.

Лучшего времени просто нельзя было и придумать.

Ладно. У него еще есть лук со стрелами. Он и смертным сможет ранить их по-крупному. Пока враги закидывали их шаровыми молниями, Рэн стал продвигаться вперед, прикрывая собой Катери, но прежде чем дотянулся до колчана, она сама выстрелила.

Меткий удар прямо меж глаз демона. Еще три стрелы пролетели мимо него, поражая еще больше демонов.

«Проклятье, она невероятна».

Схватив лук, он стал прикрывать ее.

— Продвигайся глубже в лес.

Выпустив еще две стрелы, она подчинилась.

Укрывшись за кроной дерева, Катери стала отстреливаться, прикрывая его отступление.

«Черт, я бы многое отдал, чтобы наворожить нам броню. Пусть бы она полностью не обезопасила нас, но гарантировала бы большую защиту, чем голая кожа.

И с такими темпами у нас скоро закончатся стрелы».

Он взглянул во встревоженные глаза Катери.

— Продолжай продвигаться вперед.

Она послушалась. Рэн бежал следом в шаге от нее.

Внезапно одно из черных деревьев потянулось к Катери.

Действуя инстинктивно, Рэн с демоническим кличем выпустил силу ворона. Дерево отцепилось.

На его губах расплылась медленная улыбка.

«Возможно, я смертен, но демоническая сила при мне. Не скажу, что я доволен Равенной, но, по крайней мере, она подарила мне способности, которые никто не сможет отнять».

С этой мыслью он снял колчан через голову и отдал его Катери.

Она замерла, пытаясь понять, что задумал Рэн, отдавая ей свои стрелы. Прежде, чем она смогла спросить, он обернулся в огромного ворона. С ошеломленным видом Катери увидела, как он взлетел и отправился разбираться с остальными демонами.

«Не останавливайся», — раздался его голос в ее голове.

«Что ты делаешь?»

«Я не позволю им причинить тебе боль. Иди, Катери. В этом облике они не способны мне навредить».

Она не была уверена, что до конца поверила ему.

«Ты сказал, что смертен».

«Это так, но даже смертным я никогда не был нормальным. Теперь, пожалуйста, иди вглубь леса. Только не приближайся к деревьям».

Хотя она не относилась к ведомым, но все же подчинилась ему. В конце концов, он привык к такого рода ситуациям. Она — нет.

«Иногда лучше отступить, пока у тебя не появится шанс изучить врага. Спасибо, Сунь-Цзы».

Катери помчалась через кусты, уворачиваясь от тянувшихся к ней деревьев. Она едва добралась до поляны, как перед лицом вспыхнул яркий свет. Временно ослепнув, она прикрыла рукой глаза.

Секунду назад никого рядом не было. Теперь же перед ней стояло трое мужчин.

Она машинально выпустила стрелу, а потом ахнула от ужаса, поняв, что выстрелила в Кабесу.

Но стрела не попала в цель. Кабеса перехватил ее в воздухе и с раздражением зыркнул на Катери.

— Ты же в курсе, что это меня не убьет, только конкретно взбесит.

— Прости, — извинилась она.

— Черт, Беса, — сказал стоящий с ним рядом блондин. — Никогда не бери ее с собой на охоту. Она стреляет при любом звуке, даже не разобравшись, кто перед ней. Это я больше всего ненавижу в современном мире. Очень не хочется, идя отлить, словить пулю в зад, потому что кто-то не удосужился узнать о твоём присутствии, прежде чем начал палить. Америка не нуждается в оружии. То, что нам нужно — контролировать идиотов.

Кабеса и блондин с собранными в хвост волосами расхохотались.

— У меня нет пистолета, — напомнила ему Катери, сообразив, что коротко стриженный блондин единственный не клыкастый в их компании.

Он фыркнул.

— Пуля или стрела... это и правда имеет значение, если придется вытаскивать ее из задницы?

В словах парня был смысл, но она не собиралась этого признавать.

— Саша, лучше оставь ее в покое, — сказал второй блондин. — Или она выстрелит, и ты реально схлопочешь.

Словно по заказу, за ее спиной раздалось эхо выстрела.

Судорожно вздохнув, Катери обернулась, молясь, чтобы Рэна не

подстрелили.

Послышалась сумасшедшая очередь выстрелов.

Катери направилась на звук, но Кабеса ее остановил.

— Не нужно. Это дезинсекция противных грызунов.

— В смысле?

Еще один выстрел. Ближе к ним.

Несмотря на слова Кабесы, Катери натянула тетиву и вставила стрелу, намереваясь выпустить ее меж глаз существа, стрелявшего из пистолета.

Кусты перед ней зашуршали.

Она прицелилась.

Рэн в облике ворона вылетел из ниоткуда и помешал ей выстрелить.

— Что ты творишь? — возмутилась она.

«Это друг помогал избавиться от демонов. Не убивай его».

Он едва успел предупредить ее, как на поляне показался еще один мужчина. Катери замерла и не могла с минуту пошевелиться, столкнувшись с тем, кого не ожидала увидеть.

«Бизон».

Высокий, темноволосый, облаченный в черное с головы до пят. Это был один в один человек из ее видений, за исключением коротких волос, длинного плаща, ковбойской шляпы и сапог из змеиной кожи.

Закинув ружье на плечо, он кивнул Кабесе и обоим блондинам.

— Ребятки, спасибо за помощь. Круто вы тут скучковались, пока мы вас защищали. — Самым шокирующим оказался его протяжный миссиссипский акцент.

Саша поднял руки сдаваясь.

— Эй, я защищал женщину. Она — главный приоритет. Разве нет?

— Мне казалось, вы с Кабесой собирались драться. Не думал, что он пойдет следом за женщиной.

Кабеса зыркнул на парня с хвостиком.

— Уриан, ты намекаешь, что я трусил?

Уриан громко вздохнул.

— Я похож на Ашерона? Точно нет. Кстати, я всегда выражаюсь прямо. Если я захочу назвать тебя трусом, то заявлю об этом открыто. Пустозвон.

Рэн приземлился на землю между ней и Бизоном, прежде чем вернулся в человеческий облик.

Когда Рэн обернулся, Бизон приподнял шляпу.

— Приятно познакомиться с вами, мэ. Вернее, доктор. Знаю, многие из умников колледжа злятся, если не упоминаешь об их степени.

Она опустила лук.

— Зови меня Катери.

Рэн бросил на нее странный взгляд, который она не поняла, пока он представил ей Бизона.

— Катери, познакомься с Сандауном.

«Сандаун?» — мысленно переспросила она.

Рэн ответил ей в тот же манер.

«Он несколько раз перевоплощался. Последнее его воплощение — Уильям Джессон Брэйди. Для большинства — просто Джесс. Он тоже из чероки, и мать назвала его Мэни Я Доу Эу». — Что означает «сандаун» — закат с языка чероки. — *«Спокойное время между ночью и днем. Идеальный баланс между светом и тьмой».*

Хотя это имя не вязалось с оглушительными выстрелами из дробовика, который он походу обожал.

«Но кто я такая, чтобы судить?»

Рэн представил ей остальных мужчин.

— Во время прошлого нападения ты встречалась с Кабесой. Блондин с длинными волосами и клыками — Уриан, а второй — Саша.

— Всем привет, — сказала Катери с улыбкой.

Рэн встал рядом и сложил руки на груди.

— Между прочим, у Саши нет клыков, потому что он ликантроп.

Поразительно. В голове перецелкнуло и она кое-что сообразила.

Солнце светило...

Катери многозначительно покосилась на небо.

— Разве ты, Кабеса и Уриан не должны вспыхнуть?

Кабеса поднял голову.

— Это не настоящее солнце.

Возникает другой вопрос:

— Хорошо... тогда где же мы?

Кабеса в упор посмотрел на Рэна.

— Шибальба.

«Интересно, мог ли он сказать это более сухо?»

Рэн выругался, а Катери ахнула, посмотрев на окружающее новым взглядом.

«Это преисподняя майя?

Здорово. Меня втянуло в какой-то доисторический ад. Сколько людей могут таким похвастаться?»

Сандаун рассмеялся, глядя на нее.

— Да, теперь понятно, — сказал он Катери. — А мне нужно было все

разжевать. Я впечатлен, что ты знаешь, о чем речь. С другой стороны, ты доктор наук, а я — нет.

Рэн провел большим пальцем у уголка губы.

— Нас никто не трогал. Я должен из-за этого волноваться?

— Ну, здесь девять уровней, — сказал Кабеса. — Это первый. Здесь в основном фантомы, призраки, слабые демоны. В общем, все не так плохо. Но есть двенадцать владык Шибальбы. На них мы не захотим напороться. Особенно на Иш Таб.

— Иш Таб? — спросил Сандаун.

— Богиня жертвоприношений и ритуальных самоубийств, — ответил Уриан.

Кабеса был явно впечатлен.

— Ты знаешь мой пантеон?

Уриан окинул взглядом их небольшую компанию и криво усмехнулся.

— Как самый старый среди присутствующих... да. За многие столетия я побывал в разных местах, охотясь за едой. Майя были одним из любимых блюд в меню.

— Почему? — спросил Саша, озадаченно хмурясь.

— У них есть богиня самоубийства, скуби. Ты появляешься в виде демона, убеждаешь их, что пришел из Шибальбы, и народ готов отдать тебе всю кровь и души в придачу. Майя рассматривали жизнь как обычную дорогу к смерти. У них было иное представление обо всем, что мы олицетворяли. А светлые волосы облегчали задачу, ведь у них есть старинное пророчество о светловолосом демоне-змее. Называют тебя *Waxaklahun Ubah Kan* или Кукулькан, без разницы, но народ готов обнажить для тебя глотки. Чертовски жалко, что их города разрушили.

— Наверное, из-за ваших огромных appetites, — пробормотал Сандаун. — Где, черт возьми, шатались Темные охотники?

Уриан подмигнул ему.

— Их было мало и очень далеко от Мезоамерики, именно поэтому нам нравилось сюда наведываться.

Саша покачал головой.

— Отличная диссертация о мышлении даймонов. Не могу поверить, что у нас общие корни. Проклятье, Ури, вы безжалостный народ, и ваша дурная слава кинула тень на нас.

Улыбка Уриана могла растопить лед.

— Безжалостно, это когда твой собственный дед проклял тебя умирать ужасной смертью на двадцать седьмой день рождения за то, в чем ты не принимал участия или даже не знал. Проклятье, я был младенцем, жившим

в Греции, когда чокнутая атлантская королева грохнула любовницу Аполлона.

— Хреновый расклад? — спросил Кабеса.

В глазах блеснул злорадный огонек.

— Как тебя угораздило стать Темным охотником?

Кабеса злорадно рассмеялся.

— Мне выпала не просто хреновая карта, я умудряюсь при любом случае ее разыграть. И она служит мне лучше, чем мой народ, думая, будто ты мой прямой предок.

Катери не была уверена, что правильно поняла.

— Ты связан с богами майя?

— Именно поэтому мое имя Кукулькан. К сожалению, когда я родился, гены были сильно разбавлены, и все силы, пришедшие с родословной, утеряны. — Он повернулся и с раздражением глянул на Уриана. — Наверное, потому что кто-то высосал их из нас. О, если бы я мог вернуть те дни, когда можно было тебя грохнуть.

— Ладно, парни, — прервал их Рэн. — У меня нет ни сил, ни желания играть в рефери. — Он показал на Кабесу и себя. — Ты и я...

— Почему у тебя синие глаза? — спросил Сандаун. — Приятель, они дико контрастируют с твоей кожей, да и обликом в целом.

Катери завелась с пол-оборота.

— Это не так! Они прекрасны!

Сандаун расхохотался.

— Прекрасны, как женщина, да?

Катери шагнула к нему, но Рэн ее остановил. Черты его лица смягчились, и он убрал волосы с ее лица.

— Все хорошо, Катери. Он никого не хотел обидеть, да я и не восприимчив к такому. А если бы был, то пристрелил бы его.

Эти слова привлекли всеобщее внимание к Катери, только она не понимала причину их любопытства.

Рэн впился взглядом в Сандауна.

— Выходит, капитан Очевидность, что я лишился сил. Надеюсь, они скоро вернутся.

Уриан тихо присвистнул.

— Ты нашел свою Ахиллесову пята. Надеюсь, ты запомнил, что делал, и не будешь впредь этим заниматься. Раньше я бы убил за такую информацию.

Рэн проигнорировал его замечание.

— Что я хотел сказать: Темные охотники ослабляют друг друга, так

что вряд ли мои способности вернутся, пока Кабеса рядом.

— Да уж, паршивые дела. Мне придется остаться с вами, чтобы вывести отсюда. В противном случае, можете построить здесь шалаш и начать обживать.

У Саши вырвался дьявольский смех.

Все дружно уставились на него.

— Ой, до меня единственного дошло, что если через восемь дней зло отсюда вырвется наружу, то нам нужно продержаться только это время. Твоя угроза не столь крута, как сто лет назад.

Кабеса зарычал на него:

— Если я дам тебе собачью галету, ты вылижешь свои яйца и оставишь нас в покое.

Саша шагнул к Кабесе, но Сандаун схватил его одной рукой.

— Успокойся, щенок. Ты же не захочешь испачкать кровью одежду.

— Я могу наколдовать новую.

— Согласен, но мне как-то не хочется хоронить одного из вас. Так что давай притворимся, будто мы овладели минимальными манерами общения на домашнем обучении. А потом вернем милую леди из ада на землю, и мне не придется волноваться о своей семье, которую я покинул, чтобы повернуть это дельце вместе с вами.

Кабеса поднял руки, сдаваясь, а потом склонил голову пред мудростью Сандауна.

— Нам следует отправиться на север, подальше от дороги ко второму уровню. Там я должен найти выход.

Катери нахмурилась от того, как глухо прозвучали слова. Кабеса что-то скрывал от них, и ей это не нравилось.

— Почему мы не можем просто переместиться отсюда? — спросил Уриан.

Кабеса усмехнулся, поблескивая клыками.

— Вперед!

Уриан попробовал, а потом выругался.

— Ладно, объясни-ка, что это за хрень?

— Это адская обитель. Они не хотят, чтобы отсюда уходили, и здесь нет ни одного бога на нашей стороне, который бы дал нам право свободного прохода. Нам придется заработать возвращение домой.

У Уриана в горле зародился рык.

— Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Когда они двинулись в путь, Рэн притянул Сандауна к себе. Катери остановилась, пытаясь понять, что происходит.

Рэн улыбнулся другу.

— Спасибо, Джесс. Но ты бы лучше остался с Эбигейл. Уверен, ей ты нужен больше, чем мне.

Сандаун хлопнул его по спине.

— Ребенок родился вчера, когда ты находился в эпицентре кромешного ада. Если бы не это, я был бы вместе с тобой. Теперь их обоих оберегает Зарек, так что они в безопасности. И утром мы с Эбби решили, что тебе я нужен больше, чем ей. Так что сейчас для меня главное, чтобы ты познакомился со своей крестницей.

Рэн поздравил его.

— Могу поспорить, она красавица.

Гордость на лице Сандауна вызвала улыбку у Катери.

— Как и ее мать. Прекрасная, самая драгоценная и только ей будет под силу до конца моих дней доводить меня до белого каления. — Он поцокал языком и подмигнул Рэну. — Слава богу, у меня есть винтовка, и я без зазрения совести устрою охоту за шкурой незадачливого поклонника, если тот выкажет хоть каплю неуважения моей девочке.

— Так, как вы ее назвали? — спросил Рэн.

— Ну, мы с Эбби вели долгие и порой не очень дружелюбные дебаты. Она хотела назвать ее Ханной в честь сестры, но я был, мягко говоря, не в восторге. Назвать дочку в честь даймона, пусть даже члена семьи, для меня звучит дико. Да и это имя мне никогда не нравилось. Энди предложил назвать ее в его честь — Андриана. Поэтому я вышвырнул его за дверь, чтобы мы могли серьезно все обсудить. Я хотел назвать ее Рэна в честь тебя, но Эбигейл возмутилась, что ее будут в школе дразнить «надпочечником^[44]» и за это она меня грохнет. Поэтому, после некоторых споров, частых угроз в мой адрес, нелестных отзывов о моем хозяйстве и ежеминутных сомнениях в моей любви, мы решили назвать ее Макали Лаура, в честь тебя и матери Эбби.

Катери поджала губы, сдерживая смех из-за красочных объяснений Сандауна. Несмотря на то, что они были едва знакомы, он ей очень понравился. И хотя теперь она замечала различия между ковбоем Джессом Брэйди и воином племени кетува — Бизоном, Катери также увидела, что через все перерождения он сохранил огонь в душе.

Не удивительно, что Рэн продал свою душу, чтобы помочь разрушить проклятие, насланное на друга Койотом. Сандаун явно был бесценным. А еще она заметила, что Рэн никогда не заикается, беседуя с ним. Он был полностью расслаблен и спокоен, будто знал, что Сандаун никогда не осудит его. Вот за это Катери полюбила ковбоя еще сильнее.

Рэн подошел к ней, а Сандаун быстрым шагом нагнал Кабесу.

— У меня возник странный вопрос.

— Да, — утвердительно ответил Рэн прежде, чем она спросила. — Его жена Эбигейл — Бабочка.

Катери обрадовалась, что Бабочка, в конце концов, воссоединилась со своим Бизоном.

— Ты не против, что они называли ее Макали?

Учитывая его недавнюю реакцию на имя Мака'Али, Катери не была уверена, что Рэна порадовала затея друга.

— Я глубоко польщен. — Но его глаза заволокла печаль. Не ревность. Что-то совсем другое. То, чего Катери не могла понять.

— Что случилось?

Рэн не отвечал. Ему нелегко было делиться своими чувствами. Но по какой-то причине казалось правильным довериться Катери. Так, словно он для этого рожден.

— Я причинил много вреда Бабочке, и мне жаль, что Сандаун сейчас здесь. Риск слишком велик. Я не переживу, если из-за меня Бизон ее снова покинет. Меня не отпускает мысль, что это приумноженное проклятие Койота. Сейчас они счастливы вместе, но проклятие снова отнимет его у нее.

Катери взяла Рэна за руку и легонько сжала.

— Жизнь — рулетка. Я знаю, что ничего не знаю. Но... я верю, что мы сможем выбраться отсюда, и Сандаун проживет длинную счастливую жизнь с Эбигейл, хотя когда Макали и ее сестры начнут приводить домой парней и мужей, он горько пожалеет, что когда-то себя не кастрировал.

Рэн замер как вкопанный. Не только потому, что она с гордым видом держала его за руку на людях, но и из-за ее слов и интонации. Так знахарки вещают пророчества.

— Ты можешь видеть будущее?

Катери замаялась. Она никому об этом не рассказывала. На самом деле она ненавидела эти способности и хотела от них избавиться. Но они ее не покидали.

— Да. Но мои видения не всегда исполняются. Иногда они рушатся по разным причинам, которых я не вижу. Из-за вещей, способных все изменить.

Рэн рассмеялся.

— Выходит, если он не умрет ужасной смертью, то у него будет замечательная жизнь.

Если бы не веселая интонация в его голосе, Катери бы обиделась.

— Именно, — весело ответила она.

Рэн покосился на их переплетенные пальцы.

— Спасибо.

Катери нахмурилась, услышав, как дрогнул его голос.

— За что?

— Что общаешься со мной как с нормальным человеком.

Искренность его слов разбивала ей сердце.

— Ты человек, Рэн. А я напротив — ошибка природы.

Он поднял ее руку и поцеловал костяшки пальцев. В ту секунду, когда его губы коснулись ее кожи, у Катери перехватило дыхание от нахлынувших образов.

Она услышала крики людей, взывающих о помощи. Все вокруг было в дыму и объято хаосом.

Ее бабушка стояла на отдаленном холме со слезами на глазах. Ее хрупкий силуэт четко выделялся на фоне заходящего солнца, когда она обернулась к Катери.

— Остерегайся волка, Вaleyли. Он никогда не будет приручен. Ему ведомы лишь смерть и убийства. Его почерневшее сердце заполнено горькой ненавистью, которую нельзя изгнать. Не позволяй своему чистому сердцу ввести тебя в заблуждение. Твоя душа видит в других лишь хорошее. Но существуют обманщики и лжецы. Двуличные существа, процветающие на чужой человечности. Им никогда нельзя доверять. Они живут, чтобы предавать, коверкать слова ложью и использовать их против нас. И он предаст тебя, дитя мое. Не позволяй своему доброму сердцу ослепить тебя.

Слова бабушки вихрем проносились в голове, пока Катери не задумалась о том, чего раньше не замечала.

«Имя Рэна — Ренегат Вэйя...

Волк Отступник».

Охваченная ужасом Катери отдернула руку.

«Он волк, о котором говорила бабушка. И о нем меня предупреждал отец.

Когда-то зло уже владело им.

И это снова повторится».

Рэн, нахмурившись, посмотрел на нее.

— Что случилось?

В панике она окинула взглядом их маленькую компанию. Она увидела обезглавленного Кабесу на земле. Сандауна с перерезанным горлом. Сашу, разорванного на куски. А Уриан...

Лежал на жертвенном алтаре, где кто-то вырезал его сердце.

Рэна же нигде не было видно.

В ее видении кто-то пел. Она огляделась, пока не увидела жреца в золотых одеяниях и огромной пернатой маске, скрывающей его личину. В прорезях пылали красные демонические глаза, пока он совершал ритуальное жертвоприношение. Но Катери и так знала, кто это. Не было ни капли сомнений.

Жрецом был Рэн, и он призывал Дух Гризли.

ГЛАВА 13

— Катери? В чем дело?

Катери услышала слова Рэна, но ответить ничего не смогла. Она словно разрывалась между двумя мирами и при этом не была ни в одном. В голове мелькали вырванные из контекста события и образы, которых она не понимала.

Наконец, один приобрел ясность. Уриан в викторианском наряде пьет кровь у женщины. Чистое блаженство на его лице вызвало отвращение у Катери.

Потом образ сменился на современность. Уриан в черных брюках и черной рубашке на пуговицах. Вокруг пылает огонь, а он пытается спасти красивую блондинку. Она была в ужасе, когда он протянул ей руку.

— Доверься мне, Фиби. Я не позволю тебе умереть. Клянусь.

Затем она увидела их в квартире Фиби, где он столь нежно обнимал ее, что от этой картины у Катери на глаза навернулись слезы. Прислонившись спиной к его груди, Фиби питалась из его запястья, пока он гладил ее по волосам, уткнувшись носом в шею.

— Я не беру слишком много, да? — спросила она.

— Не волнуйся за меня. Бери все, что тебе нужно.

Катери могла чувствовать глубину их чувств. Они были так сильны, что казалось, их можно объять.

В следующую секунду Катери покинула влюбленную пару, присоединяясь к Саше в древнем Египте посреди яростного боя, где он сражался с кланом волков против древнегреческой армии. Катери резко втянула воздух, поняв, насколько молод Саша. Во время схватки было видно, что в сравнении с другими ему не хватает опыта.

И когда один из греческих воинов метнул ему в спину копье, волк прыгнул вперед, чтобы принять на себя смертельный удар.

— Нет! — закричал Саша, потянувшись к волку. Но было слишком

поздно. Волк мгновенно умер.

Саша все еще держал на руках волка, когда один из солдат ринулся вперед и, схватив его за волосы, швырнул в клетку.

— Надеюсь, тебя спалят на огромном кострище.

Образ потускнел. Множество картин мелькало, как в хаотичном стробоскопе. Бешеный круговорот вызывал тошноту, пока картина вновь не стала четкой.

На этот раз это был Кабеса в древней Тикале. Он был одет как воин майя, лицо окрашено в беспощадную маску. Его атаковала группа из семи человек во главе с принцем Калакмуля.

— Мы будим пировать на твоей крови! — выкрикнул один из мужчин в лицо Кабесе.

Кабеса расхохотался.

— Уползай обратно в Калакмуль, Чаку. Пока я жив, моему отцу будет принадлежать эта земля и ваша.

Сердце Катери бешено забилося, когда она поняла, что это тот самый Чаку, напавший на нее в лаборатории. Неудивительно, что Кабеса слетел с катушек. Их вражда длилась веками.

Тем временем образы снова закружились. Катери чувствовала себя как Алиса, падающая в кроличью нору.

Но в следующий раз, стоило картине проясниться, как у нее перехватило дыхание.

Койот стоял там, где она в другом видении видела тело Бизона, убитого братом Рэна. Облаченный в ту же одежду, что и в минуту смерти. Было так странно видеть эту версию ковбоя. Хотя черты лица их схожи, все же у Бизона длинные черные волосы и он не так мускулист как Сандаун Брэйди. И ему явно не хватало дерзости и чувства юмора Джесса.

Бизон в замешательстве огляделся.

— Где Мака'Али? Мне сказали, что он хочет меня видеть. Он же не ранен?

На челюсти Койота заиграли желваки.

— Нет, с ним все хорошо. Он здоровее нас всех вместе взятых.

— Тогда почему?..

— Это я отправил за тобой слугу, — оборвал его на полуслове Койот.

Бизон стал еще более угрюм.

— Я не понимаю.

— Я твой будущий вождь, Бизон. Не мой брат. И ты не должен об этом забывать.

— Это угроза?

Койот усмехнулся.

— Зачем мне угрожать человеку, который стоял в стороне и позволил Мака'Али меня пытаться, скажи мне на милость?

— Я не знал, что он с тобой делал.

— А ты хоть попытался узнать?

В глазах Бизона промелькнул стыд.

— Мне даже в голову не приходило, что он сделает такое. Но это не совсем Мака'Али. Изгнание из него Духа Гризли почти стоило Первому Стражу жизни.

— Как похвально, что ты продолжаешь его защищать. Это так мило.

Бизон напрягся, услышав оскорбление.

— На что ты намекаешь?

— Ни на что. Просто так странно, что ты в отличие от остальных всегда без промедления защищаешь умственно неполноценного тупицу. Ответь, только честно, тебе не надоело все время вылизывать ему задницу?

Бизон шагнул к Койоту, а потом остановился.

— Тебе не спровоцировать меня на драку, так что можешь на этом прекратить. Я его защищаю, потому что в неоплатном долгу перед Мака'Али. Моя мать и сестра едва не умерли от голода, пока он не стал приносить им мясо. Если бы не милосердие Мака'Али, их бы сейчас не было в живых, за это он навеки заслужил мою преданность.

— Повезло моему брату. Жаль, твоя преданность не распространяется на все остальное.

— О чем ты?

Койот подошел и стал вплотную к Бизону. С насмешливым осуждением он окинул взглядом высокого собеседника.

— Ты точно знаешь, о чем я говорю. Я тебя сегодня видел.

Услышав последние четыре слова, Бизон побледнел.

— О да... я вижу вину в твоих глазах. Ты украл любовь обещанной мне невесты.

— Я ничего не крал.

Койот фыркнул

— Вздор! Вот поэтому ты не помог мне, когда Мака'Али мучил меня. Ты надеялся, что я умру, и ты сможешь с чистой совестью заполучить ее.

— Это неправда.

— Разве?

Бизон покачал головой.

— Я никогда не хотел полюбить ее. Нет. Не более, чем она хотела влюбиться в меня. Но когда ты пропал, Бабочка не желала уезжать, пока не

узнает, что ты в безопасности. Она едва не заболела от переживаний. Бесчисленное множество часов она ходила по залам, плача и умоляя духов вернуть тебя домой.

Койот презрительно скривил губы.

— Да. — Его голос сочился сарказмом. — Я видел сегодня, насколько она волновалась обо мне, когда бросилась в твои объятия со страстью, которой никогда не выказывала мне.

— Это не так, Койот. Никто из нас не хотел причинять тебе боль. Она плакала навзрыд каждый день. Я пришел сюда в твое отсутствие, чтобы заверить ее, что ты жив и скоро вернешься домой. Мы вели себя осмотрительно и с огромным почтением к тебе. Всегда.

Койот ударил его.

— Лжец!

Бизон стер кровь со рта тыльной стороной ладони, а потом провел по губам языком.

— Это не ложь. Просто, чем больше мы проводили вместе времени, тем сильнее осознавали, что не можем жить друг без друга. Я стал жить лишь ради тех секунд, когда мог видеть ее лицо.

— Как ты думаешь, как я пережил год пыток? — процедил Койот сквозь сжатые зубы. — А?.. Я выжил благодаря знанию, что Бабочка будет ждать моего возвращения. Она единственная соломинка, за которую я хватался. А ты отнял ее у меня. Будь ты проклят! Будь проклят!

— Ты вправе сердиться, но... — голос Бизона оборвался на резком вздохе.

Он попятился назад, глядя, как по его тунике расползается кровавое пятно. Прижав ладонь к ране, Бизон посмотрел на Койота, который в приступе безумной ярости, не переставая, вонзал в него кинжал с такой бешеной скоростью, что у Бизона не было шанса защитить себя.

И, тем не менее, ему удалось устоять на ногах и встретиться лицом к лицу со своим убийцей.

— Я никогда не прикасался к ней. Она никогда не предавала тебя. Мы даже ни разу не целовались.

— Я видел ее в твоих объятиях!

Бизон пошатнулся, но смог устоять.

— Объятия. Ничего более. Мы попрощались, чтобы она могла завтра выйти за тебя замуж. Мы обрекли себя на жизнь врозь. Мы собирались исполнить ее клятву, данную тебе. — Бизон опустился на колени. — Твое сердце настолько очерствело от злобы, что ты никогда не сможешь быть счастливым, Койот. Ты всегда был любимым сыном, но не мог позволить

Мака'Али получить хотя бы мизерную привязанность твоего отца или любую похвалу от кого бы то ни было.

— Замолкни! — заорал Койот, ударив Бизона в бок. — Подохни уже, никчемный ублюдок!

Но Бизон был прав. Катери увидела их маленькими мальчиками. В любой момент, когда кто-то хотел похвалить Рэна, Койот обставлял все так, чтобы похвалу получил он, а не брат.

Теперь Катери увидела их подростками. Рэн натягивал тетиву на свой лук, пока Койот хвастался пиром, который закатят в его честь.

— Ты в это веришь Мака'Али? Сегодня вечером я стану мужчиной!

— Н-н-но ты, ты, ты не убил его.

— Разве это имеет значение? Отец всегда говорил, что из-за умственного недостатка ты навсегда останешься ребенком, и нам придется заботиться о тебе. Теперь я получу уважение настоящего мужчины. — Койот подбежал к Рэну и со спины прошептал ему на ухо: — Это будет наш секрет. Ты убьешь, а я покажу тело.

По лицу Рэна было видно, насколько ему не понравилась эта идея.

— Хватит дуться как ребенок. Никто в любом случае тебе не поверит. Все считают тебя бездарью. Так какая разница?

Катери могла слышать мысли Рэна.

«Это важно для меня. Хоть раз, чтобы кто-то сказал, что я тоже выполнил хорошо работу».

— Катери!

Образы рассеялись, и она увидела лицо мужчины, в которого превратился мальчик.

— Почему ты перестал заикаться, когда стал одержим Духом Гризли?

Рэн посмотрел на нее с хмурым видом.

— Что?

— Когда он завладел тобой, ты перестал заикаться. Это было частью сделки?

Рэн оглянулся на остальных, убедиться, что они не услышали ее вопроса. К счастью, они находились далеко, чтобы расслышать ее слова.

— Да. Заикание вернулось, когда я изгнал Гризли, но к тому времени я научился скрывать свой изъян.

И он никогда не заикался рядом с Бизоном.

Катери поморщилась от боли, разрывающей череп.

— У меня болит голова. Ужасно.

Рэн нежно провел рукой по ее лбу. Его озабоченный вид глубоко тронул Катери.

— Ты громко кричала, находясь во власти кошмара. Что случилось?
Катери прижала ладонь к глазам, пытаясь унять боль.
— Иди сюда.
Прежде чем Катери поняла, что он задумал, Рэн поднял ее и понес на руках.
— Что происходит?
— У тебя болит голова, и мне это показалось очевидным.
Она застонала от его непроходимой дремучести.
— Давай я чуть перефразирую. Почему ты держишь меня на руках?
— Тебе плохо.
— Обычно из-за этого люди не держат других на руках.
Он подмигнул ей.
— Я не такой как все.
С этим не поспоришь.
— Я могу тебя о чем-то спросить?
— А тебя остановит, если я скажу «нет»?
Катери улыбнулась.
— Конечно, нет. — Она положила голову ему на плечо, наслаждаясь объятиями. — Откуда ты узнал столько об охоте?
Учитывая всеобщее презрение племени, идея, что они обучили его, казалась абсурдной.
— Артемида... за неимением более подходящего слова — моя крестная. Раз она богиня охоты, я всегда думал, что это ее подарок.
— Аа-а...
Рэн крепче обнял Катери, не давая упасть, когда она полностью обмякла.
— Катери? — он слегка встряхнул ее. Голова Катери безжизненно запрокинулась назад.
Она потеряла сознание.
Его охватил страх.
— Сандаун!
Все вокруг замерли и уставились на него.
Джесс мгновенно подбежал к Рэну.
— Что случилось?
— Без понятия. Она просто отключилась.
А в следующую секунду Катери перестала дышать.

ГЛАВА 14

Запустив пятерню в волосы, Рэн отступил со слезами на глазах, пока Джесс пытался реанимировать Катери, которая лежала на земле у его ног. Но все попытки ковбоя оказались тщетными.

«Она мертва... Как?»

На самом деле, не важно. Ни капельки. Реальность такова, что Катери больше нет, и боль оказалась столь сокрушительной, что Рэн не мог дышать или сосредоточиться. За всю вечность ничто не причиняло ему такой мучительной агонии. Ничего. Рэн чувствовал, как окружающий мир распадается на куски. Как земля уходит из-под ног, поглощая его.

Катери недавно ворвалась в его жизнь, перевернув все с ног на голову, заставила снова чувствовать, а теперь ушла. Почему? Зачем боги так обошлись с ним?

Ему хорошо жилось в одиночестве. Он научился держать всех на расстоянии. Возможно, он не был безумно счастлив, но уж точно не был несчастным. Коротал век без этого вихря эмоций.

И кроме боли, от которой хотелось проклинать богов и разорвать в клочья тех, кто отнял у Катери жизнь.

Тяжело дыша, он уставился на сумрачное небо преисподней.

«Я хочу ее вернуть! Будьте вы прокляты! Я хочу ее вернуть!»

«Как сильно?»

Его сердце замедлило хаотичный бег при звуке чужого голоса в голове. Но он не был незнакомым. Рэн его знал, но не мог припомнить, кому точно он принадлежал. И прежде чем вспомнил, справа от него появилась блеклая тень.

Ветер-провидица.

Красивее любой смертной, она стояла как приведение с суровым выражением лица, отчего ее скулы сильнее выделялись, а оливковая кожа светилась. Казалось, она ведет телепатический разговор еще с кем-то.

И Рэн знал, кто держит ее на поводке.

Гризли.

«Отойди от меня, сука!», — прорычал ей Рэн.

Ветер беспечно пожала плечами.

«Прекрасно. Дай ей умереть. Она для меня пустое место».

С этими словами Ветер-провидица стала исчезать.

Катери для них ничего не значит, но для него она стала целым миром.

— Рэн, мне так жаль. — Сандаун поднялся на ноги и почтительно снял шляпу, переместив вес на одну ногу. — Мы бессильны. Ее не вернуть.

— *Nijo de puta*^[45], — прорычал Кабеса. — И кто теперь осуществит

сброс календаря? А? Нас только что поймали по-крупному, *mi hermanos*^[46]. Можем смело оставаться здесь и разбивать лагерь. Как только откроются ворота, все отсюда рванут на поверхность. Это место превратится в город призрак.

Уриан закатил глаза.

— Это реально отстойный каламбур, Кан.

Джесс вздохнул.

— Это не хорошо. Совершенно.

Саша согласно кивнул.

— Рыгалово, друзья мои. Реальное такое рыгалово. Хвала богам, я таким не страдаю. Жду не дождусь, когда ворота распахнутся. — Его интонация сочилась сарказмом. Он с раздражением ухмыльнулся Сандауну. — А мы считали паршивым атаку убойных язв. Яху! Знаменательный день, часть вторая, вот мы и вернулись. Кто хочет попкорна?

Их слова ни капли не уменьшили боль, сдавившую грудь и горло Рэна. Пока они волновались за весь мир в целом, его заботило благополучие лишь одного человека.

Женщины, которая была мертва.

Сандаун посмотрел на Кабесу.

— Здесь есть место, где мы сможем ее похоронить?

Эти слова так поразили Рэна, что он отступил на шаг под тяжестью удара, глянув на Ветер-провидицу.

«Подожди!»

Ветер замерла, вопросительно изогнув бровь, пока все остальные начали искать место для могилы Катери.

Рэн запаниковал еще больше.

«Что ты хочешь в обмен на ее жизнь?»

Улыбка на красивом лице стала холодной и расчетливой. Ветер посмотрела на Катери.

«Гризли хочет на свободу и не желает сражаться за нее или делиться. Мы возвращаем жизнь сучке, она сбрасывает календарь. Тогда ты освобождаешь Гризли, сам. Никто другой не приглашен на нашу вечеринку».

Это не так просто. Рэн знал наверняка. С одной стороны, ему придется убить брата, чтобы освободить Гризли. Но с другой стороны, идея пожертвовать Койотом, который сам одержим идеей уничтожения мира, не казалась такой уж и плохой.

«Это все?»

Она злое еще расхохоталась.

«Конечно, нет. Ты станешь его слугой».

Рэн покачал головой.

«Я не буду сражаться за Гризли. Никогда».

«Мака'Али, Мака'Али...»

Рэн наверняка смог бы обойтись без ее покровительственного тона. Выражение ее лица стало безжалостным.

«Ты меня не правильно понял. Он не хочет, чтобы ты сражался за него. Гризли больше не верит в твою преданность. Ты станешь его вечным рабом, который будет выполнять все, что Гризли заблагорассудится. Полное порабощение».

У Рэна живот свело от страха только от одной мысли.

«Я не могу этого сделать. Я принадлежу Артемиде».

Ветер-провидица скептически глянула на него.

«Тогда пускай она придет за тобой, если ты ей так сильно нужен... Но ты, как и мы, знаешь правду. Ей, как и всем остальным, нет до тебя дела. Она не потратит и трех секунд, пытаясь разыскать тебя, поскольку даже не поймет, что ты исчез. Посмотри правде в глаза, Мака'Али, ты ничтожество. Ты никому не нужен и не важен. Даже нам».

Эти слова больно ранили. В основном из-за скрытой в них правды. Единственная, кто ценил Рэна за всю долгую жизнь, теперь лежала мертвой у его ног.

Или в этом есть что-то большее?

«Если во мне нет ценности, зачем я понадобился Гризли?»

«Пытать тебя, идиот. Зачем же еще? Ты его предал, и он в отместку жаждет твоей крови. Никто не смеет выставять его дураком. Единственная так называемая ценность в твоей шкуре, что ты можешь подбросить к Койоту и пожертвовать им, освободив Гризли быстрее других. Но если ты не хочешь, чтобы твоя любимая игрушка вернулась в мир живых, прекрасно. Я найду кого-нибудь другого, у кого хватит духу сделать все необходимое для своих любимых».

Рэн заскрежетал зубами. Она тратит впустую время, оскорбляя его. Рэна мало заботили ее слова. Эти шипы давным-давно перестали жалить.

Катери единственная, кто мог причинить ему боль, а ее смерть разбила сердце.

«Я могу спасти ей жизнь».

Рэн посмотрел на единственного человека, который заставил его чувствовать себя необходимым. Ту, что могла вызвать улыбку на его губах, несмотря на обрушившийся на их головы ад. Все внутри скрутило от горя.

Он не мог отказаться от предложения Ветра и Гризли, и им хорошо об этом известно.

«Как я могу продать свою свободу ради женщины, которую только встретил?»

Точно так же Бизон был готов рискнуть и навлечь на себя гнев и возмездие Рэна, встречаясь с Бабочкой во время его короткого правления. Когда он узнал о поступке Бизона, то был в ярости. Не потому, что сам хотел заполучить Бабочку, а из-за того, что почувствовал себя преданным, поняв о страхе Бизона перед ним. Его друг так низко о нем думал, предполагая, будто Рэн убьет его из-за любви.

Благодаря этому он осознал, насколько нелеп и беспричинен страх. Если бы Рэн на самом деле желал Бабочку, то получил бы ее, как только пленил Койота.

Вместо этого Рэн оставил ее в покое. Даже притом, что она была безбожно красива, и он бы с гордостью назвал ее своей. Но Рэн завидовал счастью своего брата, которое было куплено ценой его крови и достоинства, а невеста Койота тут не причем. Рэн никогда бы не пленил брата, если бы тот не отравил его, а потом попытался перерезать горло.

И он бы не мучил Койота, если бы брат держал рот на замке, а не оскорблял его каждый день. Это сводило Рэна с ума. С одержимостью, болью Койота и вечными издевательствами отца Рэн окончательно потерял себя. Он мечтал о том, чтобы это все прекратилось. И чтобы хоть один человек посмотрел на него как на человека с чувствами. Проклятье, даже когда он пришел убить отца, тот смеялся над ним.

— Ты не настоящий мужчина, пес.

Отец плюнул ему в лицо.

Когда Рэн напал, отец мог выжить, если бы хоть раз отнесся к нему серьезно. Но он издевался над ним вплоть до того момента, когда Рэн нанес удар.

За всю жизнь Рэн никогда не чувствовал себя любимым, даже Бизоном. Их отношения рождены из долга Бизона и чувства жалости к Рэну. Хотя они стали близкими друзьями, Бизон подружился с ним не потому, что Рэн ему нравился или у них было что-то общее.

Только Катери увидела его настоящего. Она ничего ему не должна. И не испытывает к нему жалости. На самом деле он ей просто нравится, а все ее подколы были добродушными и игривыми. Рэн чувствовал это каждый раз, когда Катери смотрела на него. В каждом ее прикосновении.

Со слезами на глазах Рэн обратился к Ветру-провидице:

«Спаси ее. Цена не имеет значения».

Ветер безжалостно улыбнулась.

«Мы говорили, что однажды ты к нам вернешься».

«Будь они прокляты, что оказались правы».

Через секунду Катери глубоко и отрывисто вздохнула, а потом открыла глаза.

С бешено колотящимся от радости сердцем, Рэн упал на колени и притянул ее в объятия, наконец дав волю слезам.

Ветер-провидица переместилась, став между Кабесой и Джессом, но не один из них не мог ее видеть.

«Запомни свои слова, Мака'Али. Если ты обманешь нас, мы ее не уьем. Гризли предъявит на нее права, а ты знаешь, как он поступает со своими игрушками. Ею попользуются вволю».

Рэн проигнорировал Ветер, нежась в аромате кожи Катери и чувствуя ее тепло.

— Кому-то кроме меня еще неловко? — спросил Саша. — Ребят, снимите комнату.

Рассмеявшись, Рэн разомкнул объятия, обхватив ее лицо руками, убеждаясь, что с ней все хорошо.

Катери провела пальцами по его влажным щекам.

— Я что-то пропустила?

Саша фыркнул.

— Не-а, ничего особенного. Только свою смерть.

— Что? — неодобрительно хмурясь, спросила она.

Рэн кивнул.

— Ты умерла на моих руках.

— Как?

— Не знаю.

Но у него имелись веские причины подозревать в этом Гризли. А еще Рэн был уверен, что именно благодаря Гризли на них не нападали. Вполне вероятно, ублюдок подарил им это время, зная, как поступит Рэн. Гризли прекрасно понимал, что Катери для него значит.

Сначала Гризли послал Ветер-провидицу, чтобы словить его на крючок, а теперь он повторил трюк с женщиной, которая даже не подозревала, что ею попользовались как орудием против Рэна.

Но это не ее вина. Это он идиот, неспособный оградить сердце. Он не может просто переспать с женщиной и уйти. Его самого слишком часто использовали, чтобы теперь Рэн так поступал с другими.

И сейчас враг точно знал, как сильней его можно ранить. Гризли узнал о самой большой слабости Рэна. Катери.

«Я так облажался...»

Катери ахнула, когда Рэн сильнее стиснул ее.

— Милый, я не могу дышать. Ты меня задушишь.

Он слегка ослабил стальные объятия, но продолжал прижимать ее к себе, словно стремясь слиться с ней воедино.

Джесс откашлялся.

— Возможно, Саша прав и нам стоит их ненадолго оставить вдвоем.

— Не вопрос, какого черта? — ехидно сказал Уриан. — Не судьба ли всего мира висит на волоске или еще что-то важное. Так что не торопитесь. Кусты там, они вам дадут кое-какое подобие уединения.

Рэн отпустил Катери и поднялся с очень пугающим выражением лица. Он окинул Уриана убийственным взглядом.

— Ты как никто другой должен понять мои чувства.

Встав в боевую позу, Рэн протянул руку Катери, а Уриан пристыжено отвел глаза.

Катери взяла Рэна за руку, и он ее поднял на ноги. Она стерла слезы с его щек, удивившись, что он позволил кому-то их увидеть. Особенно после всех ее видений, где он пошел на многое, чтобы никто не стал свидетелем его слабости или боли. Катери поцеловала прохладную щеку.

— Ты в порядке? — прошептала она ему на ухо.

Ее опалила всепоглощающая искренность в его взгляде.

— Сейчас, да. — Он повернулся к остальной их компании. — Кого ждем? Не мы ли должны спасти человечество? Апокалипсис никого ждать не будет.

Саша погладил подбородок, когда они двинулись вперед.

— Знаешь, именно об этом я хотел спросить. Как, по-твоему, апокалипсис, правда, никого не ждет, или все же поджидает четырех всадников? Может нам стоит организовать их похищение.

— Такая затея плачевно обернулась для Сизифа^[47]. Аид по-прежнему его пытается, — с насмешкой сказал Уриан.

— Хорошо подмечено, я научился не вмешиваться в дела богов и становиться на чью-либо сторону. Это реальное попадалово, — Саша стал насвистывать песенку гномиков из Белоснежки.

Пока Уриан не схватил его за горло.

— Если ты вдруг забыл, мы в аду, где томится куча демонов и некоторые из богов, которых ты не захочешь злить. Нам по возможности не стоит привлекать внимание.

Саша оттолкнул руку от горла и скривился.

— Не стоит быть такой сволочью.

— А ты не будь идиотом.

— Довольно! — прорычал Рэн. — Давайте придержим яд для схватки с врагами, замышляющими наше убийство, а не для нападок друг на друга.

Они шли, а Катери становилась все задумчивей, наблюдая за мужчинами. Она восхищалась ими. Столь разношёрстные личности, но объединённые в войско, призванное защищать людей, с которыми они даже не знакомы. Человечество, которое в прошлом не проявило к ним ни грамма доброты. Каждый из них горько предан тем, кому он доверял.

Сандауна застрелил лучший друг на ступеньках церкви, где он собирался обвенчаться с любимой женщиной. Уриана предал отец и дед. Кабесу — женщина, ради защиты которой он бы отдал свою жизнь. Сашу — собственный брат. Рэна...

За него у нее разрывалась сердце. Она взяла его за руку. Он вздрогнул, потому что не привык к такому.

— Ты будешь вздрагивать каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь? — поддразнила Катери.

Рэн наслаждался веселой интонацией ее голоса. Ему никогда не привыкнуть к такой непринужденной манере общения с ним.

— Интересно, а он боится щекотки? — сказал Саша, выразительно шевеля бровями. — Но поскольку я люблю свое имущество не выпотрошенным, не буду говорить, что умираю от желания узнать. Но, Катери, ты узнай, а потом расскажешь.

Она озорно улыбнулась.

— Так как, боишься?

Рэн пожал плечами.

— Откуда я знаю?

Катери поморщилась от столь бесстрастного тона. На долю секунды она забыла, что таких обыденных вещей у него не было в детстве. Никто никогда не играл с ним. Он почти вырос, прежде чем Бизон подружился с ним, хотя у Рэна был брат-одногодка. Койот играл с друзьями, а Рэна оставлял в стороне наблюдать за ними.

На нее нахлынуло видение его прошлого. Солнечный летний день, жара стояла просто невыносимая.

— Эй, Мака'Али, мы идем купаться. Хочешь с нами?

Рэну тогда было где-то двенадцать или тринадцать лет, он оторвался от работы по дому и посмотрел на Койота и Чу Ко Ла Та с другими мальчишками его возраста.

— Я-я-я-я д-д-должен з-з-закончить.

— Да ладно, мы ненадолго. Ты сможешь закончить, когда вернемся.

Сейчас середина дня. Давай отдохнем, пока такая жара.

Несмотря на неприятные предчувствия, Рэн кивнул. Его раньше никогда не приглашали с собой, и он побоялся, что брат со своими друзьями больше не предложат, если он откажется.

Рэн отложил в сторону инструмент и стер пот со лба, прежде чем присоединился к компании мальчишек. Всю дорогу до озера они подшучивали друг над другом и смеялись, полностью игнорируя Рэна.

Как только они добрались до небольшой поляны, около которой поблескивало озеро, все разделись до набедренных повязок и запрыгнули в воду.

Рэн заколебался. Будут ли они смеяться над ним? Он еще ни перед кем не раздевался.

— Давай, Мака'Али, — позвал Койот. — Ты много теряешь.

Готовясь к худшему, Рэн тоже разделся до набедренной повязки, а потом залез в воду. К его облегчению, ребята его полностью игнорировали, купаясь и резвясь в воде.

Рэн нырнул под воду. Живительная прохлада ослабила полуденный зной. Несколько минут он спокойно плавал на спине с закрытыми глазами.

Пока его не схватили.

Прежде чем он опомнился, Чу Ко Ла Та сорвал с него набедренную повязку и смеясь побежал на берег.

Рэн бросился за ним. Как только он оказался на суше, его схватил Койот и бросил назад в воду. Рэн выплыл, кашляя и хватая ртом воздух, а потом обнаружил, что мальчишки сбежали. Прихватив с собой всю его одежду.

Он попытался позвать их, но ничего не получалось. Челюсть заклинило, и слова застряли в горле.

Оскорбленный и рассерженный Рэн поплыл к берегу и вылез.

«Я должен попытаться вернуться в город незамеченным. Есть несколько троп, которыми редко пользуются.

Оказавшись дома, я смогу...»

Он не закончил мысль, столкнувшись лицом к лицу с компанией девушек, пришедших искупаться. При виде его наготы они завизжали и начали смеяться над ним.

С красным лицом Рэн руками попытался прикрыться и побежал в лес, пытаясь спасти остатки своего достоинства. Но внутри у него все вопило от боли и унижения.

К тому времени, как он вернулся домой, отец уже ждал его. Девушки вернулись сразу же, рассказывая всем подряд, что он онанировал в

общественном водоеме.

— Где твоя одежда?

— З-з-з-з...

Отец ударил его так сильно, что сбил с ног.

— Отвечай!

Рэн попытался, но был столь расстроен, что не смог сказать ни слова в свою защиту. Вообще ни словечка.

Отец дернул его за руку.

Рэн споткнулся, а глаза от боли заволокло слезами. Он попытался вырваться из хватки, но отец не отпускал. Он потянул его к столбу. Рэн стал сильнее вырываться.

Отец безжалостно тащил голого Рэна по дому. Когда они проходили мимо Койота, наблюдавшего за ними широко распахнутыми глазами, Рэн потянулся к брату.

— П-п-п... — Он попытался сказать «пожалуйста», чтобы брат рассказал о случившемся и не позволил избить Рэна.

Койот не обращал на него внимания, идя за ними следом на задний двор. Отец привязал Рэна к столбу и насыпал двадцать плетей за осквернение общественного водоема.

— Ты никогда снова туда не пойдешь, — прорычал отец Рэну в лицо. — Ты меня понял?

По его щекам текли слезы, а губы дрожали, когда он попытался заговорить.

Отец зарылся рукой в окровавленные волосы сына и рванул их.

— Ты меня понял, слабоумный ублюдок?

Рэн кивнул, глотая слезы.

Отец развязал его.

— Теперь иди, оденься и закончи уборку. Если хоть что-то не успеешь сделать до заката, мы сюда вернемся, и ты получишь еще двадцать плетей.

Рэн попытался встать на ноги, но он был сильно избит, чтобы стоять. Ноги дрожали даже сильнее губ.

Он лежал так несколько минут, пока Койот не принес одеяло и не накрыл его.

— Прости, Мака'Али. Мы просто пошутили. Я не знал, что девочки всем расскажут. Мы думали, они посмеются и подразнят. Ни у кого и мысли не возникло, что они скажут всем, будто ты занимался чем-то непристойным.

Тем не менее, его спина огнем горела от петель.

— П-п-почему ты не с-с-сказал...

— Не хотел нарваться на неприятности. Кроме этого, ты же знаешь отца. Он все равно нашел бы причину избить тебя. Зачем нам двоим страдать.

«Брат прав. В любом случае меня бы избили».

Койот помог ему подняться на ноги. Закинул руку Рэна себе на плечо, чтобы помочь брату добраться до его комнаты.

На полпути отец встретил их и улыбнулся Койоту.

— Мой дорогой сын, ты всегда так добр даже к тем, кто этого не достоин. Хотя я ценю твое милосердие, все же тебе не следовало это делать. — Он брезгливо скривил губы, глядя на Рэна. — Нельзя баловать преступников после наказания. Иначе они никогда не извлекут урока. Теперь отпусти его и забери одеяло. Он считал забавным разгуливать голышом... пусть так и идет в свою комнату.

Рэн ждал, что брат хоть слово скажет в его защиту.

Вместо этого Койот кивнул.

— Прости, отец. Этого больше не повторится.

Он забрал у Рэна одеяло.

Рэн едва держался на ногах. Полными слез глазами он смотрел, как отец треплет Койота за волосы и целует в макушку.

— Пошли, сынок, у меня есть для тебя подарок.

Катери не могла дышать от ужасной боли, вызванной этим видением прошлого. Печально, что к Рэну так редко относились с состраданием, что он цеплялся за эгоизм брата и всегда защищал его.

«Как Койот мог быть столь жесток к нему?»

Ее охватила дикая опаляющая ярость. Не задумываясь, она помчалась вперед и толкнула Сандауна.

Потрясенный он обернулся и посмотрел на нее как на шизанутую.

— И что это было?

— Ублюдок! Почему ты так медлил, прежде чем подружился с ним? Знаешь, ты мог бы хорошо к нему относиться до того, как стал обязан жизнью матери и сестры!

— Ты о чем? — Сандаун нахмурился. — Она окончательно сбрендила?

Рэн развернул ее к себе.

— Катери, он не помнит о том времени, когда был Бизоном. Некоторые фрагменты и куски, но не так много. Хотя внешне они похожи и у них есть общие черты, все же Сандаун совсем другой человек.

Катери зажмурилась и кивнула.

— Прости, Рэн. — Она посмотрела на ковбоя. — Джесс. Меня это сводит с ума... — Она повернулась к Рэну. — Они не имели права так

обращаться с тобой.

— У тебя опять было видение?

Она кивнула.

— Теперь я понимаю мою бабушку. Мы гуляли по улицам, и она беспричинно вздрагивала. Каждый раз, когда я спрашивала, в чем дело, она отвечала: «Это прошлое, дитя. У некоторых оно настолько несчастное, что создает цикл из плохих воспоминаний, которые крутятся в сердце как заезженная пластинка. Цикл настолько плохой, что его видят те, кто на это способен. Благодаря этому мы знаем, что нужно помочь пострадавшему избавиться от боли. Так человек узнает, что, несмотря на жестокость, не все в мире плохое. А ужасное прошлое не должно разрушать их будущего. Улыбайтесь, сколько хватит сил. Улыбка дает полет душе и приносит в мир краски. Возможно, вы не можете купить дорогую одежду и обувь, но у каждого человека уникальная улыбка, которая стоит миллионов, особенно для тех, кто нуждается в доброте». — Катери стиснула волосы в кулак. — Тьфу! Кажется, Джесс прав. Я сдурела.

Рэн костяшками пальцев провел по ее подбородку, отчего по рукам Катери побежали мурашки.

— Ты не сошла с ума. Ты обретаешь силу, которую пока не можешь контролировать. Поверь мне. Мы все думали, что теряем рассудок, когда овладевали силой. Вот бы ты была рядом, когда я впервые обернулся в ворона. Я влетел прямиком в дерево, потом пришлось состряпать историю, чтобы объяснить огромный синяк на лбу, который не сходил две недели.

Она покачала головой.

— Ты замечательный.

— Он прав, — сказал Саша за спиной Рэна. — Когда я учился перемещаться, то попадал на свадебные вечеринки к незнакомцам. Ты об унижении говоришь. Так вот, мои силы вмиг меня покидали. И вот я стою во всей красе, прикрывая ладонями хозяйство, и думаю: «Почему я, боги?.. Почему это случилось со мной?»

Они все рассмеялись.

— Как я тебя понимаю, — сказал Уриан. — Я случайно превратил своего брата на неделю в козла. Я так боялся, что отец со мной сделает, поэтому не смог ему рассказать. Только мать обо всем догадалась, когда увидела в моей кровати козла, который моментально снова стал аполлитом. Я очень рад, что брат просто посмеялся, а не убил меня. Но до конца его дней меня мучило охрененное чувство вины.

Катери решила развить тему насчет его брата.

— С ним потом все было в порядке?

— Да, только у него после этого появилась странная тяга жевать кожу, но, по крайней мере, от этого у него были острыми клыки.

Кабеса поднял руку, призывая всех к молчанию. Джесс бесшумно стянул с плеча винтовку, а Рэн натянул тетиву и установил стрелу.

Что-то мчалось слева.

И оно направлялось прямо к ним.

ГЛАВА 15

— Используй меня в качестве щита.

Катери потрясенно наблюдала, как Рэн встал перед нею, заслонив собой от неизвестной угрозы.

— Рэн...

— Я бессмертен и только-только вернул тебя с того света. Ты намного важнее меня. Теперь делай, что я говорю... пожалуйста.

Все сказанное им не на шутку взбесило, пока он не произнес «пожалуйста». Его просьба в сочетании со страхом за нее притупила вспышку гнева, вызванную резким приказом. Одно слово обнажило его истинные чувства.

Рэн никого не оплакивал, и все же рыдал из-за нее.

— Ладушки, малыш, — сказала Катери с улыбкой. — Но знай, если тебе сделают больно, я им устрою разборку «Кровавого прилива» с «Тиграми». Ты меня понял? Накати волна!^[48]

Саша обернулся и хмуро посмотрел на нее.

— Я говорю на десяти языках и знаю сотни диалектов, но будь я проклят, если понял, о чем ты толкуешь. Я один здесь такой непонятливый?

Сандаун взвел курок.

— Он сказал, что любит ее. А она ответила: «Я тоже тебя люблю». Теперь умолкни.

Саша стоял, махая пальцем взад-вперед, словно беззвучно прокручивая ее слова. Через секунду он повернулся к Джессу.

— Где, черт возьми, ты слышал это в ее словах?

Уриан зыркнул на Сашу.

— Парень, она говорила о футболе, а теперь заткнись.

— О футболе, твою ж, — пробормотал Саша, прежде чем обернулся в волка и побежал в лес на тех, кто к ним приближался.

Кабеса наколдовал странное оружие треугольной формы, которое Катери в жизни не видела.

— Если я случайно убью Сашу, как по-вашему, у кого-то будут претензии?

— Да, как ни печально это звучит, — вздохнул Сандаун. — Но Зарек порвет тебя за это.

— Шизанутый Зарек?

— Ага.

Кабеса хлопнул Рэна по спине.

— Тогда, *amigo*, ты будешь виноват, что мне придется промахнуться и не пойти на поводу у своих желаний.

Рэн покосился на него.

— *Gracias*^[49].

— *De nada*^[50].

В ту самую секунду, когда Катери вспомнила, что пока у Рэна синие глаза, он смертен, на них напал лес. В прямом смысле слова! Деревья. Листья. Демоны.

Рэн опустил лук и отступил, прикрывая ее.

— Кабеса? *Huitzauhqui, por favor*^[51]!

В руках Кабесы появилось оружие в виде весла с зазубренными концами, которое он передал Рэну. Острее чем мачете, оно рассекало все, чего касалось. Рэн прижал Катери к каменной стене, чтобы никто не смог напасть на нее сзади.

Катери пускала стрелы во все, что находилось в пределах досягаемости. Сандаун стрелял из винчестера, Уриан дрался мечом, а Кабеса — боевой дубинкой, только не такой как у Рэна.

Рэн выругался, когда еще больше демонов выползло из земли и кинулось на них. Он солгал Катери. Его силы не вернулись, он, как и она, смертен. Но, по крайней мере, у остальных парней с этим нет проблем.

Хуже всего, что он не мог наполнить колчан Катери стрелами или взорвать противников.

Или все же мог?

Рэн посмотрел на Сандауна, тот перезаряжал винтовку. Выходит, Джесс может создать патроны...

Закрыв глаза, Рэн призвал новый колчан. Мгновенно он появился в его руках. Хвала богам!

Он повернулся и протянул стрелы Катери, а потом вызвал огненные шары. Враги визжали и кричали, когда огонь опаливал их, отгоняя прочь.

Этот вид — услада для глаз.

Катери замешкалась на следующем выстреле, увидев, что Рэн отбросил оружие. Он запрокинул голову и раскинул руки. Выгнув спину, начал что-то нашептывать на языке, который ей никогда не доводилось

слышать.

За секунду на его теле появилась тяжело стилизованная броня, непохожая на любую другую. Насыщенного темно-фиолетового цвета с золотой окантовкой, она покрывала Рэна от шеи до пят. Стальные перчатки с изогнутыми длинными когтями на пальцах одновременно служили защитой рукам и оружием.

Волосы, спадавшие на лицо, теперь были убраны со лба назад и закреплены военным головным убором из орлиных перьев.

Еще через секунду такие же доспехи появились и на ней. Они оказались не тяжелыми, а наоборот легкими как летний ветерок. И, казалось, будто они дышат.

Явно демонические.

Волшебные силы, которые Рэн случайно унаследовал, испив грудного молока демона-вороны. Пораженная происходящим Катери вернулась к стрельбе, но стрелы в пару шагах от нее сыпались на землю, соприкасаясь с окружающим ее силовым барьером.

Обезопасив и защитив ее, Рэн опустил голову, и от его воинственного облика у Катери побежали мурашки по спине. А потом Рэн накиннулся на демонов с пугающим мастерством.

Именно это существо год и один день ожесточенно сражалось с ее отцом.

Три демона напали на него одновременно. С диким ревом он отступил назад, так как еще один захотел пронзить Рэна коротким мечом.

Рэн схватил его, обезоружил, а потом пропорол живот его же оружием. Третий бросился наутек, но Рэн остановил беглеца, метнув ему в спину шаровую молнию.

Сандаун опустил винчестер, а Уриан подошел к нему.

— Как-то я почувствовал себя сейчас совсем не нужным. А ты, что скажешь, Ковбой?

— Примерно таким же, полезен, как бородавки на ляжке свиньи.

Они вдвоем обернулись, глядя на Катери.

— Ты знала, что он на это способен? — спросил Уриан.

— В какой-то мере, но вживую — это грандиозное зрелище.

И это правда.

Пока ее не поразило плохое предчувствие.

«Рэн — Громовержец...»

Катери не знала, с чего это взяла, но могла представить его в роли разрушителя из легенды. Хотя громовержцы могли стать на защиту мира, они так же способны направить свой гнев и разнести вселенную в пух и

прах. Гром-птица уничтожала все и всех на своем пути. Именно поэтому ее отец запечатлел громовержца на ожерелье Рэна как Стража Востока.

К ним подошел Кабеса.

— Мы влипли.

Джесс ухмыльнулся с явным сомнением.

— И с чего ты взял?

— Тот *pendajo*, с которым схлестнулся Рэн, — Ками. Он муж Иш Таб. Богини самоубийства.

Катери рванулась к Рэну, но сделав пару шагов, наткнулась на силовое поле.

— Мы должны помочь ему.

— Помочь? — спросил Уриан. — Как по мне, победа за Рэном.

Если бы он дрался с обычным демоном, Катери бы в этом не сомневалась. Но это бог смерти.

Рэн погибнет... Она чувствовала это всеми фибрами души.

Рэн отступил, когда Ками с силой толкнул его в грудь. Только бог не знал, что это совсем не больно. Красота брони в том, что она питается силой ненависти и злобы. Чем больше бог стремится причинить боль, тем сильнее броня, а само божество ослабевает.

— Ты никогда не сбежишь отсюда, — прорычал Ками. — Теперь вы все принадлежите нам.

Рэн рассмеялся.

— А знаешь, что произойдет, если убить бога? Ты получишь его силы.

Ками снова напал на него.

Рэн не колеблясь ответил ударом на удар.

Бог попытался ударить магией.

Рэн насмешливо приподнял бровь.

— Ты закончил?

— Тебя должно было разорвать на части. Я не понимаю.

Рэн схватил его за горло.

— Тогда давай я растолкую тебе правила. Мы оба впитываем демонические силы. И раз исток твоих сил демонический, они делают меня сильнее. Так что давай призови сюда всех богов. Позволь мне иссушить их силу, пока я не опьянею. — Он злорадно расхохотался, а потом впился зубами в шею бога смерти и стал пить кровь.

Катери оцепенела от этой картины.

— А это по плану?

— Нет, — ответили ей трое парней в унисон.

Кабеса посмотрел на Джесса и Уриана.

— Наверное, одному из нас нужно пойти и прекратить это.

Уриан хлопнул его по спине.

— Несомненно. Действуй!

Сандаун протянул Катери ружье

— Что ты делаешь? — спросил Уриан.

— Не хочу, чтобы Рэн подстрелил меня из моего собственного оружия.

Если он вцепится мне в глотку, то я надеюсь, что один из вас оторвет его от меня.

Сандаун направился к Рэну.

Стоило ему приблизиться, как Рэн поднял голову и облизнул окровавленные губы. Его глаза пылали глубокой ужасающей краснотой.

— Может, подойдешь сюда и бросишь нехорошего бога, Рэн?

— Я Мака'Али. И ты должен меня бояться.

— Я больше ничего не боюсь. Один разок пробовал, и... мне не пришлось по вкусу. Меня потом пару дней рвало, поэтому я не собираюсь наступать на одни и те же грабли дважды. А теперь отпусти бога, пока мы не сделали того, о чем потом оба пожалеем.

Рэн наклонился и слегка повернул Ками, обнажая рану на его шее, а потом вдохнул, словно кровь была самым сладостным нектаром.

— Почему бы тебе не убраться отсюда. А я, пожалуй, останусь. Мне здесь нравится.

Ками призвал к себе Иш Таб.

Она появилась с длинными темными волосами и кожей цвета карамели. Богиня замерла, увидев окровавленного мужа.

— Убери их отсюда, Иш Таб, или они нас уничтожат!

Она подняла руку, но Сандаун остановил ее.

— От нас отделился один мужчина, и мы без него не уйдем.

Иш Таб с отвращением скривила губы.

— Волк? Забирайте животное. Нам он здесь не нужен.

Одну секунду они были в лесу, а в следующую — вернулись в разгромленный дом Рэна.

Даже сильно раненый Саша.

— Я перенесу его в «Санктуарий», — сказал Кабеса, схватил волка и исчез.

Сандаун забрал свое ружье у Катери.

— Мне это может понадобиться.

Уриан остановил его.

— Знаешь, оружие против демона — паршивая идея. Это его не убьет, но зато конкретно взбесит.

— Да, но мне от этого полегчает.

Сандаун стал обходить Уриана, но Катери остановила его.

Она подошла к Рэну и обхватила ладонями его лицо.

— Малыш? Что происходит?

Рэн слышал ее слова, но не смог понять их значение. Еще большей загадкой было то, что эта странная женщина прикасается к нему. Внутри заклокотала ярость.

Пока он не почувствовал ее аромат.

«Катери».

В голове вспыхнули образы ее ласк, поцелуев, соития. Он положил руку ей на грудь так, чтобы чувствовать биение сердца.

— Рэн?

«Помоги мне, Катери».

Ему так хотелось вернуться к ней. Но он чувствовал себя таким потерянным.

Она притянула его к себе и крепко обняла.

— Все хорошо, милый. Мы сейчас дома. Ты в безопасности.

«В безопасности».

Это слово всегда оставалось для него загадкой.

Но пока она покачивала его, внутри вспыхнули странные эмоции и желания. С одной стороны, ему хотелось укунить и испить ее крови.

С другой — защитить. Убедиться, что никто никогда не будет охотиться за ней.

— Посмотри на меня, Рэн.

Он сделал, как она просила, и заглянул в глаза, заполненные...

Она поцеловала его. В тот миг, как их губы соприкоснулись, он вспомнил, как выглядела Катери, натянув тетиву лука, готовая бороться до конца.

«Ладушки, малыш. Но знай, если тебе сделают больно, я им устрою разборку «Кровавого прилива» с «Тиграми». Ты меня понял? Накати волна!»

В этом воспоминании он нашел себя.

«Это и есть любовь?»

Пальцами Катери перебирала волосы на его затылке, а язык сводил с ума. Когда она отстранилась, он был так опьянен поцелуем, что боялся упасть.

Катери вздохнула с облегчением, увидев, что глаза Рэна вновь стали

синими. В них еще поблескивали крапинки красного, но это был тот мужчина, с которым она занималась любовью.

— Тебе лучше?

— Если скажу, что нет, ты меня снова поцелуешь?

Она рассмеялась.

— Я тебя в любом случае поцелую. — Но ее смех оборвался, стоило увидеть на шее Рэна красную каплю. Такую ей доводилось видеть лишь раз в видении, когда Рэн дрался с ее отцом. — Что это?

Рэн глянул вниз и понял, о чем она спрашивает. У него перехватило дыхание, когда он увидел красный кристалл, содержащий кровь Ветра-провидицы. Кровь, которой они привязывали его к Духу Гризли.

В голове раздались злобные проклятия стервы, и он наконец понял. Когда Страж освободил Рэна от Гризли, Ветру-провидице пришлось вернуться на службу к Духу Гризли. Ее освободили благодаря пленению Рэна, и ее свобода зависела от его рабства.

Неудивительно, что Ветер столь сильно ненавидела его.

Но он не мог рассказать об этом Катери и радовался, что она не понимает значение метки раба Духа Гризли.

— Ничего.

Катери знала, что Рэн врет. Просто не понимала причину лжи. Но решила довериться ему. Возможно, у него для этого есть веские основания. И все же, ему лучше к такому не привыкать. Лжецов она ненавидела больше всего на свете, но не была столь наивна, чтобы думать, будто не существует оправданной лжи. Так в детстве она всегда говорила Саншайн, что ее картины красивы, хотя думала тогда совсем иначе.

Рэн что-то скрывает.

И это что-то очень плохое. Катери, как ни старалась, не могла избавиться от этого чувства. Хуже всего, ее не покидало видение одержимого Рэна.

Как он уничтожает весь мир, а она не в силах ему помешать.

ГЛАВА 16

Ашерон Партенопеус замер, зайдя в спальню Катери. Скромный дом без излишеств, но наполненный теплотой.

Как и его дом в Новом Орлеане.

На его губах заиграла улыбка при мысли о жене и сыне.

«Как же хочется побыстрее вернуться домой и оставить всю эту мерзость.

Если она их не доконает.

Мать порадовалась бы, услышав о моих сомнениях».

Но Эшу не хотелось думать о ней в эту минуту. Сейчас ему нужно найти камень времени Катери и отдать его ей. Время поджимало, а врата становись все тоньше и прозрачней.

— Проклятье, здесь дофига камней, — пробормотал он, узрев всю коллекцию. А еще куча лежала коробками в гараже и огромной грудой на крыльце. Ашерон в жизни такого не видел.

«Женщина конкретно на них повернута».

— Давненько не виделись, Ашерон.

Он замер при звуке голоса, который не слышал веками. Обернувшись, он увидел тень очень мудрой знахарки, с которой познакомился на прошлой миссии предупреждения конца света.

— Искиб. Как дела?

— Не так хорошо, как хотелось бы, но я рада помощи старого друга.

— Радует, что я еще тут и могу помочь.

Она рассмеялась. И Эш сразу понял, что перед ним не настоящая Искиб. Хотя они были похожи, у этой женщины другой смех. Не тот, что радовал душу.

— Кто ты?

— Мы знакомы.

Ашерон попытался вспомнить и не смог.

— Нет, я так не думаю.

Но как только слова совались с губ, Эш понял, как заблуждался. Он знал ее...

— Тива.

Богиня разрушения. Пока ее брат-близнец контролировал время и сохранял порядок, Тива жила ради уничтожения жизней и хаоса.

Они нарекли Время — Зевом.

А Безвременье — Тивой.

Она поцокала языком.

— Всегда так проникателен. Кстати, спасибо, что привел меня сюда. Без тебя я никогда бы не нашла это место.

Она подошла к одной из коробок.

Эш потянул ее к себе.

— Я тебе этого не позволю.

Она усмехнулась.

— Ты не можешь меня остановить.

— О да, еще как могу. — Эш почувствовал, как тело начало светиться,

когда он выпустил свои божественные силы. — Хочешь испытать меня?

Катери по-прежнему волновалась за Рэна. Их броня сменилась обычной одеждой, и он заявил, что все отлично, но ее терзали сомнения. Что-то здесь не так.

Пока Рэн дремал в кровати, она улизнула за чашечкой кофе. Катери сидела за кухонным столом с Кабесой, который вернулся передать, что о Саше позаботились и он поправится.

Катери повесила трубку и улыбнулась Кабесе.

— Саншайн сказала, что у них все хорошо и Рейн доводит ее до белого каления. Она хочет, чтобы мы поскорей закончили и вернулись домой, пока она его не прибила.

Кабеса рассмеялся.

Посерьезнев, Катери провела руками по волосам.

— До сих пор не пойму, почему это все свалилось на меня. Я понимаю, что по материнской линии Санни не индианка, но...

— Твоя бабушка была особенной, — сказал Кабеса, прерывая ее рассуждения. — Еще до летописи между нашими народами велась ожесточенная борьба. Ахау Кин — наше божество подземного мира и времени. Нам очень повезло, что мы с ним не столкнулись в Шибальбе. С другой стороны, Рэн наслаждался бы его кровью. Зачем рисковать? В любом случае, ты же знаешь, кто он такой? Он почти всегда изображен в центре наших календарей.

— Бог с лицом ягуара. Рэн мне об этом уже рассказа. Ахау — отец Ани-Кутани.

Кабеса кивнул.

— Когда другие племена стали преследовать народ Рэна, их ненависть и яростные атаки возмутили Ахау Кина, так что он проклял их и разделил навеки. Он намеревался изгнать человечество с этого мира в преисподнюю, чтобы никогда больше их не видеть...

От слов Кабесы в голове промелькнуло видение. Вокруг царила тьма, а небольшая деревушка пылала в огне. Ахау Кин шел в центре разрушения, убеждаясь, что никто не выжил.

Внезапно он увидел девушку, которая загородила собой соседского ребенка.

Он подошел, чтобы убить их, но девушка не сжалась от страха и не

отступила.

— Вы поступили бесчестно! — бесстрашно выкрикнула она. — Вы должны быть лучше нас, а выходит, это не так? Мой отец всегда говорил, что от скверного отношения к другим лучше не станет. Но если вам от этого лучше, мне вас искренне жаль. Как ужасно владеть вселенской властью и не найти лучшего средства самоутверждения.

Ее слова ошеломили Ахау. Никчемный человечек осмелился дать ему отпор. Не оружием.

А словами.

Храбрость и мудрость столь юного и чистого существа затронули душу божества. Он восхитился ею и не смог заставить себя убить ее. Вместо этого он сделал ее своей человеческой невестой, и она подарила ему сто сыновей и тридцать дочерей. Впервые в истории Вселенной Ахау Кин был по-настоящему счастлив. Но его действия против жителей материка стали причиной космического раскола.

Дисбалансом тьмы, вызванным его ненавистью.

Зло проникло в этот мир, уничтожая все, чего касалось. Хуже всего, оно пришло за человеческой семьей Ахау.

Чтобы спасти от смерти горячо любимых детей, Ахау Кин изгнал тьму на небо, где древо жизни образует мост между этим миром и тьмой. Ахау отправил туда зло, чтобы оно не смогло навредить его семье.

Но тьма сильна и не останется в ловушке навечно. Ахау Кин понимал это, когда запечатывал врата.

— *С того времени, каждый раз в день зимнего солнцестояния, когда стрелец пересекает небосвод, он открывает сердце неба, — Катери слышала голос бабушки, поведывающий ей эту легенду. — И в эту дверь вся тьма и идущее по ее стопам зло способно спуститься по священному древу, чтобы сеять хаос и прийти за детьми Ахау Кина.*

Чтобы защитить детей и тех, кого они оберегали, Ахау Кин оторвал кусочек солнца с неба и поместил его в специальный камень. Во время парада звезд, когда ворота ослабнут, позволив мраку покинуть тюрьму, Икскиб — душа ягуара с прямой родословной от жены Ахау Кина — должна использовать камень, чтобы не позволить тьме вырваться на волю, и запечатать врата, тем самым перезагрузив календарь до следующего парада. Но если детей Ахау Кина не станет, человечество канет в лету...

Катери — последняя из прямых потомков. Ее матери было предназначено стать Икскиб. Тьма знала об этом, поэтому пришла за ней и убила.

Так же, как и бабушку. Вора, забравшегося к ней в дом, так и не

нашли, потому что ее жизнь отнял демон.

Последняя из рода выжила лишь потому, что отца и отчима послали скрыть Катери от зла, которое жаждало ее смерти. Без них она умерла бы ребенком...

«Бред сивой кобылы!»

Катери так не хотелось верить во все это. Но теперь ей известна истина.

Именно поэтому она никогда не изучала историю майя. Отец зародил в ней эту неприязнь, чтобы удержать Катери подальше от всего, что могло натолкнуть врагов на ее след.

Бабушка знала, что однажды камень времени будет принадлежать ей, поэтому научила внучку любить и собирать горные породы и минералы. Их совместная сила защищала камень времени, оберегая от тех, кто хотел его разрушить.

В своем сознании Катери увидели необходимый им камень.

«Как же глупо, что я сразу не догадалась».

Ее бабушка всегда называла его Глаз Солнца, говоря, что он единственный самый мощный камень в ее коллекции. Того же оранжевого цвета, как и официальный флаг чероки, на котором изображено семь звезд — по одной для каждого клана из племени чероки с равным количеством в плееде — и одна отдаленная черная звезда в верхнем углу, как дань трагически погибшим на «Тропе слез^[52]»... Та самая тьма, которой им следовало всегда остерегаться.

Если уж на то пошло, даже их флаг мира состоит из семи красных звезд на белом фоне, составленных по образу созвездия *Yonegwa*^[53].

И этот камень можно найти только в Мексике. Мексиканские огненные опалы очень редки, но еще реже они передают игру света, как более привычные черные и белые опалы, найденные в других уголках мира.

Ребенком Катери верила, что бабушкин опал подмигивает ей. Она всегда хотела разгадать его тайну.

Теперь ей известен его секрет.

Опал бабушки на самом деле кусочек солнца. Весьма иронично, учитывая, что он инкрустирован в ожерелье, которое Катери всегда напоминало стилизацию под майя с их символом солнца...

Невероятно.

Нахмурившись, она посмотрела на Кабесу.

— Что мне с ним делать?

— На стене пещеры, которую может увидеть лишь Страж, будет

стенопись с изображением громовержца и колибри. Тебе нужно взять Киничи — глаз солнца — и поместить его в один из клювов птиц... в специальное место, так, чтобы гром-птица отнесла глаз к небесам и загнала тьму обратно в тюрьму. После этого камень вернется к тебе на хранение.

— И где расположена эта стенопись?

— В Долине Огня.

Поэтому ее перенесли в Лас-Вегас. В Долину Огня отец отправился отдыхать после битвы с Рэном. В центре Долины скрыта одна из самых важных пещер, которая находится на пересечении всех врат этого мира и миров, которые никто не хотел бы открывать.

Честно говоря, Катери не хотелось во все это верить.

Но стоило подумать об этом, как в голове раздался голос бабушки: *«Ты можешь во что-то не верить, но истина от этого не изменится»*.

Пусть бог благословит бабушку за эту правду.

Она посмотрела на Кабесу.

— Ты когда-нибудь чувствовал такой груз ответственности, что единственное, чего ты хотел, это скрутиться на кровати в бублик и прикинуться овощем?

— *Si*, но такое случалось в разгар сражений, и я не мог заикливаться на своем желании. — Он поднял кружку кофе в молчаливом тосте. — Как и ты, *bonita*. Нет времени для заминок.

Катери кивнула.

— Я могу кое о чем спросить?

— Я опускаю стульчак. Клянусь.

Она рассмеялась над его неожиданным комментарием.

— А если серьезно, почему ты говоришь на испанском языке, если на самом деле ты из племени майя?

— Потому что, когда я говорю на родном языке, кроме Ашерона и горстки Темных охотников никто другой меня не понимает. И я выучил испанский задолго до английского. Я провел два тысячелетия в Испании, Басконии и Португалии, прежде чем мне разрешили вернуться на родину.

— Ничего себе, — выдохнула она. — Это невероятно.

— Не знаю. Долго, *si*. Определенно... Вначале было тяжело привыкнуть. Мне понадобился целый месяц, чтобы просто правильно надеть штаны. Это стало причиной нескольких неловких моментов. Особенно, когда мне приходилось объяснять другим, почему даймоны исчезли, а мои штаны спущены до лодыжек. К сожалению, тогда у нас не было Гугла, чтобы глянуть примеры. Тяжелые, трудные времена.

Катери снова рассмеялась. Когда Кабеса опустил окружавшую его

девятиметровой толщины стену, то оказался весьма забавным.

— Пока ты такой разговорчивый... Почему тебя называют Кабеса? Я обязана узнать.

Он сардонически усмехнулся.

— Я всем говорю, что это из-за голов, собранных мной в бою.

— Но это же не так?

Он покачал головой. Его накрыло саваном глубокой и темной печали. Несколько секунд он сидел молча.

— Когда я был мальчиком десяти лет... моего старшего брата убил отец Чаку. Это были скверные времена для Тикаля. Королевство змей совершало на нас постоянные набеги. Одной из таких атак подверглась группа детей, многих ранили. Мой старший брат остался, отведя огонь на себя, чтобы остальные могли убежать. Они вернулись, но ценой их безопасности стала жизнь моего брата. Ему едва исполнилось пятнадцать, он не смог долго продержаться против целого отряда опытных воинов. Эти ублюдки отрезали ему голову и играли ею как мячом. Когда мать узнала, то весть разбила ей сердце. Она сказала, что каждый раз, когда они играют головой ее ребенка, будто убивают его раз за разом. Я не мог вынести ее несчастного вида, поэтому потихоньку пробрался в их столицу и нашел голову брата, а потом принес ее нашей матери, чтобы она снова могла спать.

Катери прижала руку к сердцу, а на глаза навернулись слезы.

— Это такая трагедия для тебя. Мне так жаль.

Кабеса пожал плечами.

— Паршиво, *si*. Но еще хуже для моей матери. Я потерял брата. А она сына... гораздо хуже. — Он откашлялся. — Мой дядя был немного *loco*^[54]. Он назвал меня Головой, чтобы отпраздновать мою храбрость и преданность. А также напомнить мне и другим, что самое большое благородство в мире — жить не ради себя, а идти на риск ради тех, кого мы любим. Он говорил, что мужчина не тот, кто отнимает или убивает. Главное не доказать свою значимость или умение соблазнить женщину. Самое важное, что ты готов отдать свою жизнь лишь бы не видеть, как твою семью унижают или заставляют плакать.

— Он был прав.

— Это так, и по сей день в честь него я сохранил это прозвище.

— И наверняка со своей семьей ты придержишься его взглядов.

Он отвел глаза, но она успела уловить мелькнувший в них стыд. Катери уже хотела спросить его об этом, но передумала. Что бы ни произошло в прошлом, оно по сей день глубоко ранит Кабесу. И она

порадовалась, что ее силы не раскрыли его секретов. Поскольку, если это задевает мужчину, который в десятилетнем возрасте отправился во вражеский город за головой брата... это наверняка что-то ужасное.

И некоторые воспоминания поистине кошмарны, чтобы ими делиться.

— Думаю, мне следует пойти проверить Рэна.

Кабеса кивнул, но не проронил ни слова.

Помедлив у двери, Катери развернулась и посмотрела на Кабесу. Он снял с мизинца кольцо и стал задумчиво его гладить. Стоило Кабесе это сделать, как перед Катери возник образ красавицы. Крошечной и аппетитной. Катери не знала, кто эта женщина, но оставила Кабесу наедине с его воспоминаниями, а сама направилась по коридору в спальню Рэна.

Он по-прежнему дремал. Переживая за него, Катери села на кровать и прижала ладонь к его лбу, проверяя температуру. Стоило ей прикоснуться к нему, как Рэн распахнул все еще синие глаза, а потом нахмурился.

— Как я здесь очутился?

— А ты не помнишь?

Он стал копаться в воспоминаниях. Вспомнил Ветер-провидицу, а потом... ничего.

— На нас напали. Это последнее, что я помню.

— А как набросился на бога и выпил его кровь?

Рэн вздрогнул.

— Скажи, что я этого не делал.

Она печально кивнула.

Рэну стало дурно, пока он мысленно проклинал себя. Вот и реакция на кровь сверхъестественного существа. Отвратительное смертоносное послевкусие и ужасное несварение желудка.

— Какой из богов?

— Блин... как его назвал Кабеса? Он еще муж богини самоубийства.

«Ох, все хуже некуда».

— Ками?

— Точно!

Рэн стиснул зубы.

— Ну, по крайней мере, я теперь еще долго не буду заикаться.

У Катери глаза на лоб полезли.

— Кровь влияет на заикание?

— Да, это черт знает что, угадал?

— Есть немного.

— Так как мы сюда попали? — спросил он, возвращаясь к своему главному вопросу.

— Ты так напугал бога, что он выгнал нас из своей обители. Кстати, отличная работа. Кто знал, что тебе лишь нужно сделать это, чтобы выбраться оттуда.

Рэн не обратил внимания на ее сарказм, голова была забита другим. Видно, им овладел Гризли и заставил это сделать. Живот скрутило от страха, когда картинка встала перед его глазами.

— Я был...

— Одержим? Если ты меня об этом спрашиваешь...

«Я был одержим, и Катери это видела. Твою мать!»

И тут Рэн замер, вспомнив, как она его обнимала. Как Катери пробилась через демона и вытащила его.

Так же, как ее отец.

Ну не совсем так. Стражу пришлось выбить из него дерьмо, прежде чем это сделать. В прямом смысле вытрясти из него чертей. Хотя Рэну больше по вкусу метод Катери. Хотя он радовался, что ее отец не сделал аналогичных попыток. Вид Первого Стража, обнимающего его как любовника, казался еще отвратительней, чем напиток крови бога.

Не удивительно, что у него признаки похмелья.

А этого он не должен ощущать в амплуа Темного охотника.

— Какого цвета мои глаза?

— По-прежнему синие.

«Я в полной заднице».

— Между прочим, ты офигительно сексапилен, точнее чертовски, облаченный в броню демона. Просто конфетка. — Она с шипением всосала дыхание между зубов. — М-м-м, малыш. Тебя так и хочется облизать.

Рэн смутно вспомнил, как призвал броню.

— Я могу облачаться в нее благодаря моей демонической няньке. Но сама броня — подарок от моей матери.

— Правда?

Он кивнул.

— После моей смерти Артемида появилась с броней и сказала, что я могу ею пользоваться с помощью демонических сил.

— Замечательный подарок.

— Меня больше бы обрадовала встреча с матерью.

— Знаю, малыш.

Катери легла рядом, прижавшись ладонью к груди Рэна, где билось его сердце.

Рэн закрыл глаза, окутанный ее неповторимым ароматом. От ее запаха и прикосновения по телу пронеслась волна вожделения. Но хуже всего

были внутренние ощущения. Дикое желание остаться с ней навеки.

Чувства, ставшие необузданными, когда ее дыхание стало ласкать его сосок, пока она выводила круги на его груди.

— Катери, ты меня убиваешь.

Она приподнялась и заглянула ему в глаза.

— Милый, это никоим образом не входит в мои планы.

Но когда его взгляд упал за декольте ее рубашки, во всей красе демонстрировавшее грудь, Рэн был уверен в обратном.

С обольстительной улыбкой она поцелуями стала прокладывать дорожку вниз к его естеству. Голова Рэна кружилась от избытка чувств.

«Почему я не нашел ее, когда был человеком? Если бы мы тогда встретились, моя жизнь была бы совершенно другой.

Но она тогда еще не родилась. Лишь спустя столетия...

Вот черт, я грязный старик. Тот, кто настолько стар, чтобы быть ее прадедом с приставкой «миллиард», учитывая нашу разницу в возрасте».

Эти мысли улетучились, стоило Катери обхватить губами его плоть. Со стоном, полным блаженства от дарящего ласку языка, Рэн прижал ладонь к ее щеке и погладил большим пальцем скулу.

«Она так красива. Просто идеальна.

И то, как смотрит на меня...

Как я смогу отпустить ее?»

Но он знал, что не может быть с ней рядом. Не как демон. Или раб Гризли. Каким-то образом ему придется собрать мужество в кулак и уйти, а потом прожить вечность без нее.

Одна мысль была подобно удару в живот. Впервые в жизни Рэн мог представить себя стареющим рядом с кем-то. Иметь семью...

Пока он был смертным, эти вещи казались абстрактными и непонятными. Но теперь стали кристально ясными, и Рэн мог видеть ее лицо.

Гризли удалось найти и ввергнуть его в новый вид ада.

Катери замешкалась, почувствовав напряжение Рэна. Испугавшись, что причинила ему боль, она отстранилась, а потом увидела, насколько он выглядел разгоряченным и сексуальным. Необузданным и голодным. Он потянул ее на себя, пока Катери не оказалась сверху, и одарил самым потрясающим в ее жизни поцелуем. Его клыки задели ее губу, когда он зарылся руками в ее волосы и сжал их в кулак, не причиняя боли. Казалось, будто он пытается слиться с нею воедино. Этот поцелуй украл у нее дыхание и наполнил тело сладостной истомой.

Перевернув ее и оказавшись сверху, Рэн при помощи сил заставил ее

одежду исчезнуть. Его мускулы сократились, заключая ее в плен, пока он языком ласкал ее ухо. От удовольствия Катери словно парила на небесах. Казалось, его руки ласкали повсюду, проникая и усиливая удовольствие, пока она не стала терять рассудок от блаженства.

Он приподнялся, заглянул ей в глаза, а потом одним толчком заполнил до краев.

Катери закричала от удовольствия. Было так здорово чувствовать его внутри себя. Прикусив губу, он толкнулся бедрами, входя в нее еще глубже. Никто и никогда так не любил ее. Так, словно она необходима ему как глоток воздуха.

Рэн прижался как можно крепче к ней своей щекой. Он не хотел отпускать Катери. Не желал покидать ее объятий.

Впервые в жизни он понял, что значит принадлежать кому-то еще. Душой и телом. Ради нее он сделает все что угодно. Проползет по битому стеклу в самой глубокой яме ада ради ее улыбки.

И когда она достигла развязки в его объятиях и с его именем на устах, Рэн узнал о новом уголке рая, о существовании которого даже не подозревал.

«Будьте вы прокляты, Судьбы!

И я вместе с вами за то, что оказался настолько глуп и окончательно испоганил свою жизнь».

Прикрыв глаза, Рэн прыгнул за ней в пучину наслаждения, судорожно обнимая Катери. Она провела руками по его спине, прижимаясь губами к шее, терзая его легкими сладостными поцелуями.

— Рэн, ты в порядке?

«Нет. Как только я уйду из твоей жизни, у меня никогда больше не будет все хорошо».

Но сказать этого ей он не мог.

— Все замечательно. А ты?

— Волнуюсь за тебя. Я кое-что чувствую, но не знаю, что именно.

— Это называется нервы.

Она фыркнула.

— Нет. Я знаю, каково это. У меня шалили нервишки, и я доставала друзей всю неделю перед моей защитой диссертации.

Рэн не среагировала на ее попытку пошутить. Он неохотно вышел из нее и перевернулся на спину. Катери прижалась к нему с довольным вздохом.

«Так значит вот что чувствуют нормальные люди...»

Никогда прежде Рэн не испытывал ничего подобного.

«Как мужчина может иметь в руках такое сокровище и жаждать большего?»

Катери наблюдала за чередой эмоций на лице Рэна и сожалела, что не могла их понять. Единственное, что она знала наверняка — он чем-то обеспокоен.

Сильно.

— Так... — протянула она. — Если мы переживем все это, что будет с нами дальше?

— Ты вернешься к преподаванию...

— Нет, я имею в виду нас с тобой. Что будет с нами.

Рэн вздрогнул от пронзившей его вспышки боли. Никогда раньше он не был частью «мы». Никто и никогда не хотел видеть его в своем будущем.

Этого он жаждал так сильно... так отчаянно, что мог ощутить на вкус.

«Если бы у меня была душа, я бы продал ее, чтобы быть рядом с тобой...»

И если бы желания стали «порше», то он раскатывал бы на них свободно и на stile. Сердце разрывалось от боли, Рэн сглотнул. В эту самую секунду, когда ему меньше всего хотелось что-то испортить, он собирался разбить сердце единственной женщине, которая его когда-либо любила.

«Я ублюдок».

— Нет никаких нас, Катери. И никогда не может быть.

Катери задержала дыхание, когда слова ударили сильнее апперкота.

«Что? Ты же должна была это предвидеть. А чего собственно ты ожидала?»

Он бессмертный воин. Ты — геолог. Что у вас может быть общего кроме шикарного секса?

Ни черта».

Он наклонил к себе ее голову и заглянул в глаза.

— Ты как?

Катери кивнула, не желая показывать ему, насколько сильно он ее ранил.

— Все нормально. Я большая девочка, Рэн. Не из любительниц романтики с глазами, полными надежд получить кольцо, только потому, что мы переспали. По крайней мере, я не была для тебя девочкой на одну ночь.

Она встала и направилась в ванную.

Рэн стиснул зубы от вида боли, плескавшейся в ее глазах.

«Ты единственная женщина, которую я когда-либо любил. Единственная, кого я буду любить вечно.

Но любовь не для такого никчемного полукровки. Так и должно быть. Я разрушил слишком много жизней. И не заслуживаю счастья, которое отнял у многих. По сути, я не заслуживаю даже того кусочка радости, который ты мне подарила».

Прикрыв рукой глаза, Рэн попытался отогнать мысли и эмоции. Вместо этого окунулся в воспоминания об их с Койотом юности.

— Ты слышал? Чу Ко Ла Та женится.

Рэн нахмурившись посмотрел на брата.

— Уже?

Койот кивнул.

— Ее родители сосватали дочь. Слышал, она красивая. Уверен, не столь красива, как моя будущая невеста, но, тем не менее, я рад за него.

— Я ду-ду-думаю, что есть что-то п-п-поважней внешности.

Койот расхохотался.

— Не ду-ду-думай, Мака'Али. Это сбивает с толку. Что может быть важнее внешности девушки?

Рэн всегда ненавидел, когда Койот его передразнивал. Очень неприятно слышать такое от других, но еще более от собственного брата. Не желая дальше терпеть насмешки, он пожал плечами.

Койот вздохнул.

— Ты можешь себе представить красавицу, которая каждую ночь делит с тобой ложе и принадлежит только тебе? Ты можешь всю ночь напролет овладевать ею, и женщина не посмеет тебе отказать, потому что замужем за тобой. Ой, прости. Все время забываю, что ты еще девственник. Нам нужно с этим что-то сделать. Хочешь еще раз попробовать сходить в бордель?

Ужас накрыл Рэна с головой. В последний раз, когда он совершил подобную ошибку, проститутка ему отказала.

«Мы не обслуживаем умственно отсталых. Отведите его в другое место».

После этого ему пришлось целую неделю выслушивать замечания Койота о том, что он не знал, насколько шлюхи переборчивы, и как ужасно, когда ты настолько жалок, что даже по выгодной цене не можешь купить себе шлюху на час.

Койот похлопал его по спине.

— Бедный Мака'Али. Но имей веру, брат. Уверен, однажды появится шлюха, которая тебе даст.

Рэн вздохнул. За одиннадцать тысячелетий он нашел лишь двух женщин, захотевших разделить с ним ложе. Одна оказалась бессмертной

шлюхой, укравшей его человечность.

А вторая леди, подарившая ему свое сердце.

Желая облегчить боль, которую сам же нанес, Рэн встал и пошел в ванную. Но застыл, услышав всхлипы, приглушенные звуком воды. Горькие слезы Катери резанули по сердцу так сильно, что с минуту Рэн не мог дышать.

Не в силах это выдержать, он подскочил к душе и одернул штору. Катери ахнула, а потом зарыдала навзрыд.

Рэн взял ее на руки и крепко обнял.

— Я люблю тебя, Катери. — прошептал он. — Ты единственная в этом мире, кого я когда-либо по-настоящему любил. Я бы бросил сердце к твоим ногам и продал бы душу за одну лишь твою улыбку.

Катери задрожала, услышав в его голосе неподдельную искренность. Он говорил, что думал.

— Тогда почему ты сказал...

— Потому что я не могу быть с тобой. Как только произойдет Сброс, и календарь обнулится, мне придется вернуться к тому, кем я был... и тебе тоже.

— Почему? Сандаун был Темным охотником. И Талон тоже. Теперь они женаты. Почему нам нельзя?

«Потому что они оказались намного удачливей меня. И им не пришлось продать свою свободу, чтобы выкупить жизнь своих возлюбленных».

— Катери, пожалуйста, не плачь. Я не в силах видеть тебя опечаленной.

— Прости. — Отступив, она потянула его за собой в душ. — Ты же знаешь, я тоже тебя люблю.

Рэн наслаждался искренностью слов, которые не чаял слышать. Признание оказалось еще красивей, когда шло из самого сердца.

Смахивая слезы и шмыгнув носом, Катери намылила мочалку и стала мыть его.

— Твои глаза всегда были синими? — спросила она, медленно скользя по метке стрелы и двойного лука на его левом бедре.

Рэн кивнул.

— В племени очень долго считали меня слепым. Ушли годы, прежде чем я смог их убедить, что прекрасно вижу.

— Я так понимаю, цвет глаз достался тебе от матери.

— Да, и мой отец их ненавидел. Он говорил, что это словно постоянно смотреть на нее, и его выворачивает от отвращения. Иногда он просто

проходил мимо и отвечивал мне оплеуху за них.

— Это ужасно!

Рэн пожал плечами.

— Веришь или нет, ты ко всему привыкаешь. Просто знаешь, что тебя собираются ударить, и даже не реагируешь, когда это происходит. Кроме того, избиения не причиняют сильной боли. Я предпочитал их, чем подвергаться словесным издевательствам.

Катери не понимала, почему нужно было унижать кого-то за сам факт его появления на свет. То, что ей не по силам исправить.

Кого-то столь красивого и необычного.

— Знаешь, Рэн, мне кажется, ты самый удивительный из всех людей, когда-либо живших на планете.

Он так сильно нахмурился, что в морщинках можно было посадить зерна.

— Почему?

Если бы в этом слове не сквозило такого огромного сомнения от непонимания, Катери бы рассмеялась. Но Рэн на самом деле не ведал, насколько он особенный.

— Ты рожден от двух совершенно разных культур. Твоя мать — богиня, Рэн. Настоящая греческая богиня, которая тебя так сильно любила, что отправила другую богиню следить за тобой. Ты говорил, что понимаешь Аполлими. Хоть твоя мать и не пыталась разрушить этот мир, ты был для нее центром Вселенной. Она любила тебя так сильно, что самым страшным наказанием, придуманным Зевсом, стало забросить ее на небо как комету, чтобы она никогда не увидела ребенка, которого так сильно любила. И да, твой отец конченная скотина, и, тем не менее, он был вождем легендарного племени воинов. Ты сам был одним из тех воинов, о которых и поныне говорят шепотом и с огромным почтением. Ты возглавлял армию... Ладно, пускай злую армию, но ты вел в бой войско демонов. У тебя у самого демоническая кровь и силы. Ты один на один сражался с моим отцом год и один день. Боже милостивый, Рэн, ты самый удивительный мужчина из всех, кого мне доводилось встречать. Ты черпаешь силу из трех разных культур. Сколько людей таким может похвастаться. Серьезно? Это поразительно. Ты поразительный!

Сердце гулко забилося в груди от ее слов.

Нет, не из-за слов. А с каким пылом это было сказано. Катери не льстила ему, чтобы добиться чего-то. Она говорила, что думает.

— Я обожаю то, как ты смотришь на мир, Катери.

«Но еще больше я люблю то, каким ты видишь меня».

Намыливая его грудь, она замерла у ожерелья.

— Откуда оно взялось? Я не помню, чтобы оно было у тебя раньше.

Рэн замялся. Ему не хотелось лгать, но он знал наверняка, что нельзя Катери раскрывать правды.

— Оно шло вместе с броней.

— О. Выглядит миленько.

— Спасибо, — сухо сказал Рэн. — Именно такого вида я и добивался.

Она рассмеялась над его сарказмом.

— Прости. Выглядит дико сексуально и мужественно, словно создано для тебя.

«Если бы ты только знала...»

Он не мог избавиться от ожерелья, и с ним Гризли мог вызвать его где угодно, в любое время.

«Пока ты его носишь, Катери будет в безопасности».

Лишь эта мысль делала рабство терпимым.

— Эй, Рэн? — Сандаун позвал из коридора. — Ты здесь?

— Да.

— Ты случайно недавно не видел Катери?

Он криво усмехнулся ей.

— Хм... да.

— Где она?

Рэн открыл рот, чтобы ответить, но не знал, что сказать. Ему не хотелось смущать ее. И скорее всего Катери не хотела, чтобы все знали, что она с ним переспала.

Но прежде чем он успел придумать ответ, Катери крикнула Джессу.

— Я в душе с Рэном.

— О, бога ради простите. Я точно не хотел никого из вас побеспокоить. Продолжайте! Все остальное может подождать. И да, не торопитесь. Пользуйтесь моментом. Мы... хм... удержим оборону. И я сваливаю отсюда.

Рэну стало паршиво, когда он услышал, как Сандаун ретировался из коридора.

— Прости, Катери, я не хотел тебя смущать.

Она насмешливо выгнула бровь и обхватила ладошкой его естество.

— Ты меня не смутил, дорогой. Мне все равно, если он узнает. Если хочешь, мы можем об этом прокричать на крыше.

К такому он никогда не сможет привыкнуть.

Она очень тщательно и долго мыла его, а когда они закончили, горячей воды не осталось, а на дворе было темно. Рэну не хотелось одеваться и

покидать ее, но, в конечном итоге, конец света никого ждать не будет.

Вытирая махровым полотенцем волосы, он направился в гостиную и увидел Уриана, Сандауна и Кабесу, к которым присоединился Ашерон. Рэну понадобилась пара секунд, чтобы узнать их бесстрашного лидера с короткими волосами.

Вот теперь ему стало поистине страшно.

— Что произошло? Ты проиграл в споре с ножницами?

Ашерон закатил глаза.

— Блин, вы меня доконаете, пока они заново не отрастут. Клянусь. Что важнее? Армагеддон или моя стрижка?

Катери замерла в прихожей, услышав глубокий рокочущий голос с акцентом, какой ей еще не доводилось слышать. Значит, это и есть таинственный Ашерон, возглавляющий Темных охотников.

Сын богини, которая почти уничтожила мир из-за совершенных против ее дитя злодеяний.

Снедаемая любопытством Катери зашла в гостиную и замерла. Она не знала, что конкретно ожидала увидеть, но точно не... это...

Да ладно, в комнату зашел Великий владыка Сорвиголов. Она с удивлением приоткрыла рот, рассматривая невероятную высоту новоприбывшего. Где-то два метра десять сантиметров, короткие черные волосы обрамляли безупречное, словно высеченное из гранита лицо. Его аура была настолько темная и мощная, что волосы на затылке и руках встали дыбом.

Он мог с легкостью переплюнуть всех внушающих страх воинов в комнате, а это не так просто сделать.

Катери и шагу не могла ступить, замерев под его пристальным взглядом. Ашерон направился к ней самой хищной из походок. Такое тяжело воспринять, учитывая тот факт, что он невероятно красив и удивительно молод.

Где-то не больше двадцати или двадцати одного. Безумно красив... почти ангельски. За исключением ауры смертоносной власти, которой пропитана каждая молекула. Да, такой человек привык руководить войском и может навести страху на воинов, подобных Кабесе, Сандауну и Рэну.

И она не могла отвести взгляда от его призрачных глаз. В них буквально клубилось дымчатое серебро... и обещание скорой смерти.

Одетый во все черное, руки в карманах длинного кожаного пальто. Он

вытащил одну и протянул ей.

Инстинктивно Катери отпрянула на шаг.

К счастью, он отнесся к этому с чувством юмора.

— Я не собираюсь обидеть вас, доктор Авани. Клянусь. Я кусаюсь, только если меня об этом просят.

Он не лишен манер...

Эксцентричных.

Ашерон раскрыл ладонь и протянул ей ожерелье ее бабушки.

В полном потрясении Катери уставилась на него... Хотя для этого ей пришлось максимально запрокинуть голову.

— Откуда вы знали, где его найти?

— У меня есть свои зловещие способы.

«Да, кто бы сомневался».

Взяв ожерелье из ладони, Катери впервые кристально чисто увидела его. Массивная золотая цепочка искусно выкована и казалась тяжелее, чем была на самом деле. Но именно огонь в камне был неповторимым. Ребенком она даже не представляла, насколько это редкий камень.

Как геолог она знала, что лишь горстка камней во всем мире может приблизиться к этому совершенству. Большинство огненных опалов были не прозрачными как остальные драгоценные камни. Несмотря на название, связанное с их оранжевым или красным цветом, огненные опалы очень редко отражали игру света, как остальные известные опалы. Во всех исследованиях ей никогда не доводилось видеть, чтобы свет переливался так. Он и правда напоминал частичку солнца.

— Спасибо, — выдохнула Катери.

Ашерон склонил голову.

— Между прочим, моя жена понятия не имеет, что написано на той печати, она...

— Ваша жена? — Катери не хотела перебивать его, но парень не выглядел достаточно старым...

«О чем я вообще думаю. Он атлант... и намного старше грязи, старше даже прапрадеда грязи».

Ашерон прервал ее рассуждения.

— Доктор Сотерия Кафиери Партенопеус.

Имя было произнесено так, словно талый шоколад растекался на языке. Оно плавно струилось, а с таким акцентом...

«Обалдеть. Его жена, вероятно, заставляет парня читать вслух все подряд, включая этикетки банок и коробки с хлопьями, просто чтобы услышать эту интонацию».

Главный недостаток — акцент настолько сильный, что она сразу даже не сообразила, о чем он.

— Доктор Пар... Пар... Партен... Пар... да. Ученая с древнегреческого. Свободно владеющая многими мертвыми языками. Фернандо отправил ей фотографию с каменной печати.

Ашерон рассмеялся, а потом кивнул.

— Именно поэтому я обожаю свою жену. Она может не только без запинок произнести мою фамилию, но и записать.

Все мужчины засмеялись, но Катери стала паршиво.

— Все хорошо, доктор Авани, — добродушно сказал атлант. — Мое имя не сильно далеко ушло от фамилии, поэтому обычно я отзываюсь на Эша. На нем сложнее запнуться, и мне не нужен час, чтобы его написать.

«Слава богу, он относится к этому с юмором».

— Она распознала язык? — спросила Катери, стараясь сменить тему.

— Лемурийский.

Этого Катери точно не ожидала услышать.

— Иди ты! Правда? — она вздохнула, а потом покачала головой. — Нет. Это невозможно. Биогеографы давным-давно развеяли этот миф.

Ашерон усмехнулся, поблескивая клыками.

— Да, но им же не все известно?

«Совершенно верно. Яркий пример тому перед моими глазами. Гигант из Атлантиды в окружении ковбоя, древнегреческого вампира, принца майя, который куда-то перенес оборотня, а также настоящий кетува, чья мать греческая богиня. Да-а...»

— Вряд ли, — сказала Катери с улыбкой.

— Ты без проблем забрал камень? — спросил Рэн.

Эш замешкался.

— Что конкретно ты подразумеваешь под «проблемами»?

Рэн выругался.

— Что случилось?

— Тива. Стерва-безвременья объявилась слишком рано и намеревалась использовать камень, чтобы захватить своего брата. К счастью, я был более упорен в желании не позволить ей этого. Если не ошибаюсь, все произошло, когда первые врата пали.

Рэн с Кабесой побледнели.

— Когда разрушили первые врата?

— Пока вы находились в аду майя. Это вызвало у нас уйму хлопот. Пусть боги смилуются над нами, если еще одни врата откроются. И поскольку вы, вероятно, не в курсе, как быстро протекает время в этой

сфере... Сегодня в полночь — Сброс. Обнулите проклятый календарь, а то мне как-то не хочется целую вечность убирать за вами бардак. — Эш посмотрел на Уриана. — А ты остаешься здесь.

— Почему?

— Ты связан с греческими богами. Сунешься в Долину и горько пожалеешь, что не умер за пару секунд до этого.

Уриан махнул в сторону Рэна.

— Он — кузен.

— А еще наполовину кетува. Его пропустят. Рэн — исключение.

— Да это же полный отстой. А если я захочу посмотреть на достопримечательности?

— Предлагаю онлайн экскурсию. — Эш перевел взгляд на Рэна. — Я действовал заранее, но ждал до последнего, прежде чем принести Киничи, поскольку он маяк для всех сверхъестественных существ, желающих управлять временем. — Он повернулся лицом к Катери. — Твоя бабушка обладала огромной силой, раз могла его спрятать. Я впечатлен.

— Спасибо. Она была удивительной.

Эш отступил.

— И на этой ноте я ухожу, чтобы помочь удержать врата.

Только он собрался уйти, как комнату озарила вспышка света.

Чертыхнувшись, Рэн схватил Катери и загородил ее собой. Вмиг его глаза стали ярко-красными, а тело покрыла броня. В руках вспыхнули огненные шары, когда он намеревался схлестнуться с еще одним демоном.

Правда, Эш, Уриан и Кабеса никак не отреагировали на новоприбывшего. Разве что Ашерон, схватив Рэна за предплечье.

— Отбой!

— Он демон. Высокого уровня.

Эш смотрел на него с иронией в глазах.

— Да уж, его высокий уровень выступает в роли моей вечной занозы в заднице. — Ашерон перевел взгляд на только что прибывшего парня. — Чего ты хочешь, Ник?

Катери не знала, кто этот мужчина. По меньшей мере, метр девяносто четыре сантиметра высотой, на левой щеке стрела с двойным луком. Идентичная татуировке Рэна на бедре. Но даже с этой меткой Ник был невероятно красив.

— Меня попросили сюда прийти.

— Кто?

— Артемида.

Рэн обменялся с Катери хмурым задумчивым взглядом.

— С чего бы?

На его губах заиграла кривая злорадная усмешка.

— Я как-никак посланник. Именно для этого я и был создан.

Стоило ему это сказать, как по ее телу прошел озноб. В эту самую секунду Катери увидела истинный облик Ника. Красно-черная кожа, пылающие глаза и золотая броня. В своей истинной сущности он был крылатым демоном. Одним из самых сильных. Истинное зло в своей первозданной форме.

И она ни капельки ему не доверяла.

Эш перенес вес на одну ногу и встал в боевой позе, которая без слов говорила: мальчик, не вынуждай меня пинком под задницу выкидывать тебя отсюда. Я это сделаю. И тебе совсем не понравится.

— Ты не ответил на мой вопрос. Что ты здесь делаешь? Давай закруглять с семантикой... с какой миссией или сообщением тебя отправила Арти?

— Я должен защитить кровь Артемиды и убедиться, что сегодня ворота останутся запечатанными.

Ашерона явно потрясло это заявление.

— Серьезно? — спросил он с сарказмом. — Мне казалось, ты лично заинтересован в их открытии.

Ник фыркнул.

— Ты меня плохо знаешь.

Ашерон глянул на всех остальных в комнате.

— Народ? Не оставите нас ненадолго, пожалуйста?

Все друг за другом покинули комнату.

Эш молчал, пока они не остались с Ником наедине, и не удостоверился, что их разговор никто не услышит.

— Кончай валять дурака, мальчик. Я знаю, чего ты хочешь и почему, но ты не сможешь это получить.

Ник закатил глаза.

— Я устал сражаться с тобой, Эш. Мне известно, что ты обо мне думаешь, и мне на это глубоко плевать. Но давай я расскажу тебе несколько вещей, которых ты обо мне не знаешь, Всевидящий бог с небольшим исключением. Ты спросил, почему я с Артемидой. Это единственное место, где я могу находиться, и Страйкер не увидит окружающее через мои глаза. Ну... точнее он может, только ему тошно от вида тетки, так что как только я вхожу в ее храм, Страйкер сваливает. И я наконец-то получаю крошечную толику мира.

«Проклятие. У Ника дела реально паршивей некуда, если истерики с

капризами Артемиды приносят ему покой».

Эш фактически сочувствовал каджуну.

— Есть способ заблокировать его.

— Нет. Не после обучения твоей матери. Спасибо, кстати. Ты мог бы грохнуть Страйкера, и дело с концом.

Эш пожал плечами.

— Или я мог бы прибить тебя.

— Даже выразить словами не могу, как сильно буду благодарен за такую добродетель.

Эш шагнул к нему.

— Ник.

— Не Никай мне. Ты не имеешь права. Ты вернул Аманду с Кирианом. Но оставил мою мать мертвой.

Эш вздрогнул от правды, которая обжигала ему душу не меньше, чем Нику.

— Я знаю. Но я не мог вернуть ее, Ник. На самом деле не мог.

— Потому что она не хотела больше здесь находиться. Знаю. Она была сыта по горло своей хреновой жизнью и была счастлива умереть. Тебе стало ее жалко, поэтому ты решил избавить мою мать от страданий и не оживлять. Спасибо за предупредительность. Я очень ценю это, *cher*^[55].

Эш услышал за бравадой неприкрытую боль, которая крошила ему сердце. Когда-то они с Ником были лучшими друзьями.

Нет, намного ближе. Он считал Ника братом, и от вида его мук Ашерону становилось тошно.

— Твоя мать обожала тебя. Ты был смыслом ее жизни.

— Видимо, нет. Но я смирился с этим фактом.

— Тогда зачем тебе камень времени?

Быстрее чем Эш успел среагировать, и это многое говорило о силах Ника, тот обхватил его за шею.

Ашерон уже хотел драться, когда понял, что делает Ник. Хотя Эш мог видеть будущее, но не близких ему существ.

Но Ник с помощью своих сил смог показать ему, во что со временем превратится.

Пугающая перспектива. Глазами друга Эш увидел истинный демонический облик Ника и армию, которую он вел против всего мира. Веселый мальчишка, который подкалывал Эша, исчез без следа. Тот, кто умудрился забраться ему глубоко в сердце и научил многому о нормальной человеческой жизни.

«Проклятие, как же я скучаю по нашей дружбе».

— Моя мать единственная сохраняла во мне человечность, Ашерон, — прорычал Ник ему в ухо, продолжая делиться своей кровожадной и жестокой судьбой. — Каждый прожитый без нее день я теряю все больше. Сейчас меня ничто не держит. Ты понимаешь это?

Ник освободил Эша.

Ашерон изо всех сил пытался дышать, когда образы стали рассеиваться.

— Я думал, ты меня ненавидишь.

— Я ненавижу всех до единого. Каждое гребаное существо. Неужели ты этого не понял? И ни черта не могу с этим поделать. Добро пожаловать в клуб. Теперь можно вешать вывеску, что мы открыты для предложений. — Он окинул Эша насмешливым взглядом. — Экстренное сообщение, атлант, ты сейчас для меня ноль без палочки. На данный момент я чистой воды ненависть. Она полностью управляет мной. Меняря, так же как и Артемида, перепробовала все. Ничего не работает. Без сдерживающего якоря я не в силах остановить перевоплощение. — Ник махнул в сторону двери, куда ушли все остальные. — Ты боишься открытия врат? Я дам фору и переломаю косточки любому злу, что там томится. Когда я полностью превращусь в малахая, ничто не сможет меня остановить.

— Сефирот.

Ник покачал головой.

— Я видел, как убиваю его. Джаред ослаблен из-за прошлого и чувства вины, а тем временем я каждый день теряю по крупичкам свою совесть. Что будет, когда я полностью лишусь ее, а Джаред продолжит гнобить себя? — Ник пожал плечами. — Ты даже не представляешь, с какой легкостью он умрет. Пойми, он наподобие моей матери. Джаред жаждет смерти. Он давно покончил с этим миром. Не забывай, Джаред даже хотел убить меня, чтобы наконец освободиться.

Эш сглотнул, вспомнив прошлое сефирота. Ник был прав. Джаред не будет сопротивляться, а без него...

Ник уничтожит все.

Хотя Эш считается богом окончательной судьбы, он не единственный в своем роде. Почти в каждом пантеоне есть хотя бы по одному богу судеб. По сути, они все уравнивали друг друга. Но Ник не был богом. Хотя предшественники Ника были созданы тем же первоизначальным источником, который питал богов, но первоначально малахаи были рождены для услужения матери Эша.

Их главная задача — уничтожить мир.

Эш единственный, кто бродил среди людей и знал истинное происхождение, а также роль, отведенную демоническому роду Ника. До начала времен существовало шесть богов. Трое придерживались добра, а трое жаждали зла. Трое богов созидания и трое богов полного разрушения.

После сражения в Примус Беллум^[56], которая практически уничтожила землю и человечество, эти боги очень долго спали. До преждевременного получения Ником сил малахая. Тогда двое темных пробудились. Нуар и Азура.

Они рыщут по земле в поисках своей пропавшей сестры Браит, но им пока не ведомо, что она заточена в аду Атлантов. И что она родила сына...

— Я могу помочь тебе, Ник.

— Да... тогда верни мне мою маму.

Для несведущих это напомнило стенания плаксивого мальчишки. Но Ник не канючил, и Эшу это известно. Ник — существо тотального разрушения. Хотя его способности практически безграничны, но не до конца.

Малахай — ядерная бомба зла, оружие глобального уничтожения. Он не мог создавать или возвращать жизнь. Только отнимать.

А еще Ник не мог путешествовать во времени без такого инструмента как Киничи. И он не способен вычислить бога, пока малахая не пошлют его убить или не откроют личность. Ник мог называть это сверхъестественным, но это не так. Но после прямой наводки он может с легкостью убить бога и вобрать в себя его силы.

«И Артемида послала Ника охранять Икскиб...»

Ашерон посмеялся бы над абсурдностью ситуации, не будь это у Артемиды в порядке вещей. Она сестра-близнец Аполлона — бога пророчеств — но не слишком ли хреновые у нее познания о будущем?

— Я сейчас не могу вернуть твою мать, но если ты сможешь мне снова доверять...

У Ника вырвался зловещий, леденящий душу смех.

— Доверие? Мой отец доверился, и что получил в итоге?

Эш покачал головой.

— Доверие не имеет к этому никакого отношения. Твой отец умер, поскольку произвел на свет нового малахая. Если бы ты не родился, он по-прежнему был бы жив.

— И все же, у меня нет к тебе доверия.

— Хорошо, просто перестань пытаться меня убить.

Ник вздохнул и на секунду перед ним предстал старый добрый дерзкий каджунский ребенок, которого Эш считал другом.

— Я не могу ничего обещать, парень... Ты что, меня не слышал? Я вроде говорил с тобой на английском. Я не в силах остановить свою истинную сущность. Все равно, что просить луну не всходить или океан не создавать волны, — отрывисто сказал Ник. — Моя сущность — смерть. А ты — жизнь. Только это, независимо от остальных факторов, вызывает во мне желание хорошенько тебя отметелить и убить. Именно поэтому мне нужна помощь, и я не могу записаться к психотерапевту. Я просто могу его слопать с потрохами, а мне не нравится человечина на вкус... — Эш даже не хотел знать, откуда Нику это известно. — По крайней мере, у Артемиды есть шанс побороться, если я окончательно слечу с катушек.

— Мы справимся.

— Лучше бы ты оказался прав, Эш, потому что если ты ошибаешься... Мать Ашерона наконец выигрывает, а человечество сгинет.

ГЛАВА 17

Несколько минут Рэн любовался Катери, пока она дремала в его кровати. Той самой, которую он ни с кем прежде не делил. И даже не мечтал об этом.

Тем не менее, Катери спала обнаженная на сбившихся темно-коричневых простынях, темно-каштановые длинные волосы рассыпались веером по подушке. Одна ладошка лежала под подбородком, а согнутая нога выглядывала из-под простыни.

Правая рука свисала с края кровати. Опустившись на колени, Рэн прикоснулся пальцами к запястью, а потом наклонился, чтобы вдохнуть драгоценный аромат валерианы. Этот запах будет вечность преследовать его, как и нежность ее прикосновений.

— Я люблю тебя, — прошептал он, прильнув губами к ее запястью, а потом прижался щекой к ладони. Последние несколько часов они тщательно, миллиметр за миллиметром, изучали друг друга.

И он определенно боялся щекотки.

Катери думала — это начало их совместного будущего.

А Рэн знал, что это конец. Должен им стать. Нет других вариантов. Иначе Гризли, смеясь, уничтожит ее, упиваясь процессом. И хуже всего, заставит Рэна наблюдать за этим.

«Я буду по тебе скучать. Вечно».

Рэн лишь надеялся, что однажды Катери встретит мужчину, достойного ее любви, и тот сделает ее счастливой, какой попытался бы сделать он, будь у него возможность остаться с ней рядом.

Но этому не суждено случиться.

«Знаешь, Рэн. Моя бабушка всегда говорила, что мир не знает, кто ты, ведь речь идет о том, кем ты на самом деле не являешься. Такое положение вещей мы сами можем изменить. Мы стремимся стать лучше и должны радоваться каждому дню, пока это желание живет в нас. Но для меня никогда не изменится то, кем ты являешься для меня. Моим благородным героем. Даже испытывая боль и злость, ты обратил свой гнев только на виновных. Никогда не трогал безвинных. Потому что ты не тот, кто убивает без причины. Ты никогда не набрасываешься на невинного в стремлении навредить. Ты не такой, и никогда таким не будешь. Вот поэтому я вижу в тебе героя, и ты всегда им будешь для меня».

Рэн будет помнить эти слова всю оставшуюся вечность. Именно они подарят ему утешение, пока Гризли будет истязать его в пучине адовых мук.

Поднявшись с колен, Рэн наклонился и поцеловал Катери в лоб. В последний раз взглянув на любимую, он обернулся в ворона и оставил ее под защитой своего друга и союзников.

Из-за приближающейся бури его крылья хлестали ночные ветры. Казалось, будто они тоже пытаются уничтожить его и обессиленного швырнуть на землю. До равноденствия осталось чуть более двенадцати часов, тогда ворота будут открыты, и ад обрушится на землю.

Если только Катери не доберется до Долины к трем часам ночи.

«Она справится. Остальные помогут. Моя задача — максимально облегчить им поездку».

Страшась того, что его ждет, Рэн полетел в единственное место, где его брат чувствовала бы себя в безопасности. Пещера, где всегда скрывался Койот, когда хотел набраться сил.

Рэн снизился, оглядывая пейзаж, прежде чем позволил врагам почувствовать свое присутствие. У входа никого не было. Рэн в секунду обернулся в человека и облачился в броню. Койот — хитрец, и недооценивать его не стоит.

Двигаясь также бесшумно, как когда-то выслеживая неуловимую дичь, Рэн стал спускаться вглубь пещеры, пока не добрался до глиняной комнаты. Красные стены украшали древние глифы. Некоторые были словно начерчены пришельцами, но Рэн знал, что это старинная демоническая символика существ, давно изгнанных из этой сферы.

До того, как человек стал изучать науки и разум, он стремился смешаться с полудемоны в надежде, что одураченные демоны примут его

за себе подобного и оставят в покое.

Такого никогда не происходило. Хорошая, но напрасная попытка обеспечивала демонам отличное развлечение на бесчисленные годы. Они вдоволь насмеялись над глупыми людишками, пытавшимися им подражать.

Рэн замер, заметив привязанного к стене Чу. Хвала богам, его друг еще жив. Хотя, судя по паршивому виду, сам Чу Ко Ла Та сейчас завидует мертвым и не будет рассыпаться в благодарностях за то, что еще дышит.

Особенно ему.

Бесшумно, словно тень, Рэн пересек комнату и прикоснулся к руке Чу.

Чу Ко Ла Та вздрогнул, но увидев друга облегченно выдохнул.

— Это ты?

Правильный английский, слетавший с губ Чу, всегда казался смешным, но сейчас он звучал вдвойне забавно, учитывая, что его друг выглядел так, словно два раунда исполнял роль боксерской груши Майка Тайсона.

— Это я, Чу.

— Согласись, жизнь — странная штука? Один день ты король, а в следующий — поверженная пешка. Кто бы мог подумать, когда мы были детьми и я, смеясь, позволял Койоту и всем остальным изводить тебя, втапывая в грязь, что в один прекрасный день спасение моей жизни будет зависеть от твоей порядочности и милосердия.

Рэн перерезал веревки, стянувшие запястья друга.

— Проклятье, Чу. Только ты, избитый до полусмерти, можешь столько болтать.

Чу Ко Ла Та усмехнулся разбитыми в кровь губами.

— Спасибо, Мака'Али.

— За что?

— Что оказался лучшим из мужчин. Нужно огромное мужество, чтобы спасти своего обидчика. Того, кто ранил тебя сильно и часто. Спасибо, что не затаил обиду.

Закинув руку Чу Ко Ла Та себе на плечо, Рэн ответил с насмешкой:

— Я ничего не забываю, Чу. И каждую ночь я мысленно тебя убиваю и тайно желаю, чтобы твое хозяйство было усыпано гнойным абсцессом.

Чу рассмеялся, а потом поморщился от боли.

Раздались аплодисменты.

Рэн замер, когда Койот вошел в комнату с другого туннеля.

— Гляньте-ка, кто решил п-п-п-поиграться в героя.

Рэн закатил глаза.

— Сколько недель ты это репетировал?

— Умора, не помню, чтобы у тебя раньше мозгов хватало на такое

остроумие. Это одна из способностей, которую ты впитал из сисек своей демонической сучки?

Рэн злорадно усмехнулся.

— О, я много чего и много от кого понабрался.

Он мягко опустил Чу Ко Ла Та на пол.

Чу зашипел от боли.

— Он собирается тебя убить.

— Знаю. Все нормально. Я планирую первым его прикончить.

Койот насмешливо изогнул бровь.

— Да ты что?!

Рэн кивнул, окидывая взглядом маленькую комнату.

— Ты облажался.

— И как же? — спросил Койот со знакомой насмешкой.

Воспользовавшись силой, Рэн материализовал метательное копье наподобие того, которым его убил Дух Мщения.

— Здесь нет никого, с кем бы ты мог поменяться местами. — В то время как Рэн мог перемещаться куда пожелает, Койот мог лишь меняться с кем-то местами. — Себя я убить не могу, а бедный Змей... что там отец говорил на этот счет? Остерегайся чаши, разделенной с другими людьми. С огромной вероятностью ты заразишься от того, с кем делишь напиток.

— Он об этом кричал, когда ты перерезал ему глотку?

Рэн покачал головой.

— Он умер смеясь.

— Могу себе представить. Жалкое ничтожество никогда не нападает открыто. Ради победы ему приходится применять хитрость.

«Хоть бы не лопнуть со смеху от таких слов».

— Я не ты, братишка. Никаких уловок или хитрости. Я предупредил, что собираюсь его убить. Он решил надо мной посмеяться, а не бежать прочь со всех ног. Походу, дурость у нас в крови.

С возмущенным воплем Койот бросился на брата, подняв дубину. Вместо того, чтобы материализовать себе оружие, Рэн отскочил в сторону.

— Почему ты не нападаешь?

— Ты годы прожил со мной бок о бок, Анукувэйя, и не удосужился хоть раз присмотреться ко мне, брат? Хотя, если задуматься, это вполне справедливо, я ведь тоже не замечал твоей сущности. Истинной природы.

Койот отступил.

— Ты о чем?

— Он не ведет поединок, — тихо сказал Чу. — Рэн бездействует, наблюдая, как его противник своим никчемным позерством истощает свои

силы. А потом, когда враг раскрывает свои слабые места, твой брат наносит точный смертельный удар.

Койот бросился на него.

— Ты сражался с Первым Стражем.

— Да, это так. Мне пришлось, поскольку в отличие от тебя, он знал меня как облупленного. Ему были известны все мои слабости, поэтому он смог спровоцировать меня вопреки доводам рассудка.

— Я тоже все о тебе з-з-з-знаю!

— Нет. Тебе известно о моих недостатках. Это совсем разные вещи. Если честно, благодаря Стражу и его дочери я многое узнал о себе и окружающих.

Рэн крутанулся, и Койот снова промазал.

— Научили чему-то, кроме как говорить без заиканий?

— Нет. За это я обязан Гризли. Страж объяснил мне, что мы умнее и сильнее, ведь нам под силу избавиться от своих недостатков. В отличие от других существ, люди должны уметь быстро приспосабливаться, разбираться в себе и знать, что многое окружающие воспринимают как должное. Если тебе все достается слишком легко, ты не узнаешь, что такое гибкость и самосовершенствование. Или как быстро найти выход из ситуации. И главное — ты не поймешь, когда нужно вовремя отступить и увернуться от удара. И раз я не мог произнести ни слова, не рискуя быть осмеянным тобой, мне пришлось изучить альтернативные способы общения. Каждый божий день я получал от тебя новую инъекцию боли, поэтому даже не почувствовал ударов Стража.

Рэн увернулся от еще одного удара.

— И раз ты научил меня самопрезрению, я научился ценить других больше себя. Я продолжал сражаться со Стражем не ради собственного благополучия, а ради Бизона. Если бы это касалось только моей гибели, я бы отдал Стражу свою голову на блюдецке, тем самым покончив со своей болью. Но я боялся, что одержав победу, он убьет моего единственного друга и бросит меня в мире одного. Поэтому я дрался с ним столь яростно. Моя слабость обернулась моей силой. Твои насмешки и жестокость подпитывали мою решимость выстоять даже в самые тяжелые моменты моей жизни. За это, брат мой, я у тебя в вечном долгу.

Койот бросился на него.

Рэн снова увернулся от удара и схватил Койота за руку.

— Но наши слабости... это самое опасное оружие во всей Вселенной. Уязвимые места — не физические отклонения. Это не заикание, болезнь руки или отсутствие ноги. Слабости живут в наших сердцах. Они могут

мотивировать нас к достижению невероятных высот и в их руках наше уничтожение. Когда-то, брат, ты был моей слабостью. Помнишь, я сломя голову бросился на кабана, прекрасно зная, что мне не под силу тягаться с ним... это проявление слабости. Я больше заботился о твоей жизни, чем о своей собственной.

— Ты никогда не любил меня. Ты это сделал, чтобы привлечь к себе внимание: «Посмотрите на меня! Я герой! Лучший воин!». Мы оба знаем, что ты это сделал, чтобы пристыдить меня. Но тебе не разбудить во мне угрызений совести. Я доказал, кто из нас более достойный, — с издевкой ответил Койот.

Рэн покачал головой.

— Все, что ты продемонстрировал мне, это жалкого мальчишку, который с воплем требовал к себе всеобщего внимания, хотя его щедро им одаривали. Все равно тебе этого было мало. Все эти годы меня мучило чувство вины, и я изводил себя за навлеченные на тебя беды. Хоть раз ты задумывался над тем, что сделал со мной?

— Я ничего не сделал, что оправдывало бы твои жестокие пытки. Я был твоим братом и любил тебя. Да, я подшучивал, может неоднократно. Но это свойственно детям. Безобидные шалости.

Рэн покачал головой. В поступках Койота не было ничего безобидного.

— Ты лгал, и ты украл у меня все, что только можно. Когда этого тебе показалось мало, ты оскорблял и издевался над тем, над чем я был не властен.

— Ублюдок, ты меня истязал!

Рэн схватил Койота за волосы и оттянул голову назад.

— Узри прошлое. Не через призму собственной лжи, а через истину.

Он вернул Койота в небольшой домик, который Рэн сделал своим. В отличие от брата, который обосновался во дворце после смерти их отца, Рэн хотел лишь скромное убежище, которое мог назвать своим.

Стоило Койоту зайти в его обитель, как Рэна начали мучить подозрения относительно намерений брата.

— Что тебе нужно?

— Я готовлюсь к свадебной церемонии с Бабочкой и хочу пригласить тебя на торжество, — ответил Койот с обаятельной улыбкой. — Я скучал по своему брату. Раньше мы всегда сидели по вечерам и болтали.

Нет, это не так. Обычно Рэн чистил и проверял оружие Койота, а потом готовил кровать для брата, в это время Койот хвастался о женщинах, с которыми был близок, и разглагольствовал о том, какие внесет изменения, как только получит власть.

«Мака'Али, принеси мне вина. Еду. Горшок».

Койот обращался с ним как с рабом, над которым постоянно издевался. Но Рэн забыл обо всем этом, стоило ему снова увидеть брата.

— Я думал, ты сердишься за то, что я сделал с отцом.

— Ты сделал меня вождем. Разве я могу злиться из-за этого? Если бы отец был достаточно силен, он бы убил тебя.

Койот протянул Рэну сосуд с вином.

— Давай выпьем за твою победу и мое новое положение.

Он протянул спиртное Рэну.

— Ты первый.

Рэн без раздумий доверился брату. Он сделал глоток, яд разнесся по крови, и через пару секунд Рэн упал на пол. Сбитый с толку от испытываемой боли, он застонал, когда живот скрутило судорогой.

— Ч-ч-ч-ч-что...

— Я с-с-с-с-сделал? Отравил тебя, идиота. Неужели ты думал, я позволю тебе жить и отнять у меня место вожака? Ни за что!

Койот пнул его в спину. Опустился на одно колено, собираясь вонзить кинжал в сердце Рэна.

Но Гризли не собирался расставаться со своим рабом. Красный кулон вспыхнул, и нож не смог пронзить плоть. Демонический камень избавился от яда. Пару ударов сердца, и Рэн смог встать на ноги.

Он схватил Койота за горло.

— Да как ты смеешь!

— Отпусти меня.

— Чтобы ты меня снова отравил?

— Нет. Я собираюсь отправить за твоей головой все племя. Толку быть вождем у погибшего народа.

Рэн нахмурился, услышав безумные планы брата.

— Зачем тебе так поступать?

— Потому что если я не смогу управлять ими, то будь я проклят, если позволю это своему умалишенному брату.

— Я не умалишенный.

Койот презрительно скривил губы.

— Ты слишком туп, чтобы до конца осознать собственную тупость.

Рэн швырнул его об стенку.

Едва двигаясь, Койот посмел смеяться над ним.

— Ты, правда, думаешь, что твои люди следуют за тобой? Они следуют за Духом Гризли. Мака'Али — посмешище. Они смеются и издеваются над тобой за твоей спиной.

Рэн снова схватил его.

— Давай, вперед. Ну же, рискни! Ты никчемное ничтожество. И знаешь об этом.

— Заткнись!

Койот засмеялся еще громче.

— Ты не можешь отдавать мне приказы. Я отказываюсь подчиняться бестолковому куску дерьма, которому даже шлюха не позволила дотронуться до своих сисек. Помнишь? Мы увеличили оплату в четыре раза, и все равно она отказалась. Но я ее трахал, пока она визжала как сучка в отчаянной мольбе о моем члене!

Гнев вспыхнул с такой силой, что казалось его можно пощупать.

Рэн вернул Койота в настоящее, где они снова схлестнулись ни на жизнь, а на смерть.

— Ты вынудил меня. Каждый раз, когда я собирался освободить тебя в течение того года, ты открывал рот, оскорбляя и угрожая мне.

— Ты был малодушным!

— Да, я был малодушным и жалким глупцом, который думал, что если буду прилежно подчиняться тебе во всем и вылизывать твою задницу... если без жалоб снесу и проглочу все дерьмо, то возможно, ты будешь тоже любить меня. Но дочь Стража научила меня, какой должна быть истинная любовь. Ведь любовь — не обязательство. Ты не должен никому отдавать свою верность и тем более сердце. Любовь — это чувство, рожденное взаимным уважением и великодушием. Не жестокостью и осуждением. Оно приходит с готовностью пожертвовать своей жизнью и терпеть оскорбления ради благополучия другого. Но если чувство реально, ты не ощущаешь муки страданий. Мысль о лице, аромате кожи близкого человека освещает тьму и способна вытеснить все остальное.

— Поздравляю, Мака'Али! Ты позволил шлюхе превратить себя в бабу, — сказал Койот с издевкой.

Рэн оттолкнул от себя Койота, а когда собрался отнять жизнь брата, услышал топот бегущих к ним людей.

Койот расхохотался.

— Спасибо за речь, достойную девчонки, братишка. А теперь... давай я покажу тебе, как дела решают мужики. Думаю, ты еще не встречал моего нового приятеля Чаку... но, возможно, помнишь его армию, которую отправил в ад. В любом случае, уверяю, они тебя не забыли.

«Твою мать!..

Прости, Гризли. Мой брат только что выпустил армию, способную меня уничтожить.

И не важно, висит у меня на шее демонический камень или нет».

ГЛАВА 18

Ник закинул Катери на плечо, пока они шли по адской земле, пытаясь найти правильную пещеру, точное расположение которой было известно лишь Рэну и Чу.

— Он в опасности. Я это чувствую.

Ник окинул взглядом их скудную компанию: Сандауна, Кабесу и ковыляющего за ними Сашу, который отказывался, как он красноречиво заметил: «ложиться и вылизывать промежность, пока они либо спасут, либо окончательно угрожают этот мир».

— Какого хрена я прусь со всеми вами, если я единственный, кому не стоит бояться открытия врат?

Сандаун хлопнул его по плечу.

— Потому что ты достойный парень, Ник. И мы это ценим.

Ник фыркнул с насмешкой.

— Ты такой говнюк, Ковбой, недаром носишь только говноступы.

На губах Сандауна заиграла плутовская улыбка.

— Люблю я свои ковбойские сапоги. Моя женщина утверждает, что в них я неотразим.

— Хе... — протянул Ник с усмешкой. — Мне следовало уговорить Энди прикупить тебе колючие шерстяные кальсоны, когда я был Оруженосцем.

Катери перестала извиваться, услышав незнакомый термин... по крайней мере, в том ключе, в котором они его использовали.

— А кто такие Оруженосцы?

— Люди, помогающие Темным охотникам, — ответил Сандаун. — Как ты уже поняла, моим был Энди.

У нее сердце ушло в пятки.

— Был? Что с ним случилось?

— Ничего, козавка женился пару месяцев назад и... ну, я хотел бы сказать — переехал от меня. Но это несбыточная мечта. Что бы я ни делал, мне не удастся его выселить, но я стараюсь. К счастью, дом настолько большой, что мы редко встречаемся, только если он заскакивает поесть или выпить кофе, совершая набег посреди ночи на мой шкаф или холодильник.

— Насколько у тебя большой дом?

— Не спрашивай, — сказали в один голос трое мужчин, кроме Джесса.

«Ладненько, вот теперь я точно должна узнать».

— Насколько он огромен?

Сандаун хохотнул.

— Шестьдесят тысяч. Плюс-минус пару квадратов.

— Ты имел в виду шесть тысяч?

— Нет, — ответил Саша. — Шестьдесят. В его дворе можно посадить семьсот сорок семь самолетов.

Она смотрела на них с изумлением.

— Где ты живешь?

— В Вегасе.

Ничего себе... Катери даже думать не хотела, сколько стоит такое жилье в Лас-Вегасе.

— Вы распалили мое любопытство. Сколько зарабатывают Темные охотники?

Ник рассмеялся.

— Давай я тебе намекну. Видишь те сапоги, которыми так гордится Джесс? Они стоят пять штук.

Это еще сильнее сбilo ее с толку.

— Тогда почему у Рэна такой маленький дом?

Мебель была удобной, но без излишеств. Скучная обстановка напоминала ей товары из ИКЕА.

— Ему не нужно место для лошадей.

Ответ Джесса казался чересчур простым.

Но ответ Ника стал исчерпывающим.

— Рэну много не нужно. На самом деле, он хотел еще меньше. Большую часть заработка он жертвует на благотворительность. Проклятье, у него даже нет Оруженосца. И никогда не было.

— Почему?

— Он стал Темным охотником до появления Оруженосцев. Некоторые, — Ник покосился на Джесса, — в отличие от других, — он перевел взгляд на Кабесу, — терпеть не могут людей. У меня такое чувство, что Рэн относится к последней категории.

«Нет. Никто бы не пожертвовал большую часть своих денег, испытывая ненависть к человечеству. Но учитывая его прошлое, вполне логично, что Рэн не хотел, чтобы рядом с ним находился кто-либо».

Ник повернулся в сторону Джесса.

— Для справки, Сандаун больше не Темный охотник.

Это заявление больше всего удивило Катери.

— Я не знала, что можно покинуть службу.

Джесс поцокал языком.

— Это не так-то легко. Ни капельки. Но в любом случае, некоторым из нас удалось соскочить с крючка.

Ник замер как вкопанный, а когда он заговорил, его каджунский акцент стал ощутимым как протяжное южное произношение Джесса.

— Не легко? Ковбой, ты мне лучше об этом не говори. Именно мне пришлось идти к Артемиде и забирать твою душу. И в процессе Эбби пришлось рисковать твоей бестолковой задницей. Так что возвращение тебе души никак нельзя назвать беззаботной прогулкой на Марди Гра. Поверь мне, *cher*.

Сандаун почесал затылок.

— Ну вот, опять двадцать пять. Обычно все так и происходит. Лично я собирался дальше оставаться Охотником, но они не могут иметь детей, а раз мы захотели ребеночка...

— Не могут?.. — спросила Катери.

— Нет, — ответили мужчины в унисон.

«Они так долго репетировали?»

С другой стороны, это сняло с повестки дня один повод для беспокойств. Рэн не бросил ее беременной.

Она мягко потянула Ника за куртку.

— Ты можешь меня опустить. Я успокоилась.

С недоверчивым выражением лица он послушался и поставил ее перед собой.

— Не забывай, *cher*. Я не напрягаясь поймаю тебя. Так что больше не пытайся бежать за Рэном, рискуя собственной шкурой. По крайней мере, пока календарь не перезагрузится. Потом включай дурочку сколько влезет, я не буду тебе мешать.

Она пропустила его слова мимо ушей и вернулась к тому, что действительно имело для нее значение.

— Не мог бы ты принести душу Рэна.

Ник застонал, словно она попросила у него почку.

— Проклятье, я уверен, что не могу ответить отказом. Бедный Рэн. Он должен быть с тобой рядом, если ты о таком просишь.

Не совсем... по крайней мере, он об этом не просил. Но она не так хорошо знала Ника, поэтому не хотела раскрывать карт и давать ему в руки оружие против себя.

— Ты вернешь нам его душу?

На этот раз он зарычал.

— Он должен попросить об этом, но да. Несмотря на слухи, я еще не полностью переметнулся на сторону зла, но блин, у них заманчивые

печеньки.

«Переходи на темную сторону, у нас есть печеньки! Кто-то проводит кучу времени в интернете».

С улыбкой Катери встала на цыпочки и по-братски поцеловала Ника в татуированную щеку.

— Спасибо.

— Ах, *cher*, как это неправильно. Прижимаешься ко мне губами, чтобы освободить другого мужчину? Постыло, *cher*, постыло.

Она нахмурилась, вспомнив совсем другого Ника. Намного моложе и более счастливого. Он тоже помнил те времена.

— Ты не так далеко зашел, как боишься.

Ник усмехнулся.

— Трудно судить насколько глубоко ты опустился, если нет и лучика света, чтобы оценить тьму.

— Но самое страшное — это не реально существующая тьма, а та, которую мы создаем из собственных страхов.

— Тогда, *cher*, тебе не стоит заглядывать в мой гардероб. Уверяю, там скрыто намного больше, чем просто скелеты.

Что-то верилось с трудом. И это возвращало их в начало разговора...

— Рэн в опасности. Я это знаю.

Катери чувствовала это всеми фибрами души.

— Ты читала записку, — сказал Саша, сцепив зубы. — Он обещал встретить нас в пещере. Ублюдок, мог бы оставить карту или адрес, или широту с долготой, или хоть что-нибудь, но неееет... он оставил тебе записку. И пусть весь мир катится к черту. Если хотите, то можете все сдохнуть. Только не позволяйте моей женщине волноваться обо мне.

Ник фыркнул.

— Очевидно, у тебя никогда не было матери или подружки. Не отчитавшись перед ними и в туалет не отлучиться. Кому захочется наклепать на свою голову адскую ярость? Розочка в кружочке^[57], малыш. Я бы предпочел столкнуться с вооруженной ордой демонов, торчащих от запаха моей крови, чем с одной раздраженной женщиной, которая безумно волновалась, где я запропастился. Во Вселенной не существует достаточно большого бриллианта, чтобы утихомирить и вызвать улыбку у разгневанной фурии. И уберечь свои «фамильные драгоценности» от печальной перспективы быть «впечатанными» в гланды.

Кабеса замер.

— Что-то неладно? — спросил Джесс.

— Не уверен. Такое... чувство. — Он склонил голову, словно

прислушиваясь к чему-то. Спустя секунду Кабеса резко кивнул в сторону Катери. — Иди. Я догоню.

Ее сердце в тревоге забилося

«Пожалуйста, Кабеса, будь ангелом, которым я тебя считаю...»

— Ты идешь за Рэном?

— Si.

Только за это она могла расцеловать его.

— Спасибо.

Он подмигнул ей.

— Эй, я из племени майя. Мы живем, чтобы сражаться. Ты и глазом не успеешь моргнуть, а я уже верну тебе Рэна.

После этих слов он исчез.

Катери прикусила губы от нахлынувшей волны беспокойства. А вместе ее словно омыло гневом.

«Где обещанные бабушкой и отцом силы? По их заверениям я получу неимоверную мощь, когда она мне будет необходима.

Вот сейчас я в ней нуждаюсь как никогда!»

Но казалось, ее не слышали, ни силы, ни родня. Такое чувство, что у них был собственный план. Ей хотелось бежать со всех ног.

«Как я могу спасти мир без поддержки и сил».

Но больше всего ее беспокоило не это.

«Пожалуйста, пусть с Рэном все будет в порядке».

Честно говоря, Катери не была уверена, что захочет спасти мир, в котором его нет.

Рэн сплюнул кровью за секунду до того, как Чаку швырнул его лицом о стену. Хорошая новость? Боль была столь сильной, что Рэн больше ее не ощущал. Дурная весть? Боль была адской, поэтому он уже не пытался предотвратить «поцелуй» со стеной.

«Просто убейте меня уже, и покончим с этим».

Но они получали огромное удовольствие, избивая его. И хотя он выстоял против Стража месяцы напролет, тогда они дрались один на один. Противостоять одновременно десяти огромным бессмертным воинам, четверо из которых превосходили его тысячелетней боевой подготовкой?

Хреново оказаться сейчас на его месте, ведь из него конкретно выбили все дерьмо. И если он каким-то чудом выберется отсюда живым, то еще долго будет чувствовать последствия избиения.

— Держите его, — зарычал Койот одному из нападавших.

Рэна схватили за руки и ноги, а третий прижал геркулесову ногу в промежность, чтобы предотвратить какие-либо попытки к сопротивлению. Лысый ублюдок прижал достаточно, чтобы Рэн чувствовал боль, при этом, не нанося реального вреда.

Пока.

«Пусть боги помогут моему хозяйству, если подонок чихнет».

Тяжело дыша, Рэн посмотрел на Койота с военной дубиной в руках.

«Вот черт!..

Ублюдок собирается отрезать мне голову.

О да, меня это убьет.

Но, по крайней мере, это будет быстро».

Койот скривился в ехидной улыбке.

— И где твоя напыщенная речь с самим собой?

Рэн рассмеялся, а потом облизнул избитые в кровь губы.

— Это «монолог», дебил. И ты еще называл меня идиотом? Теперь я глубоко оскорблен.

Койот угрожающе прищурился.

— Отлично. Пой свой реквием.

Рэн расхохотался еще громче, кашляя кровью, а потом выругался, когда подонок сильнее надавил ботинком на член.

Прерывисто дыша, Рэн глянул на брата.

— Я едва могу говорить, какое там петь. И в последний раз, когда я проверял, мы не были католиками, так что ни о каком отпевании не может быть и речи. Блин, брат. Купи словарь. Или еще лучше убей меня. Я не в силах больше терпеть это издевательство над английским языком.

Самый крупный из противников схватил Рэна за подбородок и поднял максимально высоко, чтобы Койот одним точным ударом снес брату голову. Снедаемый болью Рэн глянул на сжатую челюсть гавнюка.

— Так и знал, что мне стоило убить вас подонков вместо того, чтоб сажать на цепь. Какой урок я извлек из милосердия?

Хотя Рэн знал о безнадежности затеи, но все же попытался вырваться.

Закрыв глаза, он постарался отстраниться от боли и вспомнить, когда Катери впервые ему улыбнулась. Первый раз прижалась губами к его коже и назвала малышом.

Койот прижал зазубренный край обсидиана к его горлу, слегка прорезая кожу.

— *À bientôt, mon frère*^[58].

Он занес дубину для смертельного удара.

«Я люблю тебя Катери. Пусть боги всегда присматривают за тобой, и спасибо за лучшее, что было ведомо мне в этом мире. Если бы я только мог увидеть тебя в последний раз...»

В следующую секунду Койот отлетел к стене рядом с Рэном, а тот урод, который удерживал его за подбородок, валялся на полу без сознания. Пытаясь прочистить горло, Рэн зашелся кашлем, повернулся и увидел Кабесу, схлестнувшегося с Чаку не на жизнь, а на смерть.

— Как там твоя женушка, Кукулькан? — сказал Чаку с издевкой.

Судя по гневу и бешеному выпадку Кабесы, Рэн готов был поспорить, что Чаку приложил руку к ее смерти.

И будем надеяться, что это единственное страшное, что он с ней проделал.

Опершись ладонями о глиняный пол, Рэн с горем пополам встал. Один из противников, удерживающих его правую руку, сломал ему кость.

«Чудненько, что я мог почувствовать...»

Прежде, чем он смог закончить мысль, четверо накинлись на него.

— Нам не нужен Чаку или Койот, чтобы покончить с тобой.

Стоило одному из верзил дотянуться до дубинки Койота, как по комнате пронесся яростный взрыв, сбивший всех с ног.

«Черт, я снова на полу. Меня уже тошнит от этого вида».

Сначала Рэн не знал, кто пожаловал на вечеринку, сбив их всех с ног, пока не увидел Эша, схватившего за горло и впечатавшего в стену одного из Стражей врат.

«Скажи больно, *puta*? Эш, еще разочек швырни его об стену».

Рэн бы сказал это вслух, но державший его подонок сломал ему челюсть.

Эш обошел семерых, не обращая внимания на дерущихся Чаку и Кабесу. Серебристые глаза заволокло яростью. Обнажив клыки, Эш зарычал на Стражей.

— Вы поклялись защищать невинных.

Самый высокий решил подавить Эша своими размерами. Это могло бы сработать, учитывая, что он был выше Эша на пару сантиметров. Но в военных ботинках рост Ашерона переваливал за два метра двадцать сантиметров. Тяжеловато напугать человека с такими размерами. А учитывая божественные силы и свирепые боевые навыки...

«Продолжай скулить и пыжиться. Эш наверняка сочтет это забавным».

Лысый урод махнул в сторону Койота, отвечая Ашерону:

— Мы должны услугу нашему освободителю. И всего лишь платим по счетам.

Эш покачал головой.

— Ах, теперь я понял свою ошибку. Ваши долговые обязательства прошлись катком по человеку, который для меня как брат. И мне совсем не нравится, что вы скопом накинудись и избили его до полусмерти, хотя я знаю, что один на один вы бы обломали себе все зубы... Как насчет, уравнивать счет на этом крохотном ринге?

Все-таки имбицил решил покуражиться. Может потому, что превосходил Эша в пять раз мышечной массой придурок посчитал, что преимущество на его стороне. Но первое, что усвоил Рэн, противника не стоит судить по размерам... Отсутствие мышц не влияло на боевые навыки. Это делало врага смертоносным. Ты становишься чертовски сильным, если враг недооценивает тебя и силу твоих ударов. Возможно, один точный удар неповоротливого громилы может стать фатальным, но у тебя есть шанс нанести двадцать и вырубить противника первым. Громилам же нужна точность.

Тебе? Не обязательно.

— Мы тебя не боимся, — глумился Страж над Эшем.

Ашерон беспечно пожал плечами.

— С вашей стороны — это колоссальная дурость. Но не меня вам стоит бояться. — Эш повернулся и подошел к Рэну. — Ужасно выглядишь, приятель.

— Вот черт, — ответил Рэн, стараясь не шевелить сломанной челюстью больше необходимого. — Все часы, проведенные в салоне, потрачены впустую. Кроме того, я только сделал маникюр.

— Да, выглядишь дерьмово. — Эш протянул Рэну руку, чтобы оторвать от стены, к которой тот прислонился, дабы не свалится на пол.

Рэн схватился за Эша здоровой рукой, и боль мгновенно исчезла. Жар разнесся по венам. Ашерон полностью исцелил его тело.

Несколько секунд Рэн чувствовал себя сильным как никогда. Более того, все в комнате застыли на месте, словно кто-то нажал на паузу.

Ашерон, казалось, не обращал на это внимания.

— Знаешь, Рэн, мне кажется, ты так и не воспользовался правом на акт возмездия, когда подписался на службу к Артемиде.

— Тогда я не желал расплаты.

— А сейчас?

Рэн глянул на Койота, застывшего посреди яростного вопля: сухожилия на шее вздуты, лицо искажено, будто уродливая маска.

Темным охотникам запрещено убивать. Существовали очень строгие правила, которые нельзя было нарушать. Убийство человека — одно из

главных табу.

— А ты мне это позволишь?

Эш вопросительно приподнял бровь.

— Ты полудемон. Тебе разве не глубоко плевать на мое мнение?

— Мой внутренний демон знает, что твоя демоническая сущность без напряжения промоет моей пол вместо тряпки. Поэтому — «да». Меня волнует твое мнение. Очень.

— Ты такой обманщик, — ответил Эш с улыбкой. — И гений. — Он махнул на компашку ублюдков. — Так как насчет мести?

В комнате находился лишь один мужчина, кому Рэн действительно хотел отомстить.

— Я собираюсь убить Койота.

— Если захочешь, бери всех. Ты заслужил.

Рэн с хмурым видом обдумывал предложение. Обычно Эш не был кровожадным. Вплоть до женитьбы Ашерон напоминал Харе Кришну — неужели так трудно жить мирно? Мир и любовь, брат. Мир и любовь. Убивайте даймонов, освобождая человеческие души, но будьте миролюбивы со всеми остальными.

С того момента, как Тори надела на безымянный палец Эша титановое черное обручальное кольцо, Ашерон узнал о преимуществе позиции: «Стучите в мою дверь с желанием подраться? Тогда милости прошу. Сегодня, брат, я надеру твою чокнутую задницу».

Однако учитывая, сколько веков Эш осуждал бессмысленное кровопролитие, Рэн решил удостовериться наверняка, что они с ним на одной волне.

— Что ты имеешь в виду? Отправить их восвояси живых и немного избитых или в чертовых мешках для трупов?

Едва вопрос слетел с его губ, как в комнате появилось еще семь Рэнов, каждый из которых замер перед Стражами Врат. Судя по виду, его клоны собирались отделать своих противников.

«Какого хрена?..»

Эш скрестил руки на груди.

— Расслабься. Они исчезнут, как только разберутся со своими противниками... как ты того пожелаешь. И они не ослабят тебя. Твои двойники черпают силу не из тебя.

Рэн оторопело смотрел на Эша. Он, конечно, всегда знал, что Ашерон владел невероятной силой, но не подозревал о способности создавать батальон клонированных воинов.

— Как ты это сделал? — Рэн выдохнул. — И если уж на то пошло, как

ты сюда попал? Я думал, ты не можешь помочь мне с этим делом?

Эш пожал плечами.

— Надеюсь, ты не примешь это близко к сердцу, но твоя семейка слегка тупит, когда дело доходит до логических подсчетов. До освещенной части Долины еще чуть больше восьми километров. — Он блеснул клыкастой ухмылкой. — Отличное место разбить лагерь, не находишь? Я бы посмеялся над высокомерным идиотизмом твоего братца, не будь он столь жалок. В любом случае я считал, что ты пойдешь со всеми остальными, а не двинешься в обход, решив заглянуть сюда на огонек. Если бы я знал о твоих планах, я бы прикрыл тебя. Иногда, Рэн, не стоит забывать, что сейчас у тебя есть друзья. И некоторые были рядом с тобой очень долго. Все Темные охотники как прыщи на заднице, но я в какой-то мере к вам привык.

Рэн рассмеялся.

— Я это запомню. Спасибо.

Эш уважительно склонил голову.

— Я оставлю вас с Безой развлекаться. И ради тебя позабочусь о Чу Ко Ла Та. Продолжай держать оборону против паразитов, желающих сломить барьер.

Он пошел к Чу, лежащему без сознания.

— Ашерон? — Рэн постарался правильно выговорить имя на атлантском диалекте с твердой «Ш» и ударением на «Е». — *Шериста*.

Спасибо.

Эш дважды ударил кулаком по груди, для атлантов этот жест — кровная семья.

— *Atee, mer, atee*.

В любое время, брат, в любое время.

Сказав это, Ашерон развернулся, поднял Чу и исчез. В следующую секунду все вокруг ожили.

Однажды Эшу и правда нужно будет объяснить полный спектр своих сил.

Но не сегодня.

Этим вечером Рэну нужно запечатать врата и поймать одну крысу. Ту, чьи глаза расширились от страха, когда она увидел восемь Рэнов, готовых вступить в бой.

И один из них был невероятно зол и жаждал крови за избиение по приказу Койота.

Рэн оставил армию своих двойников разбираться с остальными, а сам направился к Анукувэйя. И как только брат увидел, кто идет за его шкурой,

то сделал то, что Койот умеет лучше всего.

Побежал.

Рэн ускорился, направляясь вглубь пещеры за Койотом. Устав от погони за зайцем, он переместился, возникнув перед братом.

Оглядываясь на преследователя, Койот врезался в грудь Рэна.

Тот взирал на него безжалостно. Анукувэйя упал на землю и стал отползать с перекошенным лицом одержимого персонажа из фильма ужасов.

«Вставай и сразись со мной как мужчина, каким ты себя называл...»

— Я никогда не пойму, как отец мог быть столь слеп в отношении твоей истинной сущности.

Наконец, обретя немного мужества, Койот встал и с вызовом поднял подбородок.

— Что собираешься сделать? Убить меня?

Рэн вытащил из сапога кованный нож и глянул на него. Одна из немногих вещей, которые ему удалось сохранить со своей человеческой жизни... одна из немногих, что у него была. Простой и изящный, на одной стороне лезвия выгравирован ворон, а на второй — колибри. Небольшая причуда, которой он поддался однажды ночью, когда не смог уснуть. Слишком много горьких воспоминаний зачастую лишали его покоя.

Но он всегда питал огромное пристрастие к оружию.

Еще с малолетства одной из изучаемых им наук стала металлургия. Рэн смотрел, как кузнецы выплавляют различные составы, и запоминал, чтобы потом повторить без свидетелей.

К своему двадцатилетию он самостоятельно делал все свое оружие. Лук, стрелы, боевую дубину и ножи. И благодаря «шуточкам» Койота научился спать с оружием на тот случай, если их тронут или испортят, чтобы ему сразу же становилось об этом известно.

Нет ничего хуже, доверить свою жизнь оружию, которое будет повреждено или сломано во время боя.

И у Рэна есть шрамы, доказывающие это. До бессмертия его единственной гордостью было оружие. В отличие от людей оно не издевалось над ним. Не бросало, а защищало, как никто прежде.

Эти ощущения до сих пор не изменились.

На самом деле его домашний гараж оборудован под кузницу. Он мог летать и перемещаться, поэтому не ездил на машинах. Зачем попусту занимать огромное пространство, если он мог использовать это место для единственной вещи, приносящей ему удовольствие.

— Ответь хоть что-то, — зарычал Койот.

— Прости, я на секунду задумался.

— Ты сбрендил?

Рэн рассмеялся.

— Учитывая наши гены? Наверняка. — Вздохнув, Рэн прищурился, глядя на брата. — Ответь мне... помнишь, на мое девятнадцатилетие я сделал в подарок тебе и отцу одинаковые наборы ножей?

— Да? И что?

— Помнишь, что ты сделал?

— Нет. Я даже не помню, что с ними в итоге произошло.

«Конечно, нет. С чего бы?»

— А я помню. — Очень отчетливо, хотя отдал бы многое, чтобы стереть эти воспоминания. — Я сделал тебе первому подарок, и ты меня убедил, что отец не примет подарок от меня. Раскритикует за качество. Поэтому я позволил тебе отдать ножи, а сам наблюдал со стороны. Он подумал, что их сделал ты и обнял тебя за подарок.

— Отец не очень хорошо поступил.

— Нет, Анукувэйя, это ты всегда поступал плохо. Ты темная лошадка. Коварное существо из мрака, которое делает вид, что принадлежит свету. Блестит и переливается, только полый внутри. Ни капли преданности. Когда мы были людьми, я этого в тебе не замечал, потому что любил своего брата. Не хотел видеть и признавать. И даже когда Бизон рассказал нашему отцу, что это я сделал ножи, лучше которых ему не доводилось видеть. Впервые в жизни отец посмотрел на меня без презрения. Но ты не смог этого пережить. Ревность разъедала тебе душу. Ты не захотел подарить мне даже двух минут его уважения и любви. Вместо этого ты с помощью термоудара испортил лезвие и показал его отцу, который поблагодарил тебя, что ты уберег его от смерти из-за моей некомпетентности. В ярости отец метнул в меня бракованный нож, пока я в одиночестве ел ужин на кухне.

Рэн распахнул рубашку, чтобы Койот смог увидеть шрам на плече, куда попал нож, пока он сидел, не ведая о гневе отца. Их отец швырнул нож столь сильно, что сбил Рэна с табурета на пол. Ошеломленный, он в ужасе смотрел, как отец в гневе кривит губы, осыпая его проклятиями.

— То оружие было прекрасным. Оно пронзило мою плоть, сухожилия и мускулы как масло, а острие врезалось в кость. Но одно ты должен помнить. Прошло больше года, прежде чем рука смогла заново нормально функционировать.

Хотя, если честно, Рэн до сих пор не все мог ею делать.

Рэн поднял нож, чтобы Койот смог его рассмотреть.

— Это оружие одно из лучших, которыми я когда-либо владел. Одиннадцать тысячелетий, а лезвие крепко, как и прежде.

— Зачем ты его сохранил, больной ублюдок?

Внутри вскипела ярость, подкатывая к горлу и едва не душа Рэна, но он не обращал на нее внимания. Это не гнев. Речь шла о расплате за жизнь, полную страданий, причинённых ему Койотом.

— Я хотел, чтобы наш отец гордился, а ты был счастлив. Я добавил в сплав лезвия ожерелье моей матери. Стоимость подарка не столь важна. Главное, чтобы оно шло от сердца и несло эмоциональный заряд от дарящего. Для меня не было ничего дороже ее ожерелья... кроме тебя и отца. Поэтому я сберег этот нож как напоминание о смирении, а еще о том, что нельзя никому доверять свою жизнь. Не забывать о позиции, которую я отвел для окружающих, так чтобы никто больше не нанес мне удар, пока я потерял бдительность.

Подкрадываясь к нему ближе, Койот закатил глаза.

— Я скучаю по славным временам, когда ты заикался. Тогда ты не молол всякой вздор.

— После сегодняшнего вечера тебе больше никогда не нужно будет терпеть мое присутствие. Больше ты не будешь отбирать мое, вредить или угрожать тем, кого я люблю.

Койот усмехнулся, встав перед Рэном.

— Ты не можешь меня убить. Я твой брат.

Рэн притянул Койота в братские объятия, а почувствовав, что тот расслабился, пронзил сердце ножом.

— Только по отцу, — прошептал он Койоту на ухо, удерживая его в руках. — А китува учитывают родословную лишь по материнской линии... Он мне не брат. И я ничего ему не должен.

Именно это сказал Койот жрецу, когда тот спросил, как он желает похоронить брата.

Более того, Койот добавил:

— Он не настоящий китува и умер бесчестно. Мне все равно, что вы сделаете с его телом, но не оскорбляйте наших мертвых, хороня с ними рядом непонятно кого.

Вместо похорон, достойных сына вождя, тело Рэна скинули в мусорную яму. И Койот больше никогда не вспоминал о нем, пока Артемида не воскресила Рэна.

Хватая ртом воздух, Койот потянулся, пытаясь задушить брата, но умер.

Рэн оттолкнул его от себя, позволив Койоту упасть на пол и еще пару секунд корчиться в предсмертных судорогах. А потом сделал то же, что Койот по отношению к нему столетия назад... Перешагнув через тело и отправился по своим делам.

По крайней мере, попытался. Но, сделав три шага, Рэн почувствовал, как ожерелье нагрелось, обжигая кожу.

«Проклятье...»

Когда Койот попытался задушить его, их смешанная кровь коснулась каменного демона.

«Теперь Гризли вырвется на свободу. И овладеет мной. Навечно».

Желудок скрутило в трубочку, Рэн побежал туда, где оставил Кабесу драться с Чаку и застал друга, стоящего посреди комнаты.

Рэн замер.

— Где Чаку?

— Маленькая *puta* побежала домой к мамочке. Клянусь... однажды я выпью кровь из его сердца и съем напоследок... — Он махнул на пятно крови на рубашке Рэна. — *Et tu*^[59]?

— Койот больше не воет. Ублюдок замолчал навсегда.

Поняв все, Кабеса кивнул.

— Мне жаль, и в тоже время я рад за тебя.

У Рэна вырвался смешок.

— Да, этим все сказано, согласись?

— Это точно, брат.

Рэн с минуту наслаждался последним словом. Койот лишь тогда называл его братом, когда хотел им манипулировать. Но те, кто сейчас называли его так, подразумевали под словом именно братство и не были связанным с ним кровным родством.

Он будет скучать по ним, когда станет служить Гризли.

Не желая об этом думать, Рэн протянул Кабесе руку.

— А теперь мы должны спасти весь мир?

— В яблочко. Почему нет? Если все умрут, мне придется самому себе готовить, а я паршивой повар. А ты?

Рэн рассмеялся.

— Только баннок^[60] и окру^[61], а так я не претендую на звание повара года.

— Тогда нам стоит спасти оставшийся мир.

Катери выругалась, поняв, что закончились стрелы. Снова. Она бы многое отдала за голливудское оружие, в котором никогда не заканчивались патроны, пока ты в опасности.

Саша скрылся в темноте, в одиночку сражаясь в форме волка и пытаясь не подпускать к ним врагов, пока они окружены. Саша мог продвинуться вглубь пещеры, до которой им нужно добраться в ближайшее время или все будет зря.

Если это, конечно, необходимая им пещера. Между ними возник спор о точном месторасположении стенописи. Без Рэна... Да, есть вероятность, что эта ночь закончится весьма плачевно.

Она пустила последнюю стрелу в демона, который летел прямо на Джесса.

— Ник! Еще стрел!

Они мгновенно появились в ее колчане. Ладно, Ник был лучше Голливуда. Разве что он не мог наколдовать С-4. Ну, в теории он на самом деле мог. Проблема в том, что никто не знал, как пользоваться такой взрывчаткой.

— Спасибо.

Ник вернулся к обкидыванию врагов огненными шарами. Он швырял их так быстро, что это напоминало салют на День Независимости.

Джесс продолжал стрелять в черных пересмешников и демонов так быстро — перезарядка, рычажный взвод, прицел, выстрел — что все мелькало в его руках. Ствол стал столь горячий, что от него шли клубы дыма.

Вот только на замену каждого уничтоженного демона, казалось, возникало больше десяти.

Сандаун глянул с раздражением на Ника.

— Разве ты не можешь скомандовать этим тварям подохнуть?

— Да. Конечно могу, но здесь огромная плешивая хрень... если я использую эти силы, они проникнут через ослабевшие ворота и мгновенно их раскроют. Я на верхней ступени иерархии, Джесс. Моя сила имеет свойства притягивать к себе других демонов, как бусы на Марди Гра^[62] — оголённую грудь. И в зависимости от уровня демона, моя сила может их подзарядить. Считай меня радиомаяком проклятых.

Джесс перезарядил винчестер.

— Звучит как-то совсем не весело.

— Так же весело, как гребанная Цепочка обезьянок^[63].

Ник швырнул еще один огненный шар в демона.

Забавляясь редким сарказмом Ника, который несерьезно относился даже к весьма опасным ситуациям, Катери подула на запястье. Несмотря на защитную крагу, кожа горела. Пальцы онемели, и Катери была уверена, что если выживет, то ее долго будут мучить кошмары о призрачных клыкастых существах, которые вопят на нее, умирая.

«Это безнадежно».

Она не озвучила свою мысль, но была уверена, что парни тоже так считают.

Никто из них не смог сделать и шагу к пещере. Она так устала от сражения, что хотела просто лечь и сдаться. В любом случае, через пятнадцать минут это будет уже не важно.

Уже слишком поздно.

Как странно, студенткой, особенно на скучных занятиях, пятнадцать минут казались для нее вечностью.

Сейчас...

За это время даже вся жизнь перед глазами не промелькнет.

Катери отшатнулась, когда над ее головой пронеслось что-то, напоминающее летающую обезьяну, и стало плевать в них. Слюна была кислотной. Катери это поняла, когда жидкость попала на скалу в нескольких миллиметрах от ее руки и разъела камень, как сахар в кипятке.

Джесс трижды выстрелил в существо. Существо отшатнулось, но, несмотря на раны, не подохло.

— Неужели мать не научила тебя хорошим манерам? Нельзя плевать в леди. — Сандаун наклонился перезарядить винчестер. — Шизанутая зверюга.

— Демон, Джесс, — напомнил ему Ник.

— Шизанутый демон, — Сандаун прищурившись глянул на Ника. — Святая вода на них действует?

— Не на всех. Не забывай, я ходил на воскресные службы, причащался и был паинькой в детстве.

— Да, это как-то неправильно.

— Согласен. — Ник заслонил Катери собой, когда на нее полетела еще одна партия летающих уродцев. А потом он в буквальном смысле слова открыл огонь против тех, кто едва ее не убил.

Ник мог перенести их в пещеру, но он мало знал о расположении и ландшафте, поэтому мог в процессе швырнуть их в стену и убить. Не говоря уже о том, что внутри они бы оказались в ловушке, облегчив демонам убийство.

Катери натянула тетиву, установив новую стрелу. Но единственное,

чего ей действительно хотелось — забиться в норку и переждать, когда все закончится.

«Прекращай, Катери. Это не о тебе».

Она оглянулась на мужчин, рисковавших своими жизнями ради ее защиты. У Джесса новорожденный малыш. И ему явно не хочется здесь находиться. И, тем не менее, он здесь без единых жалоб. Ник... ну... с его слов ему все до лампочки. Саша без памяти влюблен, хотя и не признается, кто она, но поклялся, что если он переживет эту заварушку, то пригласит девушку на свидание. Страх — это проклятие. Кабеса отмалчивался насчет своей жизни.

Но больше всего Рэн. Он отдал ей свое сердце... единственное, чем действительно владел.

То, что никому никогда не отдавал.

За секунду она вспомнила, как молоденькой девушкой стояла на кладбище с бабушкой на День Поминовения. Они всегда приходили туда поставить красные, белые и синие розы на могилу дедушки Катери. У бабушки был внутри стальной стержень, и она никогда ни из-за чего не плакала, но все же рыдала над могилой мужа, которого горячо любила.

— Бабуля, как я узнаю, что люблю кого-то столь же сильно, как ты дедушку?

— Ох, дитя, — сказала она, зачесывая назад волосы с лица Катери. — Я тебе объясню просто. Когда ты поймешь, что готова без раздумий и колебаний пожертвовать жизнью ради этого человека. Или когда на часах пять вечера, а он не пришел, хотя обещал, и ты в панике едва дышишь от страха, что он никогда снова не переступит порог. Когда сама мысль о погребении и похоронах убивает тебя. И самое главное, услышав хорошую или плохую новость — он первый, с кем ты хочешь ее разделить. Именно тогда, дитя, ты поймешь, что это любовь. Без сомнений.

Катери никогда до конца не могла понять объяснение бабушки. Нет, пока не заглянула в бездонно синие глаза, которые выжгли одно мужское имя в сердце и в душе, заставив понять, что ее идеальная и счастливая жизнь без него совершенно пуста.

Рэн.

И если она не запечатает врата, то томящиеся за ними ужасы придут за ее любимым.

Катери надеялась, что не пожалеет о своей глупой затее, когда направилась к пещере. Она думала, что побежала сама, пока Ник не схватил ее, прежде чем огненный шар взорвался рядом.

Отрезая путь к отступлению, их окружили еще больше демонов.

Вот черт! Попытка была бесполезной. Она просто вытащила их из укрытия на открытую местность, чтобы погибнуть.

«Простите».

— Помощь нужна?

Ее сердце гулко забилося, когда рядом раздался глубокий знакомый голос Рэна.

— Ты здесь!

— А где же мне еще быть? — Рэн нахмурился, заметив, в каком безумии они по уши погрязли. — Почему атака столь яростна?

Ник глянул на него с деланным изумлением.

— Ой, даже не знаю. Но мы реально этим наслаждаемся. У страха такой чудесный романтический аромат. Из него стоит сделать туалетную воду и дезодорант. Гадкий парфюм. Просто остановись на минутку и наслаждайся.

Хотя он мог довести до белого каления, все же на Ника находили приступы колких шуточек.

Кабеса откашлялся, появившись рядом с Джессом.

— Народ, у нас осталось всего пять минут. А потом все станет намного хуже.

Рэн протянул Катери руку.

— Готова?

— Целиком и полностью.

Она обхватила своей холодной рукой его горячую ладонь, и по спине побежали мурашки. Его сила потрясала. И если ей суждено умереть этой ночью, то нет большей радости, чем любоваться им в последние минуты жизни.

Рэн с легкостью переместился в пещеру. Проведя здесь столетия, он знал каждый сантиметр этой долины как свои пять пальцев, и ему было точно известно, в какой пещере необходимая для сброса стенопись.

Но внутри оказалось так темно, что Катери ничего не увидела. Даже собственной руки.

Рэн с помощью огненных шаров поджег настенные факелы, развешенные в сантиметрах шестидесяти друг от друга. Глиняные стены были украшены тысячами доисторических глифов. Таких красивых. Фернандо сдурел бы от радости изучить что-то столь древнее.

— Гром-птица здесь.

Рэн привел ее к другой стороне пещеры с почти плоской стеной, полностью исписанной красочной стенописью, рассказывающей полную историю того, как мир впервые был спасен первой Икскиб, когда она

победила разгневанного бога.

Он показывал, как Ахау Кин одарил ее Киничи.

Но Катери не видела того, что они искали, а время бежало слишком быстро. У них остались считанные секунды, прежде чем ворота распахнутся.

— Куда вставлять Киничи?

Рэн указал на потолок, где над картиной возвышался гигантский громовержец. И кроме него там парила колибри. Нельзя было точно сказать, громовержец летел следом или преследовал крошечную птицу. Были ли они врагами или друзьями? С уверенностью сказать невозможно. Но колибри находилась прямо между открытым клювом гром-птицы.

Катери хотелось разрыдаться от отчаяния.

— Ну, разве это не полный отстой? Насколько у меня должны быть длинные руки, чтобы дотянуться? Ты же не прихватил радиоактивные изотопы, которые я могу выпить и быстро мутировать, угадала?

Такой номер всегда прокатывал в кино.

И есть еще одна серьезная проблема.

— Куда именно я должна вставить камень?

Стена была абсолютно гладкой без единой щелочки или выемки.

— Не волнуйся, мы найдем.

«Гляньте, кто отыскал в завалах свой оптимизм. Как раз вовремя, приятель».

Рэн направился к ней, но неожиданно раздался сильный взрыв, сбивший его с ног.

Действуя инстинктивно, Катери вставила стрелу и, натянув тетиву, повернулась к врагу. Но увидев мишень, замерла.

Нет... это невозможно.

«Какого хрена?»

Катери глазам своим не могла поверить. Это сон. Бред. Конкретная галлюцинация.

Или что-то типа того.

Она опустила лук.

— Энрике?

— Si, доктор Авани.

В полном замешательстве она попыталась разобраться с ситуацией, а он подобрался ближе к ней.

— Что ты здесь делаешь?

Он холодно улыбнулся.

— Понятное дело, пришел, чтобы увидаться с тобой.

«Понятное дело?»

— Не понимаю. Как ты узнал, что я здесь?

— Веном, — просто сказал он. — Я захватил его, когда он напал на Чаку в лаборатории... Я не был настолько заморожен, как вы с Кабесой думали. И готов плюнуть в глаза всем так называемым экспертам, утверждающим, что пытки не срабатывают на людях. По-моему, они не знают, как правильно пытать. Лично меня этот метод никогда не подводил.

У нее секунда ушла, чтобы понять о ком шла речь.

Рэн двинулся к ней, но Энрике взрывом откинул его к противоположной стене.

— Если хочешь, чтобы она дышала, не двигайся.

Часы Катери начали пищать, предупреждая об обратном отсчете. Ей придется пройти мимо Энрике. Сию секунду!

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Отдай мне свой камень и получишь камень своего хахала.

Она посмотрела на Рэна, все еще не уверенная, не сон ли это.

— Не делай этого, Катери, — твердо сказал Рэн. — Это не человек. Что бы он ни делал, не отдавай ему камня.

Она покачала головой.

— Он мой аспирант.

Энрике рассмеялся.

— Вроде да, а вроде и нет. Энрике был твоим ассистентом. Но фактически я был твоим пленником, доктор Авани. Пока Чаку неосознанно не освободил меня.

«Бред какой-то».

Она сердито глянула на Рэна.

— Ты сказал, он не человек, что ты имел в виду?

Энрике зашипел.

— Глупая *puta*. Я говорил тебе... Я пеучен. Ты вернулась с моей *cárcel*^[64] из твоих первых раскопок с Фернандо и собиралась проверить ее. Из-за этих тестов мне удалось вырваться из *cárcel*. Но я не смог сбежать из чертового университетского городка. Даже после того, как овладел телом твоего ассистента. Его прабабка была реально мощной. И я наслаждался, поглощая его душу. Но я закончил. И теперь хочу забрать то, зачем пришел.

Он потянулся к ней.

Рэн ударной волной оттолкнул его прочь.

— Не смей ее трогать!

Энрике атаковал Рэна, выстрелив чем-то прямо в грудь. Незвестная штука раскололась на куски.

Рэн закричал от боли, а Катери завопила от ярости. По стону любимого она поняла, насколько велика боль.

Он никогда так не кричал.

Катери попыталась дотянуться до Рэна, но Энрике помешал ей.

— Дай мне *el piedra*^[65]! Сейчас же!

За жизнь Рэна она готова была отдать ему все что угодно. Но она не настолько тупа, чтобы хоть на минуту поверить, будто демон позволит им уйти отсюда живыми.

«Думай, Катери, думай...»

Энрике двинулся к Рэну с твердым намерением убить его.

В секунду, когда она поняла, что потеряет Рэна навсегда, Катери почувствовала это. Внутри все стянуло в узел. Крошечный укол в дамбу, на которую нахлынул сильный поток, сметая препятствие со своего пути. Комнату озарило ярким светом, струящимся из ее тела. Свет пронзил Энрике. Закричав от боли, тот отскочил, намереваясь дотянуться до Рэна.

Но стоило демону приблизиться к Рэну, как свет снова поразил Энрике.

Его лицо изменилось в уродливую демоническую маску. Энрике попытался дотянуться до Катери. Свет становился все ярче, пока не взорвал демона на тысячу кусочков.

Внутри kloкотал страх, облегчение и ужас. Катери побежала к Рэну, лежащему на полу в луже крови. Она как можно нежнее перевернула его, уложив себе на колени.

Бледное лицо было покрыто бисеринками пота. Он едва дышал. Губы начали синеть.

«Боже милостивый, сколько крови...»

Рэн накрыл ее руку своей ладонью.

— Ты должна сбросить календарь.

«Плевать мне на этот календарь».

— Тебе больно.

Хуже всего, похоже, он мог умереть.

Рэн облизнул пересохшие губы. Каждый его вздох отдавался глухим судорожным звуком в груди.

— Это неважно, Катери. Календарь намного важнее. Иди, я подожду тебя.

— Не смей умирать, — предупредила она. — Я не шучу!

— Иди.

Кивнув, она снова побежала к стенописи.

На этот раз, когда она взглянула вверх, то увидела нечто другое. Новые

детали, ранее не замеченные ею. Детали, появившиеся только сейчас, когда она обрела силы отца и бабушки.

Проницательность. Способность видеть что-либо скрытое или замаскированное.

Теперь картина обрела ясность. Громовержец — это символ Рэна, его метаморфоза от разрушителя к защитнику мира. Гром-птица принесена в жертву ради колибри, которая смогла дотянуться до солнца. Раскрытый клюв громовержца, окружающий крошечную птицу, защищал ее своим последним вздохом.

Но Катери не знала, как дотянуться до этой чертовой штуки с земли.

«Верь», — громко раздался голос Рэна в ее голове.

Она оглянулась, чтобы убедиться, что он все еще вместе с ней.

«Я всегда буду с тобой, Валеيلي. Мне понадобилось одиннадцать тысяч лет, чтобы отыскать тебя. Ты, правда, думаешь, что я тебя сейчас покину?»

У нее на глаза набежали слезы.

— Я верю.

Впервые в жизни она думала то, что сказала. Хотя это полное безумие, она верила всей душой в этот бред.

Катери поверила в сверхъестественное.

Во все это. И самое главное — она верила в Рэна. Его любовь окутала ее, даря силу и решимость. Рядом с ним она наконец поверила в невозможное.

«Я Колибри — мост между ночью и днем. Посланница солнца, которая несет в себе надежду человечества».

Стоило мысли промелькнуть в сознании, как тело стало словно пушинка, и она начала подниматься.

Нет, не подниматься...

Она воспарила.

В одну секунду она стояла на земле, а в следующую парила высоко над потолком.

«Ох, это... страшно. И очень весело».

Неожиданно снова появился Энрике.

«Я разве не прикончила этого ублюдка?»

— Отдай мне камень, или я убью его!

Энрике прижал нож к горлу Рэна.

Катери без раздумий начала спускаться, но Рэн махнул рукой, и легкий порыв ветра поднял ее вверх.

«Спаси мир, Катери».

Ей на глаза навернулись слезы, угрожая прорвать плотину.

— Мой мир — это ты!

«А ты мой. А теперь, пожалуйста, Катери, если ты меня любишь, выполни возложенную на нас миссию. Сбрось календарь, а потом мы убьем этого говнюка».

Только Рэн мог заставить ее в состоянии полного испуга и огорчения улыбаться.

Кивнув, она потянулась и поняла, что стенопись с земли обладала оптической иллюзией, чтобы казаться гладкой. Находясь наверху, она увидела небольшое углубление в сердце колибри, которое было специально создано для ее ожерелья.

Стоило ей прикоснуться к картине, как она обрела ясность разума.

Глаз. Сердца. Души.

«Я — сила, изгоняющая зло. Я одна могу побороть его и удержать от самой важной частицы моего существования».

Солнце — не просто свет, изгоняющий тьму. Это тепло, способное уберечь от ледяной стужи и боли. Сосредоточенность на вещах, дарящих тебе счастье, наполняющих сердце радостью. Именно они охраняют и оберегают тебя. В их власти уберечь тебя даже от самого страшного урагана.

И эта радость, дарованная ее сердцем. У Катери дрожала рука, когда она вложила ожерелье в сердце колибри.

Молния скрикнула через комнату. Колибри спряталась в клюве громовержца. Оранжевый луч света выстрелил из него в небольшое отверстие в потолке пещеры.

Катери отвернулась, защищая глаза от жгучих лучей, которые сияли ярче полуденного солнца.

— Нет! — закричал в ужасе Энрике. Он повернулся, намереваясь кинуть в нее нож.

Стоило ему это сделать, как Рэн подскочил к нему, срывая красное ожерелье со своей шеи. Он закрутил петлю вокруг горла Энрике, когда тот метнул нож.

Катери увернулась от ножа и сразу подумала, что Рэн использовал ожерелье в качестве удавки. Но Рэн не завязал ожерелье на шее Энрике, а отступил.

— Наслаждайся *Cárcel Infierno, amigo*^[66].

«Передавай мои лучшие пожелания Гризли и Ветру-провидице».

Энрике закричал, когда под его ногами разверзлась земля. Он пытался бороться, чтобы остаться в мире живых. Но попытки оказались

бесполезны. Земля целиком поглотила его.

Как только Энрике исчез, Рэн упал на землю. Со всей силы.

Забыв о собственном ожерелье, Катери рванулась к нему. Ее переполнял холодный страх и всепоглощающий ужас. Рэн был так бледен, а дыхание — учащено и поверхностно.

Она осторожно положила его голову себе на колени и убрала пряди волос с красивого лица.

— Малыш? Ты же не умрешь, правда? Ты бессмертен.

— Нет! — Глаза заволокло слезами, а грудь сдавило от боли.

«Я не могу его потерять. Не могу!»

— Не оставляй меня, Рэн. Пожалуйста. Ты мне нужен.

Рэн наслаждался этими словами, которые не чаял услышать в свой адрес от другого человека. А то, что они были сказаны кем-то столь замечательным как Катери... о большем он не смел просить. Да и не заслуживал.

«Спасибо за это признание. Боги, как же мне не хочется покидать ее, но у судьбы другие планы для них двоих».

— Я тебе не нужен, моя ненаглядная. Тебе и без меня хорошо жилось.

— Ты прав, хорошо. Но не замечательно. Пока ты не ворвался в мою жизнь, оберегал от опасностей. Я не хочу больше быть одна, Рэн. Просто, что я могу прожить одна, не значит, будто я этого хочу.

Он поцеловал ее в щеку.

— Не плачь, Валеيلي... Так будет лучше.

«Он сдурел? Какое к черту лучше?»

— Как?

Прежде чем Рэн смог ответить, перед ними возник огромный свирепый мужик с хорошо развитой мускулатурой, одетый в дубленную оленью кожу. Презрительно скривив губы, он окинул их взглядом, полным ненависти.

— Он продал мне свою жизнь и таким способом пытается избежать рабства.

— Оставь ее в покое! — зарычал Рен.

— Ой, я тебя умоляю, Мака'Али, не переживай. Тебе нечего мне предложить. Через пару минут тебя даже не будет в живых.

Услышав о сделке, Катери прошиб пот, когда она поняла, кто к ним явился, хотя никогда не видела это существо.

«Дух Гризли».

— Теперь я пришел забрать то небольшое, что ему осталось. Он мне очень многим обязан.

Катери не собиралась отступать.

— Не понимаю. Зачем он пошел на сделку с тобой?

Гризли процедил сквозь зубы:

— Из-за тебя. — Он выплюнул признание с отвращением. — Он всегда был глупцом.

— Нет! — с яростью выкрикнула она. — Рэн никогда не был глупцом. Но ты... Тебе следовало принять его предложение, когда Рэн отправил тебе Энрике вместо себя.

Гризли фыркнул.

— Жалкая замена.

Он потянулся к Рэну.

— Ты не забереешь его, — зарычала она, готовая насмерть драться за Рэна.

Призвав каждый грамм силы отца и бабушки, она атаковала Гризли.

Мощь ее атаки потрясла его. Но было слишком поздно. Ее сила слишком велика. И подойдя к ней, он высвободил ее дух медведя.

Никто не тронет ее семью.

Никто!

Вскочив на ноги, Катери со всей мощью напала на него, не переставая бить Гризли, пока клокотала и бушевала ярость. Не только потому, что он посмел прийти сюда сейчас. За все, что он сотворил с Рэном, за смерть ее отца. Гризли отнял или попытался забрать у нее все.

И он отнял немало.

— Ты сделал все, что планировал. На этом, Гризли, пришло время остановить тебя.

Он расхохотался над ней.

— И что ты со мной сделаешь? Ты не можешь меня убить. Я бессмертен.

— Не могу, но мне под силу изгнать тебя обратно в источник, породивший тебя. Уверена, ты не забыл муки кипения и агонию страданий. Может, тебе понравится вечность гореть в том аду.

Он попытался сбежать, но она ему не позволила. Гризли не предоставил ее отцу и Рэну ни капли милосердия, и она ответила ему той же монетой.

Она ударила его сильнее. Быстрее. Беспощаднее.

Гризли кричал, когда она обрекла его на худшую участь для любого бессмертного.

— Что здесь стряслось, черт подери?

Катери повернулась, услышав протяжное произношение Сандауна.

— И какого хрена произошло с тобой, приятель?

Отложив винчестер в сторону, Джесс присел рядом с Рэном, чья кожа стала отливать синевой. В глазах Катери стояли слезы, когда Сандаун наклонился, проверяя, дышит ли друг.

Рэн не ответил.

Испугавшись, что он умер в одиночестве, пока она сражалась с Гризли, Катери бросилась к любимому.

— Рэн?

Он распахнул глаза, но не смог сфокусировать на ней взгляд. Зрачки бегали, словно он не мог их контролировать.

— Спасибо, Катери.

— За что?

— Что вернулась ко мне.

По ее щекам побежали слезы.

— Я всегда буду возвращаться к тебе, Рэн, — зарыдала она. — Преодолеваю ад, бурю и демонов. Ничто не сможет удержать меня вдали от тебя. Ничего! Проклятье, борись ради меня!

Он облизнул губы.

— Я пытаюсь. Именно поэтому я еще здесь. Но не думаю, что мне позволят выиграть этот бой.

В отчаянии желая спасти любимого, Катери стала копаться в его карманах.

Сандаун нахмурился.

— Что ты делаешь?

— Я ищу *degalodi nvwoti*. Его мешочек с лекарствами.

Рэн поймал ее руку.

— *Osda*.

— Нет тут ничего хорошего, — выдохнула она.

Найдя в кармане мешочек, она вытащила его и, развязав красный замшевый узелок, стала копаться в нем, ища исцеляющее средство, сердито смахивая бесполезные слезы.

«Я должна спасти его».

Она потеряла всех кого любила, и если он умрет, она себе этого никогда в жизни не простит.

«Я проклята».

Она знала это. Каждый раз, впустив кого-то в сердце, Катери платила за это самую высокую цену.

«Я больше никого не потеряю! Никогда!»

Катери знала, что если Рэн покинет ее, она тоже умрет.

Полная решимости спасти его во что бы то ни стало, Катери рылась в камнях и перьях... духовные камни, которые он собирал всю жизнь. Как и ее бабушка.

Как и она сама.

Предметы, дарующие силу и храбрость. Вещи, напоминавшие ему, кто он и чего хочет добиться. Копаться в чужих *degalodi nvwoti* намного сокровенней, чем читать дневник.

И когда она достала амулет с колибри, прикрепленный к розовому в форме сердечка кварцу и крошечному красному бантику, который был на ней в их первую встречу. Катери зарыдала навзрыд.

Рэн потянулся к ней.

— Пожалуйста, не плачь, Катери. Это разбивает мне сердце.

Но она ничего не могла с собой поделать. При виде этого предмета она полностью осознала всю глубину его чувств. Он создал ее личный символ и положил в свой мешочек... единственная вещь, без которой он и шагу не ступит.

Внезапно комнату сотрясла еще одна вспышка молнии. Порыв ветра разметал обломки.

«Твою мать!..»

Испытывая ярость и жажду выместить на ком-то душераздирающую боль, Катери вскочила на ноги готовясь схлестнуться с врагом.

На этот раз она насладится убийством.

Но встав в боевую позу, она заколебалась.

Ник стоял перед ней в своем человеческом облике, но за спиной у него были распахнуты черные демонические крылья. Темные волосы взъерошены, а лук со стрелой на щеке едва заметен.

Он шагнул вперед, держа полыхающий черный кристалл.

Отрывисто дыша, Катери уставилась на камень.

— Что это? Целебный камень?

Катери потянулась, намереваясь взять его.

Ник поймал ее за руку и впился в нее взглядом.

— Это душа Рэна. Когда я увидел, что он умирает, то пошел к Артемиде за ней. Если на его последнем вздохе соединить душу с телом, то Рэн будет свободен от службы у Артемиды.

В душе вспыхнула надежда.

— Правда?

Ник кивнул.

— Нет! — зарычал Рэн.

«Он рехнулся?»

Катери уставилась на него с изумлением.

— Почему нет?

— Потому что он будет печь и оставит шрам. Ужасный. Скажи ей, Сандаун.

Джесс кивнул.

— Он прав. Шрам просто ужасный. Когда Эбигейл освободила меня, у нее даже срослось два пальца вместе. Каждый раз, когда я их вижу, это убивает меня. Мне ненавистна сама мысль, что я причинил ей боль.

— Мне плевать.

Катери потянулась за кристаллом снова, но Ник поймал ее за руку.

— Если из-за боли ты откажешься от своего решения до того, как душа вернется в тело, то погубишь его и обречешь на существование в невероятных муках. Поэтому, прежде чем принять решение, хорошо все взвесь и знай, ты не можешь отпустить, независимо, как сильно будет жечь.

— Я никогда и ни за что на свете не отпущу его, — твердо сказала Катери. Она опустилась на колени перед Рэном. — И если я это сделаю, то прокляну себя на самый худший ад.

Глаза Рэна наконец перестали бегать и сфокусировались на ней.

— Если бы ты мог спасти мою жизнь, ты бы возражал против шрама? — спросила она его.

— Нет, — решительно прошептал он.

Она улыбнулась, а потом посмотрела на Джесса.

— Я не знакома с Эбигейл, но уверена, каждый раз, когда она видит шрам, единственная ее мысль, что ей безумно повезло разделить эту жизнь с тобой. Уверена, когда ей хочется намылить тебе шею за сказанное или сделанное, то один взгляд на шрам — и она вспоминает, на что была готова пойти ради тебя.

Джесс сглотнул.

— Проклятье, Рэн, такую девушку нельзя упустить.

Рэн закашлялся кровью.

— Держись, любимый.

Катери потянулась за кристаллом, но Ник отвел руку.

— Я дам тебе его, когда придет время. Тебе нет нужды терпеть боль больше необходимого.

— Ладно.

Катери отвернулась, положив голову Рэна на колени, намереваясь держать его крепко и не отпускать.

Рэн потянулся и взял ее за руку.

— Я не против, если ты уронишь мою душу. По крайней мере, я буду

знать, что ты пыталась.

Она рассмеялась сквозь слезы.

— Я не собираюсь ничего ронять. Но когда ты вернешься к нормальной жизни, я смогу что-то уронить тебе на голову за подобные мысли.

Он улыбнулся, потом напрягся.

— Рэн?

Его рука безмолвно упала.

— Рэн?

«Не паникуй, ты вернешь его».

Но это легче сказать, чем сделать.

Ник опустил крылья.

— Ты должна прижать кристалл на метку лука и стрелы. Именно там Артемида забрала его душу. Именно туда она должна быть возвращена.

Катери попыталась не смотреть на лицо Ника. Артемида, вероятно, обхватила его лицо руками, забирая душу.

— На бедре.

Она посмотрела на Джесса.

— И чё ты на меня так смотришь? Я не лезу к мужикам в штаны. Они не в моем вкусе. Хотя я всей душой люблю этого парня... Женщина, это твоя задача. В смысле, я не сексист или гомофоб. Просто не хочу прикасаться к хозяйству другого мужика, если могу этого избежать. И это личный выбор, гарантированный конституцией.

Покачивая головой, Катери осторожно опустила голову Рэна на землю, а потом бросилась расстегивать молнию, чтобы чуть стянуть штаны, обнажив метку на бедре и не смущать Рэна больше необходимого. Если бы Рэн носил белье, это упростило бы дело, но... ее миссия выполнена. Катери глянула на Джесса с веселой ухмылкой.

— Думаю, Рэн бы тоже не хотел, чтобы ты лапал его хозяйство.

С коротким смешком Сандаун отошел, освобождая ей место для маневра.

— Чертовски верно. Без преувеличений.

Ник подошел ближе. Катери потянулась за кристаллом, но Ник опять остановил ее.

— Подожди последнего вдоха.

Пришлось ждать тридцать секунд. И это был худший момент в ее жизни.

Рэн выгнулся, и свет померк в его удивительных синих глазах.

«Пожалуйста, только вернись. Пожалуйста, только вернись...»

Ник дал ей кристалл.

— Сейчас.

К ее удивлению, она не почувствовала боли. Вообще.

Причина в адреналине, или кто-то избавил ее от боли. Неважно. Катери прижала кристалл к метке Рэна.

И ничего.

Ее охватила паника.

«Кто-то попутал камень? Я сделала что-то не так?»

Ник утешительно сжал ее плечо.

— Подожди секундочку.

Но как только Катери захотела напасть на Ника за то, что тот способствовал смерти Рэна, когда ей нужно было пытаться спасти его и предотвратить случившееся, Рэн резко вдохнул и выгнулся. Паника исказила его черты, когда он встретился с ней взглядом, и в бездонной синеве вновь заискрилась жизнь.

И на этот раз еще и с отблеском души.

Обхватив его лицо ладонью, Катери улыбнулась.

— Привет, малыш. Добро пожаловать обратно.

Ник взял ее за руку, в которой она держала кристалл, и убрал камень.

— Теперь ты можешь отпустить его.

— Прости. Я не хотела рисковать.

Ник нахмурился, увидев ее ладонь без единого шрама.

— Ты не обожглась?

Она покачала головой.

— Ну, ладно. — Ник улыбнулся ей. — Удачи! Теперь он весь твой. Позаботься о нем.

И след Ника простыл.

Катери переплела их пальцы, пока Рэн осознавал, что снова стал человеком.

Он глянул на стенопись на потолке.

— Мы успели вовремя?

— Не уверена, но думаю, да. — Прикусив губу, Катери встретила взглядом с Джессом. — Как считаешь?

Сдвинув ковбойскую шляпу на затылок, он пожал плечами.

— Мы не узнаем, пока на часах не пробьет одиннадцать минут двенадцатого. Но думаю, мы справились. С грехом пополам.

У противоположной стороны комнаты зевнул Кабеса, и Катери стало дурно, что она в тревоге о Рэне совсем забыла о них.

— Не знаю, как остальные, но мне нужно поспать, — заявил Кабеса.

Он хлопнул Сашу по спине. — Либо разбуди меня на Апокалипсис, либо если мир никуда не денется и не будет наплыва демонов, увидимся на закате.

Махнув на прощанье, он исчез.

Саша тоже зевнул.

— Да, пожалуй, я тоже не прочь вздремнуть и воспользоваться услугами массажистки. Народ, увидимся позже. Надеюсь, при более приятных обстоятельствах.

— Счастливо!

Катери окинула взглядом окружающий беспорядок от взрывов и молний. Несмотря на это, кажется, им удалось предотвратить конец света.

Рэн взял ее за руку, чтобы привлечь внимание к себе.

— Что, любимый?

Он встал, притянул ее в объятия и подарил самый сногшибательный в истории человечества поцелуй.

И когда Рэн отстранился, прижавшись своим лбом к ее лбу, она увидела на его губах самую счастливую в мире улыбку.

— Скажи мне, Катери, что для нас сулит будущее?

«Нас...»

Одно слово и его вопрос согрели сердце теплом миллиона солнц.

Прежде чем она смогла ответить, Джесс встал и закинул винчестер на плечо.

— Ах, черт возьми, парень, я могу ответить на этот вопрос. Целая банда детишек и охрененная жизнь, которую стоит прожить.

ЭПИЛОГ

28 июля 2061 год

Рэн стоял у самого большого собранного ими костра.

— Все готово? — спросила Катери, подойдя к любимому.

— Вроде да. — Рэн окинул взглядом то, на что они потратили целый год, готовясь к этой ночи.

Хотя это не совсем так. Он ждал этой минуты всю свою жизнь.

Во многих отношениях.

— Вaleyли! — окрикнул Рэн. — Надень пальто, в пустыне холодный воздух. Ты можешь простудиться.

Младшая дочь глянула на него, закатив глаза.

— Пап, ты серьезно? — Она махнула рукой на своих четверых сыновей. Высокие мужчины собрались вокруг своей миниатюрной

матери. — Я вырастила собственных детей. Мне кажется, я знаю, когда стоит одеться. Кроме этого, если я заболēju, со мной такое случится впервые в жизни.

Катери со смехом накинула на плечи дочери свитер и поцеловала ее в щеку.

— Он раздувает из мухи слона, потому что волнуется за тебя.

— Знаю, мам. — Валеيلي подошла и чмокнула Рэна в щеку. — Папочка, я тоже тебя люблю.

На эти слова у него всегда была одна и та же реакция: дрожь в коленях и сердце, готовое вырваться из груди от восторга.

Валеيلي отстранилась и хотела уйти, когда Рэн остановил ее. Молча, он поднял руку дочери и поцеловал костяшки пальцев, вознес безмолвную благодарственную молитву богам за свою семью. Дочь нежно сжала его руку, а потом пошла к мужу.

— Д-д-д-деда! Вр-р!.. — Их шестилетний внук Паркер не смог выговорить слово и сердито замолчал.

Рэн подхватил его и крепко обнял.

— Время?

Малыш кивнул.

— Хорошо, хочешь исполнить почетную миссию?

Паркер энергично закивал.

Рэн опустилсѧ на одно колено и поставил малыша перед собой.

— Паркер, ты можешь говорить со мной всегда. В любое время. Я никуда не спешу, и для меня нет ничего слаще звука твоего голоса. Так что не волнуйсѧ о произношении, договорились?

— Я люблю тебя, деда.

Рэн поцеловал его в щеку, а потом взял факел из рук Катери и протянул Паркеру.

— Будь осторожен. Не пораньсѧ.

Паркер побежал к линиям, очерченным в пустыне, и поджег их. Пламя вспыхнуло, озарѧ огромный рисунок, при виде которого Линии Наска в Перу показались бы жалкими. Огонь вздымалсѧ выше и вспыхивал ярче, пока не озарил всю пустыню. Языки пламени танцевали, переливаясь в ожерелье Катери. После той ночи в Долине Огня она никогда больше его не снимала.

Рэн обнял любимую за плечи, поднял голову и вместе со всей своей семьей стал ждать.

Спустѧ несколько минут они уже любовались кометой, пролетающей над их головами.

— Все помашите рукой! — закричала Катери. — Пусть ваша бабушка знает о нашей огромной любви и безграничной благодарности ей за сына.

Тери, их восьмилетняя внучка, посмотрела на Катери, широко распахнув глаза.

— Ты думаешь, она нас видит, *elisi*^[67]?

Рэн посадил ее себе на плечо.

— Думаю, да, *sogainisi*^[68]. Мне кажется, мы воздвигли такой огромный памятник в ее честь, что его увидят даже на Марсе.

Огромная восьмикилометровая гром-птица с колибри под крылом — не потому, что она под защитой громовержца — просто ветер несет ее к небесам.

В центре гигантской птицы с помощью Ашерона и Тори они написали на древнегреческом: «*S'agaro*». *Я люблю тебя*.

Рэн надеялся, что мать все увидела и поняла, что он по-прежнему здесь. Пускай они никогда не встречались, он был благодарен ей за жизнь, которую она ему даровала.

Тери со вздохом уставилась на свои ноги.

— Деда, не существует никаких марсиан. Ученые давным-давно развеяли эту теорию.

— Клянусь, что бы там ни говорили, некоторые черты передаются с генами, — пошутил Рэн и с усмешкой покосился на Катери. Она нежно поцеловала его, а потом обняла.

— Скажи мне, малыш. Сандуан не ошибался насчет будущего?

Рэн оглянулся, любуясь их четырьмя сыновьями и тремя дочерьми, их мужьями и женами, а также двадцатью внуками, включая малыша, родившегося этой осенью у их младшего сына.

— Да. Но за это я должен благодарить тебя.

— За что же?

— Ты разделяешь со мной жизнь и делаешь так, что даже самый худший момент становится самым счастливым в моей жизни.

ВНИМАНИЕ

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы

принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Гигау (Ghighau или Ghigau с языка племени чероки «женщина-война», «избранная женщина») — в культуре племени чероки титул, который давался особенной женщине, внесшей существенный вклад в сообщество клана или за большой героизм на поле брани. Титул являлся очень большой честью и ответственностью на всю жизнь. Чероки считали, что Великий Дух часто говорил через Гигау.

2

Ани-Кутани (*Ani-Kutani*) — Древние священные люди племени Чероки. По легенде Чероки: Ани-Кутани были убиты во время массового восстания народа чероки примерно за 300 лет до прибытия европейцев в Америку. По легенде Ани-Кутани стали продажными и творили сексуальные бесчинства, что и послужило причиной восстания. Также в прошлые времена Ани-Кутани считались «огненными жрецами». Приставка «Ани» это префикс, который ставят, чтобы обозначить группу лиц, а вот значение слова «Кутани» до сих пор остается тайной.

3

Edudi — дедушка по отцовской линии (с языка чероки)

4

Uhgeeleesee — ласковое обращение к внуку (с языка чероки)

5

Черный пересмешник (англ. *Raven Mocker*, с языка племени чероки *Kâ'lanû Ahkyeli'ski*) — самый страшный из всех злых духов племени чероки, существо, лишшающее умирающего жизни. Бывает обоих полов, но различить их тяжело. Обычно выглядят чахлыми и старыми, поскольку впитали в себя множество жизней. По легенде, ночью, когда кто-то болен или умирает в деревне, черный пересмешник прилетает туда отнять жизнь.

Он проносится сквозь воздух с огненным ликом, с вытянутыми, словно крылья руками, а искры усыпают его след, так же слышен шум, похожий на порыв сильного ветра. Порой, когда черный пересмешник летит, то каркает как ворон, пикирующий с неба. Все, кто слышат этот крик, страшатся, поскольку знают, что скоро оборвется чья-то жизнь. Когда черный пересмешник врывается в дом, то ищет врагов, способных отогнать его. Если таких нет рядом с больным, тогда невидимый для окружающих злой дух пугает и мучает свою жертву, порой даже подымает с кровати и швыряет на землю. Но родные и друзья не видят этого, им лишь кажется, что несчастный сражается за каждый вздох. Убив жертву, злой дух вытаскивает сердце и съедает его, тем самым добавляет себе все отнятые у человека дни и годы. Никто в комнате не видит черного пересмешника, и нет шрамов, откуда было забрано сердце, но в груди погибшего его больше нет, как и украденной души.

6

Nayu — камень (с языка чероки)

7

В астрологии есть такое понятие, как ретроградные планеты (попятное движение). Ретроградными могут быть любые планеты за исключением Солнца и Луны (в астрологии традиционно принято считать данные светила тоже планетами). Астрономически такое явление связано с неравномерностью скоростей Земли самой планеты. И поэтому кажется, что планета с Земли делает петлю, идет то в прямом направлении (по часовой стрелки), то в попятном (против часовой стрелки). Во время ретроградности планет у людей часто возникают жизненные проблемы. Например, когда Меркурий начинает движение вспять, многие личности испытывают трудности в коммуникабельных способностях и усвоении новой информации. У бизнесменов падают продажи, снижается процент прибыли. Ретроградность Меркурия — неблагоприятное время для новых знакомств, заключения контрактов и приобретения дорогой техники. Поэтому серьезные дела всегда требуют учета периодов обратного движения небесных тел.

8

Hola — Привет! (исп.)

9

Месье Монтесумы — так в Мексике называют обычную диарею путешественников, которая возникает при посещении тропиков или субтропиков. Название пошло со времен завоевания конкистадорами некогда великой империи ацтеков. Кортес подошел к столице ацтеков Теночтитлану, на месте которого сейчас расположено Мехико, но король Монтесума II вместо того, чтобы вступить с ним в бой, пригласил Кортеса к себе в качестве гостя. В благодарность за это Кортес заключил Монтесуму в тюрьму, после чего началась колонизация величайшей мезоамериканской культуры Испанией и Католической церковью. Единственной месьею со стороны Монтесумы стало разнообразие желудочно-кишечных проблем, от которых страдают иностранные туристы.

10

«Бетси-пушка» — применяется в полевых работах для измерения сейсмоактивности участка земли. Представляет собой ружье на буре, с которого делают выстрелы в землю на два с половиной метра, а в это время с помощью сейсмоприемников проверяют частоту сейсмоактивности.

11

Abuela — бабушка (исп.)

12

Si — Да (исп.)

13

Machi — знахарка, знахарь (исп.)

14

Предклассическая (формационная) эра в истории Мексики охватывает период с 2000 до н. э. до 250 н. э. К её началу относится появление у индейцев социального разделения. Причинами его возникновения послужили переизбыток населения при ограниченности материальных ресурсов, необходимость разделения труда и организации общества для выполнения сложных работ. Приблизительно этим временем датируются постройки первых храмов, появление поселений ремесленников, и, кроме этого, наполненные украшениями захоронения индейской знати. Кроме этого данная эра известна благодаря своей письменности, искусству, архитектуре, математической и астрономической системам.

15

Después del trabajo — cerveza! — После работы — пиво! (исп.)

16

Мезоамерика — историко-культурный регион, простирающийся примерно от центра Мексики до Гондураса и Никарагуа.

17

Chica — девушка (исп.)

18

Bonita — милашка (исп.)

19

Один из видов средств самообороны — это тактические ручки. Они выглядят совершенно так же, как и обычные шариковые ручки, даже

стержень для письма имеют внутри. Но особая форма и крепкий металл корпуса дают возможность применять данный предмет и в качестве оружия.

20

Отсылка на комедию «Эта кошмарная Пэт» 1994 г. В основе сюжета Пэт Райли, неприятный назойливый человек неопределённого пола, встречается с Крис, внимательным и заботливым человеком также неопределённого пола, и влюбляется в него.

21

Pendejo — трус (исп.)

22

Ese cabron hijo de la gran puta — Этот сукин сын (исп.)

23

Пейотль (пейот) или **Кактус ангалониум** — североамериканский кактус рода Лофофлора. Кактусы ангалониум содержат несколько алкалоидов, из которых основные — мескалин, ангаламин и кармагин. Индейцы используют пейотль как тонизирующее средство при тяжелой работе, но главным образом при религиозных церемониях как наркотическое средство, вызывающее своеобразное опьянение и галлюцинации.

24

Puta — проститутка, шлюха, путана (исп.)

25

M'ijo — мой мальчик, мой дорогой (городской сленг исп.)

26

Adios — прощайте (исп.)

27

Пейтон Мэннинг (англ. Peyton Williams Manning — Пейтон Уильямс Мэннинг) — знаменитый игрок в американский футбол (квотербек).

28

Гром-птица или **громовержец** или **громовая птица** или **буревестник** (англ. thunderbird) — легендарное существо в мифологии североамериканских индейцев, обладающее сверхъестественной мощью. Название произошло от верования, что гигантские крылья этой птицы

поднимают ветер и вызывают гром.

29

Духовая трубка — духовое оружие, представляющее собой полую трубку, которая направляет снаряд (обычно стрелку, уменьшенный вариант стрелы для лука), приводимый в движение воздухом, выдуваемым человеком.

30

Атлатль или копьеметалка — древнейшее метательное приспособление, предназначенное для метания лёгких копий (дротиков), иногда оперённых.

31

Одним из холодных оружий доколумбовской Мезоамерики считалась боевая дубина (до наших времен дошло лишь ацтекское название макуавитль). Основа делалась из дерева сапоте, в нее вставляли острые обсидиановые лезвия (вулканического стекла). Пластин могло быть от одной и более, иногда они крепились с двух сторон. Порой помимо обсидиановой кромки на конце крепился шип для колющего удара.

32

Чероки называют себя «тсалаги» что значит «главные люди».

33

Эректильная дисфункция при которой объём полового члена мужчины, его твёрдость и прямота недостаточны для совершения полового акта, одно из самых распространенных сексуальных расстройств у мужчин.

34

Ренегат (лат. renegatus, от renego — «отрекаюсь») — отступник, изменник.

35

«Телепортируй меня, Скотти!» — фраза из фантастического фильма «Звездный путь» (англ. Star Trek, дословно «Стартрек»).

36

Раньше племя чероки именовали себя китува.

37

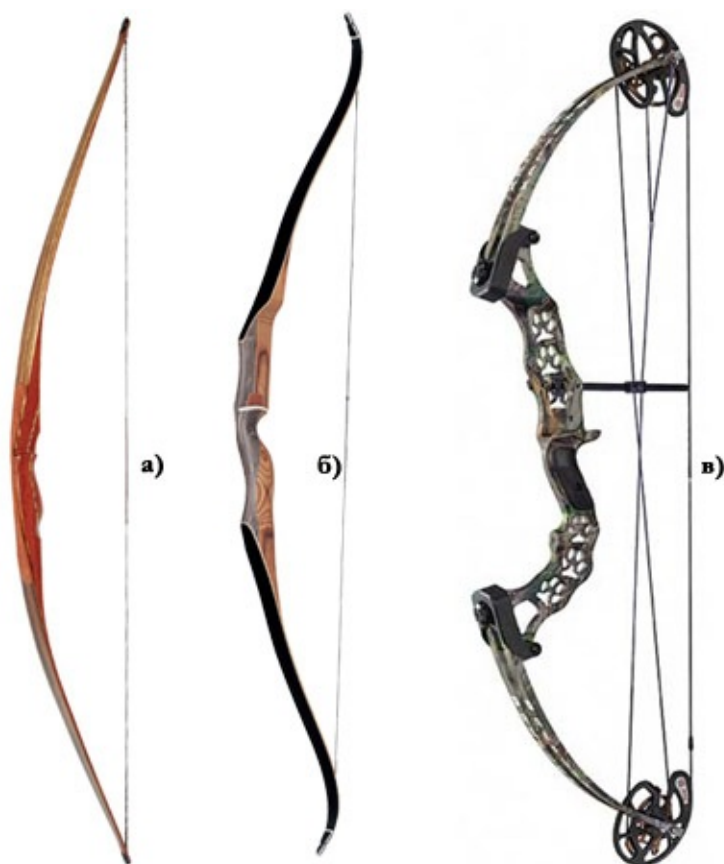
Согласно популярной легенде, во время поисков фонтана молодости испанский конкистадор с титулом аделантадо Хуан Понсе де Леон открыл в 1513 г. Флориду.

38

Коатль (англ. Coatl) — с языка ацтеков означает «змея».

39

Типы луков:

Традиционный или **Классический** лук, концы дуги которого прямые (не загнутые), как правило, имеет размах от 1,5 до 2 метров. Это наиболее примитивный по конструкции лук.

Рекурсивный лук, концы дуги которого изогнуты в сторону, в которую производится выстрел, это увеличивает нагрузку на плечи лука при растягивании. Такая конструкция позволяет при той же, что у прямого лука силе, стрелять дальше, ровнее и точнее.

Блочный лук, современный тип, ключевой особенностью конструкции являются два блочных механизма на концах плеч, которые перераспределяют нагрузку тяги таким образом, что к концу она очень сильно ослабевает. На блочные луки ставят оптические прицелы с двумя точками прицеливания — одна на рукоятке, другая на тетиве. Саму тетиву лучник в правой руке не держит, тетива удерживается релизом (или релайсингом) — механизмом, который аналогичен спусковому механизму в арбалете. Это позволяет полностью убрать негативный эффект скатывания тетивы с ладони в классике, и стрела летит очень устойчиво. Блочная система позволяет уменьшить длину лука при сохранении прежней длины стрелы и мощности. При равной натяжке и длине стрелы начальная скорость стрелы блочного лука будет примерно в два раза выше, чем у

обычного спортивного лука.

40

Madre de Dios — Матерь Божья! (исп.)

41

«Локоны любви» — некоммерческая благотворительная организация, которая принимает в качестве пожертвований волосы и деньги для изготовления париков для канадских и американских детей из бедных семей, которые после лечебных процедур навсегда утратили свои волосы.

42

Amigo — Приятель (исп.)

43

Уэсли Эрл Крэйвен (2 августа 1939 — 30 августа 2015) — американский кинорежиссёр, продюсер, сценарист, известный своими работами в жанре ужасов: «Кошмар на улице Вязов», «Крик», «У холмов есть глаза» и многих других.

44

Игра слов имя на англ. Rena а «надпочечник» — Renal Gland

45

Hijo de puta — Черт побери! (исп.)

46

Mi hermanos — Мой брат (исп.)

47

Сизиф — в древнегреческой мифологии царь Коринфа. Никто во всей Греции не мог равняться с ним по коварству, хитрости и изворотливости ума. В первый раз, чтобы избежать смерти Сизиф обхитрил Татана заковав бога в оковы. На земле люди перестали умирать, разгневанный Зевс отправил Ареса вызволить Татана и тот унес душу Сизифа в Тартар. Но хитрый Сизиф перед смертью наказал своей жене Меропе не предавать его тело земле и не приносить жертву богам преисподни. Не дождавшись подношения Аид позвал к себе Сизифа, и тот уговорил бога отпустить его

ненадолго в мир живых, чтобы разобраться с ситуацией, только хитрый царь не вернулся, а стал пировать в своем замке. Разгневался Аид, снова послал Таната за душой Сизифа и на этот раз навсегда исторг душу обманщика в Тартар. За свое коварство боги приговорили его вкатывать на гору, расположенную в Тартаре, тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз.

48

Алабама один из многих штатов, где нет профессиональных команд Национальной Футбольной Лиги, поэтому студенческий футбол здесь превращается в грандиозное событие. Из всех продолжительных местных соперничеств нет более страстного и знаменитого, чем между Университетом Оберна (Тигры) и Университетом Алабамы (Кровавый прилив). Официальный лозунг Университета Алабамы «Накати волна».

49

Gracias — Спасибо! (исп.)

50

De nada — Не стоит благодарности. (исп.)

51

Por favor — Пожалуйста. (исп.)

52

Тропа слёз (*англ. Trail of Tears*) — этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев, основную массу которых составили Пять цивилизованных племён, из их родных земель на юго-востоке США на Индейскую территорию (ныне Оклахома) на западе США. Первым было переселено племя чокто в 1831 году. По дороге индейцы страдали от отсутствия крыши над головой, болезней и голода, многие умерли: только для племени чероки оценка числа погибших по дороге составляет от 4 до 15 тысяч. Вместе с индейцами на индейские территории переселилось множество негров — находившихся в рабстве, вступивших в брак с представителями индейских племён или просто беглых. В наши дни одноимённое название носит дорога, включённая в Систему национальных троп США с целью увековечивания американской истории.

53

Yonegwa — Большая Медведица (с языка чероки)

54

Loco — чокнутый (исп.).

55

Cher — дорогой, дорогая (фр.)

56

Примус Беллум (лат. Primus Bellum) — «Первая война»

57

Строка из стишка, достаточно популярного в европейских странах. Существует теория, что считалочку придумали во времена чумы.

«Розочка в кружочке. В кармане цветочки. Апчи-апчи. Все упали вниз».

Кольца роз — поражения на коже, первые следы инфекции; мешочек с бутоньерками — тщетные попытки отпугнуть болезнь; чихание — симптом надвигающегося заболевания; «все упали» — смерть.

58

À bientôt, mon frère. — Скоро, мой брат. (фр.)

59

Et tu? — И ты? (лат.)

60

Баннок (англ. *fry bread*) — национальное блюдо индейской кухни, в настоящее время широко распространённое среди многих племён индейцев США. Представляет собой плоский кусок дрожжевого теста, обжаренного или глубоко прожаренного в масле или жире.

61

Бамия (окра, гомбо, абельмош, дамские пальчики, гибискус съедобный) — это однолетнее травянистое растение семейства мальвовых. В высоту этот куст достигает 40–50 см, редко — больше. Плоды этого овоща имеют вид коробочки, которая напоминает многогранный стручок, покрытый пушком. В поперечном разрезе стручки имеют форму

пятиконечной звезды. Внутри коробочки созревает много семян. Спелые плоды (более 5 дней) становятся волокнистыми и невкусными, поэтому в пищу не употребляются. По вкусу стручки окры представляют что-то среднее между спаржевой фасолью и кабачками или молодыми баклажанами.

62

Марди Гра («жирный вторник») — эти народные гуляния проходят перед Пепельной средой, с которой начинается Великий пост у католиков. Главные события Марди Гра происходят на улице Бурбон-Стрит во Французском квартале Нового Орлеана. Здесь разворачивается грандиозное костюмированное шествие под предводительством Короля и Королевы карнавала. Участники парада восседают на гигантских мобильных платформах. Они кидают в толпу разнообразные безделушки, пластиковые бусы и сладости как знаки внимания. В борьбе за ценные «трофеи» некоторые зрительницы прибегают к фирменному трюку Марди Гра — демонстрации обнаженной груди. А истоком этой традиции служит оригинальный цвет бус, который ввел Первый Король дневного карнавала в 1872 г. Он хотел чтобы цвета были королевскими: фиолетовый — правосудие; золотой — власть; зеленый — вера. Идея заключалась в том, чтобы бросить человеку бусы, которые он заслужил.

63

64

Cárcel — тюрьма (исп.)

65

El piedra — камень (исп.)

66

Cárcel Infierno, amigo — Тюремной камерой в аду, приятель. (исп.)

67

Elisi — бабушка по материнской линии (с языка чероки)

68

Sogainisi — внучка или внук (ребенок сына) (с языка чероки)